

18+

Анатолий
Коридоров

ПЛАНЕТА
КРАМПУС

Анатолий Коридоров
Планета Крампус. Роман

«Издательские решения»

Коридоров А. И.

Планета Крампус. Роман / А. И. Коридоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550522-4

В захваченном немцами Стругаже развернута секретная лаборатория. В ней над советскими военнопленными проводятся странные и бесчеловечные опыты. Доктор Отто Вернер, руководитель лаборатории, разработал методику изменения сознания и личности человека,. «Перепрограммированные» нацистами люди — идеальное «пушечное мясо» для передовой и агенты для внедрения в партизанский отряд. Найти и уничтожить лабораторию — эта задача объединяет усилия НКВД, фронтовой разведки и партизан в фашистском тылу.

ISBN 978-5-00-550522-4

© Коридоров А. И.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая.	7
1	8
2	10
3	17
4	20
5	23
6	26
7	27
8	31
9	36
10	40
11	44
12	48
13	55
14	57
15	61
16	64
17	66
18	69
19	75
20	76
21	79
22	85
23	89
24	91
25	95
26	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Планета Крампус Роман

Анатолий Иванович Коридоров

*...Не всякая вершина доступна человеку.
Альпинист Захар Пазухин*

Автор выражает благодарность ООО ПКФ «Уральская трубопромышленная компания» и её генеральному директору за помощь в издании книги.

Иллюстратор Анатолий Коридоров

© Анатолий Иванович Коридоров, 2021

© Анатолий Коридоров, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-0522-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

По эту сторону фронта

**Книга первая.
По эту сторону фронта**

1

Вокруг непроглядная тьма, деревья черные недвижно выстроились, между ними местами звездочки мерцают. По всему – лес дремучий и ночь глубокая. Вдруг многочисленные черные крылья захлопали – знать, взвилась с места потревоженная кем-то стая ворон. У Алексея захолонуло сердце от необычного тревожного состояния. «Черт-те что творится», – промелькнула мысль у него в голове. Между стволами промелькнула тень, другая. Кто б это мог быть? «Черти, что ли?».

– Ага, вот он, здесь прячется, – прозвучали где-то сзади слова, произнесенные по-немецки хриплым, скрипучим голосом. Он их понял, потому как немецкий язык ему был хорошо знаком.

«Так это и не черти совсем, – обожгла его догадка, – это же фрицы проклятые».

Навалились на него грузные черные тени... Да и не тени совсем, а невероятная по своей мощи силища нечистая. Он попытался вывернуться, освободиться из цепких объятий, но усилия его были тщетными. Он слышал радостный, победный громогласный хохот и клич, провозглашаемый раскатистым, громким, хриплым голосом:

– Ломай его, калечь, бей его до смерти!

И сыпались на него удары со всех сторон. Он как мог защищался от них, то укрывал один бок, то ухитрялся подставить другой... Но боль была нестерпимая. Адская была боль...

Алексей и не понял, отчего он внезапно пробудился: то ли от непонятного шума и возни в палате, то ли от резанувшей вдруг боли в бедре. А может, от того и другого вместе. Минувшие вечер и ночь были беспокойными, и до раннего утра он никак не мог уснуть. А вот когда уснул, приснилась такая нелепица.

Он лечился после ранения две с лишним недели, но так и не смог пока приспособиться к здешнему режиму. Порядок фронтовых буден в разведке, казалось, был неистребим: ночи, как обычно, бессонные – выполнение боевых заданий, – а днями спать приходилось как, где и сколько придется.

Промучившись от бессонницы и боли до утра, сразу после завтрака и утренних необходимых процедур Алексей крепко уснул. И даже боль с приходом сна утомилась.

Его тетрадка за это время не пополнилась ни единой новой строчкой, хотя кое-какие мысли и крутились на уме и «перо тянулось к бумаге». Но болезненное состояние и беспокойный шум в палате лишали его творческого настроения, выбивали из колеи.

Беспокой и вызывал сочувствие молодой, раненный в голову лейтенант, метавшийся в бреду. Возгласы его были то просяще-умоляющими, то чрезвычайно возбужденными и злыми, а то он переходил почти на шепот и бормотал что-то совершенно неразборчивое.

– Товарищ майор, товарищ майор, не уберег... Виноват! – покаянно отчитывался он, видимо, перед командиром.

– Не доглядел, товарищ майор. Я, я во всем виноват, – казнил он себя, ворочаясь в постели.

После непродолжительного затишья лейтенант вдруг резко и зычно вскрикивал:

– Опарин! Рядовой Опарин, назад! Я сказал, назад! Отставить!..

А то вдруг начинал поднимать бойцов в атаку, выкрикивая на всю палату команды вперемешку с этажными ругательствами.

– То-то! – ликовал лейтенант, захлебываясь злорадным смехом. – А вы как думали?! Нет, нас так запросто не взять!..

Бывали минуты, когда он вдруг забывался и, кажется, даже засыпал. Но сон его были чрезвычайно непродолжительным. И лейтенант снова и снова принимался бредить.

Привлекал внимание Алексея и пожилой моряк с ампутированной почти по локоть рукой, сидевший, устало ссутулившись, на кровати. Он беспрестанно нянчился с раненым в живот совсем юным светловолосым бойцом, лежавшим по соседству.

Паренек беспрерывно просил пить. А моряк тихо приговаривал хриплым, басовитым голосом:

– Та ты погоду трошки, Мыхасик. Тильки трошечки погоду. Нэ можна тоби покы. Эх!.. – надсадно кряхтел моряк. И здоровой рукой прикладывал к губам паренька влажную тряпицу. Если бойцу удавалось поймать ее и зажать губами, он жадно обсасывал ее, долго не выпуская изо рта. Неутолимая жажда и, надо полагать, пЕкло в животе не позволяли ему хоть на какое-то время забыться сном.

А больше всего беспокоил Алексея его сосед, раненый в грудь и руку и располагавшийся на смежной койке, мужчина средних лет, называвшийся Иваном Старцевым. Иван хоть и укладывался на постель, но ни успокоиться, ни уснуть ему подолгу не удавалось. Он ворочался, стонал и в конце концов, ворча сквозь зубы матерную брань, подымался с постели и, приобняв, как малое дитя, здоровой рукой другую, перебинтованную от плеча до кончиков пальцев, расхаживал по палате, главным образом, от окна до двери и обратно. Но когда Ивану удавалось-таки прилечь и заснуть, он будоражил всю палату поистине богатырским храпом.

Всего в палате теснилось до полутора десятка коек. И все они были заняты.

Самым тихим и неназойливым из всех находившихся здесь на излечении Алексей считал татарина Мусу Файзулина. По виду Мусе можно было дать лет тридцать, а то и более. У него была отнята левая стопа. И потому он, вставая, не расставался с костылем и кривой сучковатой палкой. Подняться с постели у него было только две причины – сходить по нужде или помолиться. Движения приносили ему, по-видимому, нестерпимую боль, что было заметно по кривившемуся тонкогубому рту, обрамленному густой черной щетиной. Но он, тем не менее, заставлял себя подниматься. Молился Муса не менее пяти раз в день. Он опускался с койки на пол, подстилал под колени загодя припасенную чистую, еще не заношенную портянку, и с трудом, наконец-то устроившись на коленях, начинал что-то почти беззвучно нашептывать. Периодически Муса вздымал руки, сложа ладошки, и как бы омывал ими свое лицо. Труднее всего давались Мусе поклоны.

Едва разомкнув тяжелые ото сна веки, Алексей, окинув взглядом левое крыло палаты и увидел группу людей, занятых, как он догадался, скорбными делами.

Двое санитаров – пожилой мужчина с бровями, густыми, с проседью усами и молодой беспальный (на левой руке у парня не было двух средних пальцев) с вечно наивным, растерянным взглядом – укладывали в каталку завернутое в простыню тело умершего солдата. За их действиями озабоченно наблюдал стоявший тут же главный врач госпиталя Борис Соломонович Марголин.

Пожилой моряк, ссутулившись еще больше, сокрушался и утирал слезы:

– Та як же так, Мыхасик! Такой гарный хлопчик... Житы та житы...

Он ухватил свесившуюся с каталки руку умершего и покаянно всхлипнул:

– А колы б мени знаты, шо така беда буде, я б тебе напоив...

Но вот уж пожилой санитар неторопливо, но умело маневрируя меж тесно расставленных кроватей, направил каталку к двери. Рассеянно глядя ему в спину, следом двинулся и беспальный. На месте остался только Борис Соломонович.

2

Борис Соломонович был невысокого роста, с лысоватой головой, с тяжелыми (с внушительной роговой оправой) очками на носу. За ними проглядывали светло-серые пятнышки зрачков под красными, воспаленными, припухшими веками.

Незнакомому человеку его фигура могла показаться неуклюжей и даже забавной. Но сойдясь с ним поближе, любой чувствовал сердечную доброту и интеллигентность. И убеждался, что на деле он довольно скор, расторопен, и даже несколько суетлив.

Характерной привычкой Бориса Соломоновича было откашливаться в кулак. Если он начинал нервничать, переживать или же, напротив, не мог удержаться от накотившего на него смешливого настроения, Борис Соломонович подносил ко рту сложенные трубочкой пальцы и кхыкал в них, будто скрывал от посторонних внешние признаки своего душевного состояния.

Борис Соломонович положил руку на плечо моряку:

– Жаль, конечно, жаль. Еще один не выбрался на берег.

О каком берегу сказал сейчас хирург, в палате было понятно каждому.

Нередко у Бориса Соломоновича пробуждалось желание поговорить, порассуждать, а то и при случае пошутить с кем либо.

Однажды он, пребывая в расстроено-сентиментальном настроении по причине такой же вот смерти одного из раненых солдат, высказался так, что, мол, фронт, передовая, – это разлитое море крови, боли и смертей. А в лазареты и госпитали из этого самого моря текут смердящие человеческим горем реки. И каждое мало-мальское медицинское учреждение представляет собой спасательную службу, которая призвана вытаскивать раненых из этих проклятых смертоносных рек на берег жизни. Кому-то из спасенных и на берег взойти непросто. Разные случаются берега. «Иногда смотришь на раненого, – вспоминал Борис Соломонович, – и думаешь: ведь ему, чтобы выжить, надо на такую скалу взобраться... И глядишь – взбирается же. А другому даже на невысокую гору и с нашей помощью выбраться не удается».

– Н-да, – качал головой главврач, – вот такие они, дела-то наши. Что значит – и люди разные, и берега различные.

Саднит и ноет.

Кто раны боль измерит?

Утесом неприступным жизни берег,

кровавых волн под ним круговорот...

Взойдет на берег тот,

кто твердо верит,

что победит,

что точно не умрет.

Так записал однажды Алексей в свою заветную тетрадку химическим карандашом не бог весть какие строчки, но для него они казались значительными.

Вскоре санитары покинули палату, оставив дверь за собой открытой. Следом за ними направился и Борис Соломонович.

Время приблизилось к обеду.

Вставать не хотелось, но Алексей заставил себя это сделать. Навалившись на костыли, он решил спуститься вниз, на кухню. Всем, кто хоть как-то мог передвигаться, было предложено ходить туда вместо столовой. И размещаться с поданным обедом (или завтраком и ужином) в вестибюле, куда вынесены были из столовой столы и табуретки и расставлены по свободным

углам, вплоть до выхода на улицу. Госпиталь был переполнен, а столовая превращена в больничную палату.

На обед молодая повариха плеснула Алексею черпак жидкого рыбного супа и подала кусок ржаного хлеба. К столу миску помогла донести пожилая работница кухни – посудомойка тетя Фрося.

Он живо расправился с едой. А когда в эту же миску повариха шлепнула пшенной каши, Алексей с трудом поковылял на улицу, чтобы не торопясь, обстоятельно посидеть на свежем воздухе и посмаковать немудреную, но горячую и, в общем-то, вкусную пищу. Там же, кстати, и сигарку скрутить не грех, после чая, конечно. Погода, к счастью, позволяла.

Обеденное время подходило к концу. Все, кто отобедал и перекурил, разошлись по палатам. Остались сидеть за столами совсем немногие.

Раздав в консервной банке окурки сигарки, выкуренной на двоих с раненым из соседней палаты, Алексей, вслед за ушедшим напарником, тоже хотел уже было подняться из-за стола. Но... раздумал.

Проход перегородили два бойца, заносившие в госпиталь на носилках раненого. Его только что привезли и выгрузили из старенькой полуторки с наполовину покрытым брезентовым верхом. Эвакуацией раненого командовал ладный капитан-особист, рядом с которым, не вмешиваясь в его команды и распоряжения, неотлучно находился молодой лейтенант.

И только когда вся эта группа скрылась за хлопнувшей дверью, Алексей, наконец, поднялся, прихватил с собой порожнюю посуду и направился к двери. Войдя вовнутрь, он обошел стороной военнослужащих в форменной одежде, двое из которых держали носилки с раненым. Все они столпились перед приемной главврача.

Алексей мимолетом обратил внимание на недвижно лежавшего раненого с повязкой, скрывавшей почти половину лица.

Алексей поблагодарил повариху за отменный обед и двинулся в обратном направлении. Подходя к группе с раненым, он еще на расстоянии услышал голоса. Разговаривали двое. Один был ему незнаком, стало быть, принадлежал кому-то из вошедших, а вот другой... Другой голос принадлежал, несомненно, Борису Соломоновичу.

– Этому раненому требуется отдельное изолированное помещение... Я же звонил вам об этом, Борис Соломонович, – требовательно восклицал капитан.

– Но я вам тогда же по телефону объяснял, что на сегодня нет у нас отдельных помещений. Где же их взять? – терпеливо возражал капитану главврач. – Только завтра к вечеру, возможно, освободится местечко в небольшой палате. Готовится к выписке генерал. Правда там остается еще один раненый – подполковник. Но ему, я надеюсь, мы местечко подыщем. Но это завтра. Завтра. А сегодня... – Борис Соломонович развел руками. – Найдем место только где-нибудь в общей палате.

– Но это же невозможно! Как вы себе это представляете, Борис Соломонович? – раздраженно повысил голос капитан. – Это особый раненый. Особый! Его никак, ну никак нельзя вместе со всеми...

– Я готов бы вам уступить свой кабинет, – устало произнес Борис Соломонович, – но он, во-первых, не имеет никакого медицинского оборудования, и обслуживающего медперсонала при нем не значится, а во-вторых, куда мне девать валяющихся с ног от усталости врачей и медсестер, работающих здесь круглосуточно. Этот кабинет почти постоянно занят отдыхающими специалистами. Это комната отдыха прежде всего, а уж потом мой кабинет.

Алексей, осторожно шаркая больной ногой и постукивая костылями по бетонному полу со светлыми пятнышками мраморной крошки, приближался к спорящим. Вдруг раненый шевельнулся на носилках. Напрягся, дернулся, сделав попытку подняться. И вот по всему пространству первого этажа раздался его пронзительный, неистовый крик: «А-ааа-а...». И следом – громкие, жалобные, но непонятные для окружающих слова.

– Что он говорит? – удивленно воскликнул Борис Соломонович. – Кто это? Кого вы сюда привезли?

А раненый, то хватаясь за голову, то стуча кулаками себе в грудь и по ногам чуть ниже живота, не унимаясь издавал режущие слух звуки. Он кричал:

– Ich kann nicht! Ich kann nicht mehr! Sie sollen irgendetwas tun. Geben Sie mir einen Schmerzmittel. Eine Spritze, bitte! Toetet mich! Um Himmels Willen, hoer auf mit meiner Qual!¹

– Он так громко кричит, а мы... Ну как врачам, медсестрам общаться с таким вот раненым? – сокрушался Борис Соломонович.

На шум прибежала старшая медсестра Зинаида Прокопьевна.

– Что случилось, Борис Соломонович? Что тут за шум такой? Кто кричит так, как будто его режут?

Подойдя к встревоженной криком раненого группе, Алексей произнес, обращаясь главным образом к Борису Соломоновичу:

– Он, – кивнув в сторону раненого, – терпеть не может. Просит обезболивающего или чтоб его убили.

– Вот как! – Борис Соломонович прокашлялся в кулак.

– Вы понимаете, что он говорит? – с интересом взглянула на Алексея Зинаида Прокопьевна.

– Да, понимаю, – коротко ответил Алексей.

– Это так удивительно, – произнесла она. – Ну а... – медсестра хотела еще что-то спросить у Алексея, но Бориса Соломонович прервал ее.

– Зинаида Прокопьевна, – сказал он, – будьте добры, организуйте побыстрее укол новокаина этому вот...

Он запнулся, не найдясь, как правильно назвать новоиспеченного пациента.

– Да, да, конечно, сейчас – воскликнула старшая медсестра и ринулась в бывший кабинет завуча школы, где сейчас располагался склад медицинских препаратов, инструментов и оборудования. Тут штабелями лежали бумажные мешки с гипсом, упаковки с ватой и бинтами, коробки с ампулами, таблетками и порошками, стояли на полках и стеллажах бутылки со спиртом, бутылки, бутылочки, скляночки и баночки с растворами и мазями. Покоились в упаковках тонометры и термометры, тепловые вентиляторы, грелки, утки и горшки...

Возвращаться в палату после обеда Алексей не спешил. На улице он тоже возвращаться не пожелал. Там стало довольно свежо. Ему хотелось где-то уединиться, подумать... И может быть, даже что-то и добавить в свою тетрадку.

И он устроился у подоконника между лестничными маршами. Курильщик на площадке почти не было. Сидел на ступеньке и курил, занятый своими мыслями, лишь один немолодой солдат.

Вернувшись в палату, у той же койки, где поутру умер юный Мыхасик, как его называл пожилой моряк, Алексей вновь увидел группу людей, но более многочисленную. Она состояла из тех же двух, знакомых по послеобеденной встрече офицеров из Особого отдела, главврача и двух санитаров. Недавно они увозили на каталке мертвого Мыхасика, а сейчас, наоборот, из каталки перекладывали на койку раненого немца. Тот был спокоен. Похоже, даже спал.

Борис Соломонович поправил на раненом одеяльце и, оценивающе глядя на нового пациента сквозь толстые стекла очков, с тяжелым вздохом многозначительно произнес: «М-да...».

Особисты в ладно пригнанном обмундировании, с чисто выбритыми подбородками и непроницаемыми взглядами, наблюдали за действиями главврача. Им пришлось смириться с его решением разместить раненого в общей палате на одни сутки.

---

¹ Не могу! Я больше не могу! Сделайте хоть что-нибудь. Дайте обезболивающее. Поставьте укол. Убейте меня. Ради бога, прекратите мои мучения.

Борис Соломонович наконец выпрямился и, глядя на представителей серьезного военного ведомства снизу вверх со своего незавидного ростика, произнес, кивнув в сторону раненого:

– О таких вот мой учитель, небезызвестный доктор Захар Данилович Бодренко говаривал – пограничник.

Он выдержал некоторую паузу, но не дождался от собеседников ни удивленных взглядов, ни вопросов, на которые, вероятно, рассчитывал.

– Да, пограничник. Поскольку человек находится на границе между жизнью и смертью.

– Вам ставится задача, товарищ Марголин, – произнес капитан, – во что бы то ни стало предотвратить смерть этого человека, – он боднул подбородком в сторону лежащего на койке. – Более того, надо, чтобы он как можно скорее пришел в сознание. И заговорил.

– На все, как говорится, воля божья. Жаль, что мы не боги, – сделал слабую попытку отшутиться Борис Соломонович.

Считая разговор оконченным, капитан и его спутник, направились к выходу.

Пожилый моряк лежал, безучастно уперев взгляд в потолок. А вскоре он и вовсе лег на бок, на здоровую руку, повернувшись спиной к койке, освобожденной Мыхасиком и теперь занятой другим, незнакомым человеком.

Два строгих сотрудника НКВД направились к Алексею. А следом за ними шел и Борис Соломонович. Тут что-то привлекло внимание капитана в противоположном крыле палаты.

– Не пойму, – капитан повел взглядом в сторону Мусы Файзулина, – что он делает?

Муса именно в это время молился, как всегда, почти беззвучно. Он разогнул спину из глубокого поклона и характерными движениями рук поводил у лица.

– У вас здесь все-таки что, товарищ Марголин, – сверху вниз обратился капитан к Борису Соломоновичу, – лазарет или минарет?

– Госпиталь... Военное медицинское учреждение, – сняв очки и начав их протирать вынутым из кармана халата лоскутом бинта, глядя вверх подслеповатыми глазами как бы в никуда, ответил Борис Соломонович.

– Устав учить надо раненым бойцам, а не заниматься религиозным мракобесием, – строго отчеканил капитан.

– Позволю себе заметить, товарищ Грачик, – с мягкой настойчивостью в голосе произнес Борис Соломонович, – почти трети госпитализированных ввиду тяжести их ранений воинский Устав для дальнейшей жизни окажется не нужен.

– Если я правильно понял, – не спускал холодного взгляда с главврача капитан, – вы руководите данным военным учреждением.

– Это так, – подтвердил Борис Соломонович. И уточнил:

– Медицинским.

– Так вот, – резко заключил капитан, – все до одного, находящиеся в военном учреждении, являются военнообязанными. И, следовательно, никто не освобождал их ни от воинской присяги, ни от соблюдения воинского Устава, знать который от буквы до буквы должен каждый, хоть выздоравливающий, хоть лежащий при смерти боец.

– А я бы не рекомендовал вам разговаривать со мной в таком тоне. Я все-таки старше вас по возрасту и выше вас по званию.

– Извините, – сбавил тон капитан.

– А на этот счет я скажу вам, товарищ Грачик, следующее, – тем не менее продолжил Борис Соломонович, – не дай бог, как говорится, однажды вам оказаться на месте любого из здесь находящихся. Но если б такое вдруг случилось, чего, поверьте, я искренне вам не желаю, то я ничуть не стал бы возражать, чтобы вы денно и ночью, как говорится, молились бы за сохранение своей жизни и еще молили бы бога, чтобы ваши мучения от ран скорее закончились.

в ее сторону голову, тетя Паша тут же одной рукой начала быстро-быстро манить его к себе, а другую, со сжатым кулаком, приложила к уху.

Борис Соломонович сообразил – ему звонят. Он кивнул тете Паше и, что-то сказав медсестре, поспешил к выходу. Минувя капитана Грачика, Борис Соломонович наскоро извинился: – Простите. К телефону. Важный звонок. Если желаете, ждите здесь. Я скоро.

То, что звонок был действительно важным, Борис Соломонович не сомневался. Редкий случай, когда за ним приходит посыльный. Обычно, если звонок не застаёт его на месте, ему сообщают: звонили-де оттуда-то. Просили перезвонить.

Алексей поймал себя на мысли, что им овладели двойственные чувства. Первое – обида за Бориса Соломоновича. Он никак не заслуживал неуважительного обращения. А другое – не то зависть, не то уважение к этим строгим и важным особистам. И сам капитан, и его немногословный спутник, к удивлению Алексея, не вызвали сильной антипатии. Чем пристальнее присматривался он к ним, тем более чувствовал себя по сравнению с ними слабым, не способным и не готовым к свершению чего-то главного, высокого, важного для своей страны в это трудное, тревожное для нее время.

Ему было как-то неловко, совестно и за себя, и за всех здесь давящих постели со своими болячками, полученными там, на фронте, по большому счету, из-за своих и неосторожности, оплошности, неумению грамотно сражаться с противником. А может даже, из-за глупости и трусости.

А вот если бы оказались сейчас там, на фронте, такие, как, например, этот бравый, строгий, подтянутый капитан, то, пожалуй, здесь многократно уменьшилось бы количество раненых...

Но эти мысли были прерваны тихими словами, высказанными танкистом Броней, как его называли в палате: Алексей пристроился в ногах на его постели.

– Этих тыловых крыс на месяцок, да чего там... на недельку бы на передовую. Сапожки их скоро б потускнели.

Слово «сапожки» он произнес особенно язвительно, с отчетливым ударением на «и».

– А я вот как раз думал... – перевел взгляд на Броню Алексей.

– Думать, оно не вредно, – заключил танкист. – На то и голова дана.

У Алексея пропало желание продолжать затеянный Броней разговор. Он сделал попытку подняться с постели. Но от неловкого движения острая, пронзительная боль обожгла раненую ногу от бедра и чуть ли не до пятки. Алексей, ойкнув, вновь присел на краешек постели переждать болевую атаку. Весь мир перед ним потемнел и провалился в тартарары. Ничто не занимало, не беспокоило его сейчас, кроме этой нахлынувшей боли. Надо самую малость перетерпеть, чуточку обождать. Алексей глубоко вздохнул и некоторое время сидел не шевелясь, пока боль не притупилась. Наконец он привстал, оперся на костыли и осторожно, стараясь не ступать раненой ногой на пол, двинулся к своей постели.

Подойдя к ней, он заметил, что глаза соседа Ивана Старцева прикрыты, но по беспокойному дыханию ясно было, что тот не спит. Алексей осторожно, чтобы не беспокоить Старцева, прислонил костыли к спинке кровати и прилег, удобно расположив раненую ногу.

– Обидно, понимаешь, – вдруг услышал он тихие слова Старцева. – Обидно... Не на передовой, не в бою, а в госпитале, на больничной койке...

Старцев говорил, ни на кого не глядя, ни к кому не обращаясь, лежа неподвижно с закрытыми глазами.

– А ведь пацан еще.

Он приоткрыл глаза и смотрел теперь не мигая в потолок.

– Обидно...

Алексей посчитал необходимым отозваться на душевную боль соседа.

– Жаль, очень жаль... – сказал он.

Иван Старцев, словно вдруг различив находящегося рядом слушателя, повернул голову и, устремив на Алексея немигающий взгляд, продолжил:

– Странное дело. С одной стороны, жизнь человека – это непрерывная цепь таких мудренейших и сложнейших явлений... Мы называем их судьбой... И вот она... Судьба!

Сосед шумно вобрал носом воздух.

– А с другой, – произнес он с присвистом, – просто... освободившаяся койка. И все... Понимаешь? И все...

Старцев уставился в потолок, не ожидая от Алексея какого-либо участия. И Алексею не хотелось нарушать ход мыслей соседа. Он только произнес короткое: «М-да...».

Сосед вдруг зло, но негромко произнес:

– Вот зараза.

Неловко, тихо матюкаясь, Старцев поднялся с постели и направился к окну, откуда начинался его обычный маршрут. Придерживая здоровой рукой больную, он покачивал ее как беспокойное, неугомное дитя, которое никак не может уснуть.

3

Через неплотно притворенные двери кабинета и приемной слышался приглушенный шум: переговаривались санитары, вносившие на носилках и вводившие вновь прибывших раненых, раздавались стоны, слышались матерная брань, топот и шарканье ног.

То и дело раздавался спокойный голос старшей медсестры Зинаиды Прокопьевны.

– Это кто у нас? Григорьев? Так, Григорьева в реанимацию. Срочно! А это кто?

– Холмогоров, – ответил густой мужской голос, принадлежавший, видимо, самому раненому.

– Что у вас? А, понятно. Холмогорова в хирургический.

– Любаня, дверь попридержи, – попросил, похоже, санитар, которому дверь оказалась помехой при транспортировке раненого. – Во, так. Молодец. Спасибо.

День шел по накатанной колее со своими неизменными заботами, суетой, шумом.

Борис Соломонович положил телефонную трубку, постоял задумчиво подле стола и отошел к окну. Кабинет, где он сейчас находился, некогда, до войны, принадлежал директору школы. Рядом, в смежной комнате, располагался кабинет завуча. Двери из обоих кабинетов вели в приемную, а из приемной был выход в школьный вестибюль.

Классы превратились в палаты, в операционные, реанимационные и прочие необходимые процедурные кабинеты. Комната, где сейчас находился Борис Соломонович, как бы и была кабинетом главврача, и в то же время таковым ее было трудно назвать. Она служила дежуркой, комнатой отдыха, приема пищи для персонала... Тут располагались пара жестких кушеток, несколько стульев, стол с телефоном и с дежурным набором посуды, три-четыре комнатных цветка на подоконнике...

К счастью, в это время, когда зашел Борис Соломонович, кабинет был пуст. На кушетках никто не спал. А то, бывало, он сам настойчиво посылал сюда отдохнуть врача или медсестру, валившихся с ног от недосыпа и усталости.

Главврач стоял у окна, но весь был в мыслях, навеянных телефонным разговором.

Сообщение было чрезвычайно кратким, без подробностей и разъяснений. Сухой женский голос без эмоций доложил, что Серпухин Иван Александрович в указанные сроки в ваш-де госпиталь командирован быть не может ввиду невыясненных обстоятельств.

И главврача сейчас занимали два вопроса: во-первых, кто сможет заменить Серпухина, опытного нейрохирурга; и во-вторых, что за невыясненные обстоятельства, из-за которых не состоится ожидаемая командировка специалиста.

В свое время приезд Серпухина был обсужден и утвержден в Наркомздраве, согласован с самим Иваном Александровичем.

Борис Соломонович безвольным движением руки снял очки и присел на стул, стоявший тут же у окна. Невеселые мысли не отпускали его. Дело заключалось еще и в том, что Серпухин Иван Александрович был для него не просто специалистом, коллегой, обосновавшимся в столице, а другом. С детства они вместе шли к своей мечте – стать врачами. Сейчас трудно и вспомнить, с чего все началось. Что побудило юных Ваню Серпухина и его, Борьку Марголина, посвятить свои жизни этому призванию. Факт остается фактом – они оба не изменили своей мечте. Правда, Ваньке повезло больше. По окончанию гимназии он подался в Киев (возможности у Ванькиных родителей все-таки были не то что у Марголиных, да, к тому же какая-то у Ваньки тетка в Киеве жила). И вскоре он написал, что поступил на медицинский факультет университета.

А вот у него, у Борьки, врачебная карьера задалась не сразу, несмотря на то, что он постарше Ивана года на два-три. Он некоторое время набирался опыта под началом своего отца, служившего в ветеринарном управлении. Образование у отца было, как говорится,

не Бог весть – курс варшавского ветеринарного училища, но практика и опыт позволяли ему быть среди поселян уважаемым человеком. Соломон Яковлевич свое дело знал основательно. А Бориска был у него первым помощником.

Да что вспоминать. Что было, то было...

Вдруг будто осенило главврача. Борис Соломонович оживленно поднялся со стула и мелко семеня подошел к столу. Торопливо сняв с рычага трубку, подул в нее, и произнес:

– Мне городской коммутатор, пожалуйста.

Переждав несколько секунд, главврач вновь заговорил:

– Девушка, мне бы с Москвой связаться. Срочно. И для убедительности, для весомости добавил:

– Это из госпиталя. Я главврач...

Он назвал московский номер, а вот относительно времени разговора замешкался.

– Три... Пять, нет – десять минут...

Из телефонной трубки глухо прозвучало:

– Ждите.

Сколько молчал телефон – одну, две, три минуты или целую вечность... И наконец звонок.

Он торопливо поднял трубку с рычага:

– Але, але...

– Москву заказывали? – раздался в трубке голос девушки-оператора. И тут же, не дожидаясь ответа, она бросила:

– Говорите.

На том конце провода трубку взяла жена Ивана Александровича.

– Вера Федоровна? Здравствуйте, дорогая Вера Федоровна! – зачастил Борис Соломонович. – Я давненько не видел вас и не слышал вашего голоса. Соскучился, ей-богу. Вот решил таки брякнуть вам, побеспокоить, чтобы узнать, что у вас да как. А то с нашей нынешней работой и забудем друг о друге... Кстати, как он, друг-то мой закадычный? Жив-здоров?

Он ну никак не ожидал, какой окажется реакция на этот, вроде бы банальный, невинный вопрос.

– О-оо-й, Боренька, – истошно взвыла Вера Федоровна. – Беда ведь у нас. Пропал Ваня-то. Как в воду канул. На работе его нет, и дома вот уж более десяти дней не появляется. О-оо-й, беда-то какая!

– Да что вы такое говорите, Вера Федоровна? Куда ж, где ж он может быть? Наверное, вызвали его в какой-нибудь госпиталь срочно или еще куда по неотложным делам. Вот он же к нам, например, намеревался приехать в командировку, да, видать, дела поважнее задержали...

– Не мог он, Боренька, не сообщив мне, так взять и уехать. Не мог...

– И все-таки, Вера Федоровна, надо надеяться, что все образуется. Найдется наш Иван Александрович. Обязательно найдется. Иначе просто и быть не может.

– Эх, хорошо, Боренька, кабы так. Но ведь десять, десять дней...

И Вера Федоровна неудержимо завсхлипывала.

– Одна ведь я осталась, одна-одинёшенька. Сыночек Сенечка в армии, на фронте... А теперь вот и Иван Александрович... От него никаких следов. Нигде ни слуху, ни духу... Ой, господи! – между вздохами и всхлипываниями восклицала Вера Федоровна.

Борис Соломонович понял, что случилось действительно нечто такое, что требует решительных и неотложных действий. Но каких?

И еще он понял, что этот разговор с Верой Федоровной исчерпан. Нового он ничего больше не добьется. Утешить жену друга вряд ли удастся. А лишние слезы ни к чему.

И тут, как специально, вмешался голос девушки-диспетчера:

– Ваше время истекло.

Борис Соломонович на некоторое время оцепенел, продолжая держать телефонную трубку.

В кабинет вошла возбужденная Зинаида Прокопьевна.

– Может, я не ко времени, – извиняющимся тоном заговорила старшая медсестра, – но, Борис Соломонович... Там прибыли раненые. Без вашей помощи не обойтись. Есть очень тяжелые...

– Да, да, понимаю. Бегу, бегу в операционную. Я понимаю...

И Борис Соломонович скорым шагом, обогнав Зинаиду Прокопьевну, подался прочь из кабинета.

4

Через окна палаты сквозь ажурные кроны тополей проблескивали последние красно-розовые лучи закатного солнца. Вечерние сумерки неприметно сгущались. День подходил к концу.

Алексей был удивлен охватившей вдруг палату тишиной. Для него показалось странным, что никто не стонал, не разговаривал, не ходил.

Почти все лежали на своих местах, но спали лишь некоторые. Остальные в этот вечерний заняты были всякой безделицей, убивали время: кто читал замусоленные книжки или газеты, кто писал письмо, кто просто, упершись задумчивым взглядом в одну точку, будил воспоминания или лелеял заветные мечты.

Только три кровати пустовали. Их хозяева, видимо, вышли покурить.

В углу, где раньше мучился от ран Мыхасик, теперь молча и недвижно лежит раненый немец. У него в ногах на табурете, борясь с дремотой, сидит военный в накинутах белом халате. На коленях у него покоится автомат.

«Что же это за птицу такую к нам в палату поместили, что к ней пренебрежительно надо еще и охрану выставить?» – озадачил себя непроизвольно возникшим вопросом Алексей. Но тут же успокоился: «Значит, так надо. Дело не мое». И тут же он оживился: «А не пройти ли мне до лестницы, не перекурить ли?».

Выйдя из палаты, он столкнулся с медсестрой Асей, которая проходила мимо в привычном белом халате, лишь накинута на цветастое платье, с повязанной на шею светлой косынкой.

– Ты что же, Асенька, – ласково обратился к ней Алексей, – уже и покидаешь нас? Смену сдала...

– А что делать, миленькие? У меня ведь двое малышей, да мать что-то прихворнула. Вот и отпросилась у Бориса Соломоновича проведать их. Надо к тому же что-то поесть приготовить, да и отдохнуть малость, если придется.

– У тебя детки есть? Ты ж такая молодая. С виду – подросток просто. Ну никак бы не подумал...

– Есть, Алешенька. Маша да Миша. Трех и пяти лет.

– Во как! – воскликнул Алексей. – И когда люди все успевают? Молодец! Ну, а муж, наверняка, на фронте. Не старик же он у тебя дряхлый.

– Угадал, Алеша, – веселые интонации в ее голосе исчезли. И с печальной нежностью она добавила:

– Ждем. Всей семьей ждем его скорого возвращения домой.

– Эх, везет же людям, – вздохнул Алексей. – Как бы я воевал, если б у меня жена была такая же красавица, детей полон дом. И так бы любили и ждали меня... Не дано! Ну да ладно. Ты мне про другое скажи...

Алексей наклонился к Асиному уху и тихо спросил:

– А это кто у нас такой важный в палате появился, что к нему аж охрану приставили?

– Да немец какой-то, – так же тихо ответила медсестра. – А охрану... чтоб свои, то есть, наши, его не прибили. Если дознаются, что немчура, прибьют как есть. Ну это я так рассуждаю. Может, какая немецкая важная персона.

Попрощавшись с медсестрой, Алексей двинулся дальше, к намеченной цели. Ему навстречу возвращались в палату двое – пожилой моряк и Броня.

– Пост сдан, – шутливо доложил Броня. На его голые плечи была накинута простынка, которая прикрывала раны от ожогов на спине.

– Пост принят, – в тон ему ответил Алексей.

На площадке для курения теснилось по углам человек шесть. Воздух был густо насыщенный табаком, несвежий. То тут, то там слышались разговоры, смех. Здесь забывалось о ранах, о болях. Один из бойцов в этот момент оживленно рассказывал:

– Роем траншеи, готовимся к бою. А я глядь, пичуга шустрая такая, как ее?... А, во, трясогузка, точно... трясогузка! Скок на край окопа и тычет клювиком. Червячков, стало быть, ковыряет. Земля-то свежая округ окопа накинана. И ничего ей. Война, не война. Справляет свою заботу, ищет себе червячков, и пропади все вокруг...

Рассказчик затянулся сигаркой и продолжил:

– Я аж замер. Лежу, не шевелюсь. Чтобы не вспугнуть птаху, стало быть. Шибко забавно за ней наблюдать было. Так бы глядел и глядел. Казалось, вот взял бы ее в руки, обогрел бы, накормил, приручил бы, чтобы уж навсегда рядышком со мной. Так с ней рядом мирно, уютно показалось... А впереди уж, похоже, танки немецкие недалече, пехота за ними катит. Пальба вот-вот начнется такая! А у меня птаха. Смелая, черт. Видать, привыкла к войне-то...

Рассказчик смолк, заново затянувшись табачным дымом. Закашлялся.

– Ядреный, черт, – прокашливаясь в кулак, уважительно произнес он. – Самосад!

– Ну а дальше-то, дальше чего было? – не вытерпел кто-то.

– Да чего, чего? – еще раз поперхнувшись, ответил рассказчик. – Улетела птаха.

Все, слушавшие эту немудрящую байку, оживились, оценив ее каждый по своему. Многие лица тронула улыбка.

Алексей с интересом слушал эти истории. Он и сам бы хотел оказаться здесь однажды центром внимания, тоже завернуть что-нибудь этакое... Но, к сожалению, ничего примечательного в его жизни не происходило. «А у других-то вот получается, – с долей зависти подумал он. – Про пичужку вон мужик вспомнил, можно сказать – ни о чем, а интересно».

В это время вниманием курильщиков завладел новый рассказчик. Это был молодой боец с перебинтованной головой, волосы сверху торчали пучком, топорщились в разные стороны.

– В разведке было. Первый снег выпал. Холодина. Промерзли все как черти. Уж обратно возвращались. Утро раннее, морозное выдалось. Так хотелось к своим вернуться, ан нет. Это только ночью, знакомым проходом... А до ночи еще оё-ё... Шли почти до обеда. Все прокляли. И вдруг деревенька. Немцев нет. Мы в один домишко. А в избухе такая благодать. Дед с бабкой. Такое тепло! Печь натоплена от души.

У рассказчика глаза посветлели от воспоминаний. Он глубоко, со вкусом затянулся, и все терпеливо ждали, когда он выдохнет табачный дым.

– Старшой напросился у стариков на короткий отдых. Те не возражали. Окромья того нас вареной картохой покормили. Ну и положили спать кого куда. Меня с дружкой на печку поместили. Остальные кто на лавке, кто на полу. И так в тепле меня разморило. Уснул как убитый. И сны виделись...

Рассказчик выдержал еще одну паузу, затянувшись дымом.

– Ну, ну, – не выдержал кто-то. – Чего дальше-то было?

– А чего дальше. Как щас помню, снилась мне деваха одна. Ну такая симпапушечка. В пальтеце, в шапочке такой... Бровки, глазки, носик... А губки! И стою я с ней. А она такая доверчивая, нежная, ласковая... Я пуговочки у пальтеца расстегиваю, распахиваю его, руками за грудки хватаю, мну их, а она так ласково, стеснительно улыбается... И сама ко мне теснее жметя...

– Это во сне или на самом деле было? – не понял один из курильщиков.

– Так ты слушай, – разъяснил кто-то. – Во сне, конечно.

– А-а, – протянул непонятливый. И замолчал.

– Ну и вот. Шире-дале. Я уж к ней под подол решился. Руку запускаю. У самого аж сердчишко зашлось...

Рассказчик примолк, тая застенчивую улыбку.

– Ну и? – торопит его самый нетерпеливый и любопытный из слушателей

– Ну и все... – продолжил рассказчик. – Дружок проснулся и мне: «Ты че, совсем охренел. Я тебе баба, что ли?»».

Раздался хохот. И пошли оживленные разговоры, воспоминания, анекдоты на волнительную тему.

5

Алексей Боровых родился на Волге, в Покровске, что насупротив Саратова. Этот городок до тридцатых годов так назывался – Покровском, а после того поимел название Энгельс. Поблизости от Энгельса, кстати, есть населенный пункт и с названием Маркс.

Энгельс – городок невелик, но приветлив и уютен. Здесь есть где жителям его поработать и где отдохнуть.

Малым пацаненком со старшим братом Славкой да с дружками Максом и Гехой (полное и настоящее имя Генрих) он облазил его весь. Частенько, конечно, бывали в «Ударнике» – покровском, то есть энгельсовском, кинотеатре, поднимались по деревянным постройкам хлебных амбаров до самых крыш, где обитало полно сизых голубей. Однажды им удалось даже подняться на пожарную каланчу и оглядеть свой городок с ее высоты.

Семья Боровых жила в старинном доме кирпичной замысловатой кладки на Линейной улице. Они там жили не одни. В этом просторном доме размещалось еще три семьи. Наиболее тесное соседство случилось с семьей Штоббе. Семья Штоббе состояла из шести человек: бабушки Марты, ее сына Ивана Карловича Штоббе, трудившегося в паровозоремонтных мастерских, Регины Александровны – его жены и троих детей – двух сыновей, Макса и Генриха, и младшенькой дочки Катрин.

Семья Штоббе была крепкая, дружная и приветливая. Дома вся семья разговаривала исключительно на своем родном немецком языке. Алексей проявлял к нему интерес. Немецкий осваивался им без напряжения и школярского штудирования.

Позднее, на фронте, знание этого, теперь уже вражеского, языка не раз сослужило ему полезную службу. Он неоднократно привлекался командованием для допроса плененных немцев. И справлялся с этими обязанностями весьма успешно.

Ну, а как забыть свои юношеские годы в родном Энгельсе. Как забыть!

Как забыть Лизу Маркову, ту милую, славную, замечательную девушку, которая, можно сказать, изменила всю его суть, сделала его тем, кто он есть сейчас – Алексей Боровых, решительный, уверенный в себе, парень не робкого десятка.

А ведь был-то – рохля. Застенчивый, закомплексованный, всегда стеснительный, осторожный... Прямо мальчик-паинька.

А случилось всего-то... Однажды он встретился с Лизой. Совершенно случайно. И их знакомство затянулось. Стали встречаться чаще. И однажды она вдруг признается – как ты, мол, на Сергея Есенина похож.

А кто он такой, этот Сергей Есенин? О нем Алексей тогда ничего и не слышал. И Лиза рассказала о своем интересе к стихам, о некоторых современных поэтах... И даже прочитала как-то наизусть несколько стихов, о которых с улыбкой на лице сообщила – это есенинские.

Стихи ему понравились. Он подумал как просто, легко и как ясно они сложены:

Гой ты, Русь, моя родная.
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза...

Конечно же, о стихах он имел какое-то представление. Известные, даже великие русские поэты ему, как, впрочем, и всем русским людям, были известны, можно сказать, с детства: Пушкин, Лермонтов, Некрасов... Их творчество казалось таким недосыгаемым, что помышлять сочинять что-то свое и в голову не приходило.

Но после того как он неоднократно перелистал тетрадку со стихами Есенина, переписанными Лизой неведомо откуда, у него пробудилось робкое пока еще желание и самому попробовать что-нибудь сложить.

Он вчитывался в строчки, старательно выведенные девичьей рукой, украшенные рисунками цветочков, листочков, птичек, незатейливых пейзажей с березками, деревенскими домишками... И желание взяться за перо или за карандаш разгоралось все больше и больше.

Однажды она подарила ему курительную трубку.

– Ну-ка, присядь, – сказала она тогда, – и возьми трубку в рот.

Он выполнил ее просьбу.

– Ну точно, Есенин, – сказала она тогда. – Дарю.

Много позднее, но тогда еще, до войны, он познакомился ближе со стихами Сергея Есенина в книжках «Радуница», «Любовь хулигана», «Персидские мотивы»... Стал ощущать совсем другим человеком.

В ту пору он взял от Есенина не самое лучшее – хулиганство. Хотя по сути оставался тонким, чутким, душевным человеком.

А Лиза Маркова... Перед самой войной их пути разошлись. Хоть он и был похож на Сергея Есенина, но Есениным для нее не стал. И уже когда их пути разошлись окончательно, он в своей тетрадке записал:

Не переполню душу я,
однако, злобой.
Ты заглянуть в нее сумей,
а ну, попробуй.
В душе гнездится у меня
не только скверна;
Для пылких чувств к тебе
душа безмерна.

Но ни в тетрадку, ни в душу к нему заглядывать, к сожалению, уже было некому. Лизу Маркову увлек совершенно далекий от поэзии человек, некто Грязнов Дмитрий, сын состоятельных и влиятельных в городе родителей.

Да, Есениным Алексей для нее не стал. А вот Чубарым он стал и останется им до конца. Незнамо когда, неведомо где, непамятно кто окрестил его Чубарым. И это прозвище прилепилось к нему накрепко. Будто он с ним и появился на свет. Чубарый...

И еще он осознал, благодаря знакомству со стихами Есенина, что он такой окончательно и безраздельно русский человек, каким и был сам Сергей Есенин. Он видел и всей душой принимал картины России, встающие из его стихов.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»

Алексей вывел для себя простую истину: рифмованные строчки могут считаться стихами, если в них есть хотя бы одна из трех важных частей: мысль, настроение или образ. И это умозаключение было главным руководством в его творчестве.

Но, одно дело – самому себе дать установку, а другое дело – пользоваться ей, стремиться к написанию стихов, таких, какими он сам себе их представлял...

В палате стало оживленнее, беспокойнее, шумнее, чем допреж. Немец – выхватил его взглядом Алексей – лежал недвижно. «Видать, в сознание еще не приходил. Шибко, знать-то, шандарахнуло. Ишь – вся башка умотана бинтами, – рассуждал он, – Только две щели для носа и рта оставлены. И когда он, бедняга, оклемается?».

6

Главврач и в эту ночь из госпиталя домой не пошел. Он даже и звонить своей супруге Клавдии Иосифовне не стал. Она к такому уже по привычке.

Ежели что дома приключится, или же соскучится очень, так она его рабочий телефон, слава богу, знает. Номер его на листочке написан, а листочек всегда на столе лежит. Так что...

Но жена его сюда звонила очень редко.

Случившееся с его другом Иваном так обеспокоило Бориса Соломоновича, что он целый день себе места не находил. «Что с ним произошло? Что могло с ним такого случиться? – мучил он себя безответными вопросами. – И что, что можно сделать? Чем ему помочь, если вдруг произошло несчастье?».

От неведения, что же случилось с другом, и от своего бессилья помочь ему, Борис Соломонович чувствовал себя ослабленным и разбитым.

После очередной довольно сложной операции он вдруг вспомнил еще об одном хорошо знакомом человеке, тоже из их круга, хирурге Земцове Петре Афанасьевиче. «А не побеспокоить ли мне его? Не позвонить ли? – подумалось Борису Соломоновичу. – Во-первых, может, он что-то знает, а во-вторых, если у него и нет никакой информации по этому вопросу, попрошу его что-нибудь узнать».

И вот Борис Соломонович услышал низкий, утробный голос Петра Афанасьевича. Сейчас, по его памяти и воображению, там, в Москве у телефона стоял грузный мужчина с крупной головой, одутловатыми щеками, выпяченной влажной нижней губой, взлохмаченными с проседью бровями...

– Петр Афанасьевич, здравствуйте. Извините, ради бога, что побеспокоил вас. Это я, Марголин Борис Соломонович, если помните.

– А-аа, – раскатисто громыхнул голос в телефоне, – ну как же. Помню, помню. Слушаю вас, Борис Соломонович. Чем могу быть вам полезен? Я всегда рад...

– Да у меня один вопрос, Петр Афанасьевич. Как себя чувствует наш общий друг Иван Александрович? Давно ли вы виделись или слышались с ним в последний раз? Вообще – как он?

– Честно сказать, встречаемся нечасто, и перезваниваемся тоже иногда, но друг друга из вида не теряем. Это определено. А что, случилось что-то? Почему вы звоните и интересуетесь о нем?

– Да тут такое дело... – и Борис Соломонович рассказал о пропаже друга.

– Прошу вас, уважаемый Петр Афанасьевич, полюбопытствуйте там, в Наркомздраве или на службе у Ивана Александровича, что с ним? И что это за невыясненные обстоятельства? Все это меня очень беспокоит. Уж будьте так добры...

– Признаться, – громыхало в трубке, – вы меня не порадовали. То, что вы мне сообщили, уважаемый Борис Соломонович, довольно странно.

Голос в трубке на короткое время стих. После непродолжительного молчания Петр Афанасьевич заговорил:

– Конечно, озаботили вы меня, Борис Соломонович, чего уж тут. Но я обещаю подключиться к этому вопросу и что возможно выяснить. И если вдруг появятся хоть какие-то новости, я вам перезвоню.

– Ну, спасибо, как говорится, на добром слове. Уж будьте великодушны, простите за беспокойство...

– Да будет вам, – пророкотало в трубке.

– В таком случае, до свидания, Петр Афанасьевич!

– Всего самого доброго, – услышал Борис Соломонович в ответ.

7

Немец подал признаки жизни только поздно вечером. Наступило то время, когда многие раненые, утомившись за день от бесконечных перевязок, лечебных процедур и нестихающих болей, наконец-то смогли успокоиться и заснуть. Но были и такие, которые боролись за свой сон, а найти его не могли. Или раны были сильнее в этой борьбе, или сам организм не поддавался режимным установкам. Не хотелось спать – и все тут.

Вот и Алексею спать не хотелось. Большой свет в палате был погашен. Только у входа горела дежурная лампочка под грязно-молочным плафоном, своим слабым светом она чуть разрежала ночную темноту.

О чем думалось в то время Алексею, сейчас он и не вспомнит. Так, всякие мыслишки крутились в голове. Просто лежал, не сомкнув глаз. За окнами ветерок шевелил густую тополиную листву. Отдаленно доносились звуки отходящего ко сну города: вот глухо прогудел далекий паровоз, таща за собой тяжело груженные вагоны; а в другом конце залаляли собаки, побеспокоенные запоздалым прохожим; а вот почти под окнами, светя включенными фарами и надсадно урча, громыхнул на ухабе грузовик и пронесся дальше, унося беспокойный рокот мотора.

Алексей с правого бока перевалился на спину и заложил руки за голову на подушку. Он уже даже начал задремывать, как вдруг к нему приблизилась чья-то фигура в светлом. Алексей не то чтобы увидел ее, он почувствовал ее приближение по шелесту халата, по осторожным шагам.

Присмотревшись, он понял, что это была медсестра. Да, это была Ася. Она подошла и наклонилась к изголовью. Протянула руку и тронула его за плечо. Алексей тут же обернулся к ней.

– Я тебя разбудила, Алексей? – спросила она.

– Да я еще и не спал. Так, лежу... Думаю о своем, – признался он. – А что? Что-то случилось?

– Да этот, там в углу... – избегая произнести слово «немец» даже шепотом, произнесла Ася, – чего-то бормочет. Чего-то говорит, а мы не понимаем. А мне Зинаида Прокопьевна сказала, что ты по -ихнему...

– Понял, иду, – поднялся с постели Алексей. – А ты разве не пошла домой? – шепотом поинтересовался он.

– Уйду, как только мне на смену снизу Люба Савинова поднимется. Она в кабинете у Бориса Соломоновича отдыхает.

И они с медсестрой направились в угол, где лежал немец. У его постели стоял рядом со своей табуреткой растерянный часовой.

Как почувствовав, что его могут услышать и понять, немец опять чуть слышно произнес:

– Trinken... trinken...

– Он просит пить, – пояснил медсестре и дежурному охраннику Алексей.

– Ой, а вода-то у него есть ли? – засуетилась Ася. – Я сейчас сбегая, живо...

– Да вон там графин с кипяченой водой, – указал Алексей на отдельно стоящую тумбочку под ночным светильником. – Там же и кружка.

Добыв воду, стоящие перед немцем столкнулись с новой проблемой – как напоить его из кружки? Алексей попросил Асю сходить еще до его постели, там под подушкой, завернутая в тряпочку, лежала ложка. Вскоре они вдвоем с медсестрой сумели напоить немца.

– Danke...² – прошептал немец.

---

² Спасибо.

Казалось, Алексею можно было бы со спокойной душой возвращаться на свое место. Но тут немец вновь едва различимо зашептал:

– Ich muss zur Toilette. Dringend!³

– Ну, что будем делать? – поинтересовался Алексей у Аси и у охранника. – Мужик в туалет просится.

– Раз ему невтерпеж, давайте поможем мужику, – приняла решение медсестра. И обратилась к часовому:

– Давайте мы с вами поведем его в туалет, а вот он, – указала Ася на Алексея, – пойдет потихоньку с нами. Там мало ли что может случиться. А он объяснит.

Часовой не возражал.

Не без труда добрались они до туалета. Он представлял из себя вытянутую в длину комнату, где слева находились пара кранов над раковинами, а по правую сторону располагалось пять-шесть туалетных кабинок. Напротив входа днем большим светлым пятном мерцало окно. А ночью или поздним вечером, как сейчас, оно зияло черной дырой.

– Brauchst du unsere Hilfe? Oder schaffst du das alles alleine?⁴ – спросил немца Алексей.

– Danke. Ich hoffe, ich komme damit zurecht.⁵

Когда вернулись в палату, Алексей уже решил было, что может быть свободен, как вдруг его остановил чуть слышный голос немца:

– Wo bin ich? Was ist los mit mir?⁶

Охранник непонимающе взглянул на Алексея. Тот замешкался, раздумывая: «И что же ему ответить? Сказать правду? А надо ли?».

– Bin ich in der Gefangenschaft?⁷ – прямо спросил немец.

– Sie sind im russischen Hospital⁸, – пришлось ответить Алексею.

– Toll...⁹ – прошептал немец. И умолк. Надолго.

Алексей вернулся к своей кровати. Лег. Спать не хотелось совсем. В голове роились путанные мысли: «Интересно, кто он, этот немец? Как он попал сюда? Чем он интересен или полезен нашему особому отделу? Если он расскажет, чего от него ждут, то какова будет его дальнейшая судьба? Похоже, что у него с глазами что-то». И незаметно для себя задремал.

Пробудился он вновь от легкого прикосновения. Открыв глаза, увидел склонившегося охранника.

– Извини, друг, – тихо произнес он. – Там немец опять... Чтоб ему пусто было. Ты понимаешь, я б его... Но я за него отвечаю. Не дай бог, что с ним – с меня голову снимут. Ты пойми меня правильно, друг...

Потянувшись, Алексей сбросил с себя дрему и пошел вслед за охранником.

– Es tut mir leid, – сказал немец. – Vielleicht stoere ich Ihnen. Aber, glauben Sie mir, außer Ihnen habe ich niemanden, mit dem ich reden kann.¹⁰

Голос немца значительно окреп. Говорить он стал более четко. Уже меньше приходилось угадывать некоторые слова.

– Sagen Sie bitte, ist jetzt Tag oder Nacht?¹¹ – спросил немец.

---

³ Мне надо в туалет. Очень.

⁴ Тебе наша помощь потребуется? Или сумеешь все сделать самостоятельно?

⁵ Спасибо. Надеюсь, что справлюсь с этим.

⁶ Где я? Что со мной?

⁷ Я в плену?

⁸ Вы в русском госпитале.

⁹ Славно.

¹⁰ Я извиняюсь, может, я вам мешаю, но, поверьте, кроме как с вами, мне не с кем поговорить.

¹¹ Скажите, что сейчас: день или ночь?

– Fast vier Uhr morgens¹², – ответил Алексей.

Немец помолчал. Потом продолжил:

– Entschuldigung noch einmal. Zu diesem Zeitpunkt sollte man längst schlafen. Und Ich hier... mit Ihnen...¹³

Снова помолчал. В тишине прошло более минуты. Наконец немец вновь заговорил:

– Wie heißen Sie? Ich heiße Willi. Willi Kaufmann.¹⁴

– Ich heiße Alexey. Alexey Borovych. Ich bin 22 Jahre alt¹⁵, – представился, в свою очередь, Алексей.

– Sie sind so jung, Alex. Kann ich Sie so nennen? Ich würde Ihnen so gerne sehen, Ihr Gesicht. Aber so schade... Ich kann Ihnen gar nicht mal vorstellen, nur Ihre Stimme...¹⁶ – с сожалением произнес Вилли.

– In meinem Gesicht gibt es nichts besonderes. In meiner Figur auch nichts. – пошутил Алексей. – Gott sei Dank, nicht so hässliches.¹⁷

– Sie sind ja lustig, wie ich merke, Alex. Das ist eine sehr gute Eigenschaft. Sie hilft sehr im Leben. Aber Ich bin anders. Leider, mir kann sie nicht helfen... Vielleicht, stören wir hier?¹⁸ – спохватился немец.

– Wir sprechen doch leise¹⁹, – успокоил его Алексей.

Охранник все это время сидел на своей табуретке и, казалось, дремал. А Алексей вел беседу, примостившись на краешек постели немца.

– Wissen Sie, – сменил тему разговора немец, – Ich moechte so stark frische Morgensluft atmen.²⁰

– Ich verstehe, – согласился Алексей. – Hier ist wirklich eine sehr stickige Luft.²¹

– Gibt es hier irgendwo ein Fenster? Wir könnten dort am Fenster stehen und ein bisschen sprechen, ohne niemanden zu stören. Das wäre ja wirklich toll²², – высказал осторожное предложение Вилли.

Алексей задумался. Но ненадолго.

– Warum denn nicht, – ответил он. – Es gibt so einen Ort.²³

– Ja! – оживился немец. – Wissen Sie, ich waere bereit, Ihnen zu folgen, aber... Ich bin so hilflos...²⁴

– Na dann, wir müssen Ihren Freund und Ihren Schutzengel bitten, Ihnen zu helfen, zu begleiten, wie beim letzten Mal. Hmm, aber wird er zustimmen? Ich bin ein schlechter Helfer fuer ihn.²⁵

---

¹² Почти четыре утра.

¹³ Еще раз извините. Вам в это время нужно спать. А я вот... с вами.

¹⁴ Назовите ваше имя. Меня зовут Вилли. Вилли Кауфман.

¹⁵ Мое имя Алексей. Алексей Боровых. Мне двадцать два года.

¹⁶ Вы такой молодой, Алекс. Ничего, что я вас так назвал? Я бы очень хотел увидеть вас, ваше лицо. Но, увы, я даже представить вас не могу. Только вот голос...

¹⁷ В моей физиономии нет ничего примечательного. Да и в фигуре тоже. Хорошо, что не урод.

¹⁸ Вы, оказывается, веселый человек, Алекс. Это хорошее качество. Оно очень помогает в жизни. Но я, к сожалению, не такой. Мне оно, увы, не поможет. А мы тут никому не мешаем?

¹⁹ Но мы же тихо.

²⁰ Знаете, мне так захотелось подышать свежим утренним воздухом.

²¹ Я понимаю. У нас на самом деле душновато.

²² А нет ли тут где-нибудь укромного местечка с окошком? Мы можем там постоять у окна и поговорить, никому не мешая. Это было бы так замечательно.

²³ Ну почему же нет. Есть такое местечко.

²⁴ Да! Вы знаете, я готов бы следовать за вами, но... Я так беспомощен.

²⁵ Ну что ж. Придется попросить вашего друга, вашего ангела-хранителя вам помочь, сопроводить вас, как в прошлый раз. Вот согласится ли он? Я ему помощник плохой.

– Und wenn wir ihn sehr nett darum bitten?²⁶

– Ich versuche ihn zu überzeugen.²⁷

Алексей обернулся к часовому:

– Он хочет свежего воздуха. Душно ему тут.

Часовой округлил глаза:

– Ну вот. А я где ему возьму этого свежего воздуха? Ни хрена себе заявочки. Нет уж, положили – пусть лежит. А я буду его охранять как положено.

Алексей осталось только сообщить немцу о решении часового:

– Es klappt leider nicht, Willi, frische Luft zu atmen. Dein Schutzengel ist bereit, Ihnen nur bis zur Toilette zu begleiten.²⁸

Немец тяжело вздохнул и удрученно произнес:

– Danke, Alex.²⁹

Алексей поковылял к своей кровати. Сосед то всхрапывал, то беспокойно ворочался. Где-то раздавалось едва слышное шептание – это, наверняка, читал молитву Файзулин.

Вдруг Алексей отчетливо различил немецкую речь:

– Oh, Mein Gott! Warum hast du mich so hart bestraft? Du hast mich in ein fremdes Land geworfen. Du hast mich von meiner Familie getrennt. Du hast meine Sehkraft genommen. Du hast alles gemacht, damit ich diese Welt verlasse. Wofür das alles, lieber Gott?³⁰

И тут же Алексей услышал недовольные слова:

– Це хто тут бурмоче, чи немець?

Немецкая речь тут же прекратилась.

– Тихо, дядя, – сделал попытку успокоить пробудившегося часового.

– Чого тихо. Я пытаю – чи це немець?

Часовой замылся с ответом. Моряк, а это был он, наседавал:

– Для чого цю вражину зи мною поруч поклали? Та я цю нимчтуру ось циєю рукою зараз задушу.

Голос моряка становился более угрожающим и громким. Под ним скрипнула кровать. Дело принимало неприятный оборот. Но тут в палату вошла медсестра Ася и подлетела к моряку:

– А чего мы не спим, Максим Тарасович?

– Хиба тут поспишь! – взвился моряк. – Нади мною вырышылы познущаться. Бач, Ася.

Нимчтуру пидлу, вражину прокляту поруч поклали. А мене нудить вид циэй близькости...

Пока Ася спорила с моряком, часового отлучился от немца и подошел к Алексею.

– Товарищ, – наклонившись к его уху, прошептал часового.

– Ну? – ответил Алексей.

– Ты говорил, что немец хотел свежим воздухом подышать...

– Говорил. И что?

– Так я согласен. Доведу его до места. Только куда вести-то?

– Тут, недалеко...

– Так пойдём. А то сам ведь, наверно, видишь, – заторопил Алексея часового, – какая из-за него заваруха начинается.

---

²⁶ А если хорошо попросить об этом?

²⁷ Попробую уговорить.

²⁸ Не получается, Вилли, подышать свежим воздухом. Ангел-хранитель готов сопровождать вас не дальше туалета.

²⁹ Спасибо, Алекс.

³⁰ О Боже! Почему ты так жестоко наказал меня? Ты забросил меня на чужбину. Ты разлучил меня с семьей. Ты отнял у меня зрение. Ты сделал так, чтобы я покинул этот мир. За что все это мне, господи?

8

Когда Алексей сообщил немцу, что предоставляется возможность подышать свежим воздухом, тот обрадовался. Все его тело под одеялом вздрогнуло, задвигались руки, пришли в движение и ноги. Он сделал попытку подняться самостоятельно. Но встать на ноги ему помог охранник. И как только немец с помощью своего «ангела-хранителя» сделал первый шаг в сторону двери, к ним тут же подоспела и медсестра Ася, закончившая разговор с моряком.

– Опять гулять? – поинтересовалась она. – Я вам помогу.

Как только они начали удаляться от палаты, там раздался голос пробудившегося лейтенанта.

– Взвод, становись! – бредил раненный в голову офицер. – Равняйся!... Рядовой Опарин, встать в строй...

Они вчетвером благополучно добрались до лестничного марша и поднялись к окну. Воздух был насыщен табачным смрадом. Алексей поспешил открыть окно. Свежий воздух потянул сразу. Немец сопел, наслаждаясь утренними летними запахами.

Медсестра Ася оставила мужчин, сославшись на неотложные дела. Часовой, встав в сторонке, с наслаждением курил.

Немец, с помощью охранника, конечно, уселся на широкий подоконник. Алексей стоял напротив него, опираясь на костыли.

– Какой это этаж? – неожиданно поинтересовался Вилли.

– Третий, – ответил Алексей.

– А что находится под окнами, вы видите?

– Спортплощадка. Ближе к окнам – баскетбольные щиты с кольцами. А правее – футбольное поле...

Немец несколько задумался и продолжил разговор.

– А знаете, Алекс, какой у меня замечательный дед был? Дедушка Франц. О-о-о! Он со мной возился с утра до ночи. Мы с ним играли в разные игры, ездили в лес за грибами, рыбачили...

Вилли увлекся воспоминаниями. Он вспоминал, как с дедом играл в футбол.

– Знаете, у нас рядом с домом роскошная детская площадка была. На ней два старых тополя. Вот пространство между ними – это и были наши ворота. Но что примечательно, площадка эта была окружена зарослями кустарника и каких-то мелких, низкорослых деревьев. А в этих зарослях – вы не поверите: полно жило диких кроликов. И почти вся площадка была усыпана их пометом...

– Ах, вы извините, – спохватился Вилли. – Я, действительно, об этом могу бесконечно говорить. Но это сейчас неважно. Важно другое... Да, сейчас надо говорить о другом...

И немец снова замолчал, обдумывая, о чем же более важном, по его мнению, надо было говорить сейчас.

– Может это такой пустяк, Алекс, но я вам все-таки поведаю о нем. Не с кем мне больше сейчас даже о пустяках поболтать. Знаете, мне довольно трудно привыкнуть к моему теперешнему состоянию, когда я постоянно нахожусь в беспросветной темноте. Я даже не знаю, когда я бодрствую, а когда сплю. И это для меня так странно. Я вот сейчас разговариваю с вами, а сам думаю – а не снится ли мне это все? И это ощущение не изменится, если я даже попрошу потрогать вас, чтобы убедиться, что передо мной вы – живой человек, которого зовут Алекс. И этот человек реально существует.

Вилли, возможно, и улыбнулся, но улыбку на лице, упрятанном в бинты, разглядеть, конечно же, было нельзя.

– Ведь вы реально существуете и находитесь сейчас здесь, возле меня, да, Алекс? – спросил он.

– К счастью, да – пока существую. Пока живой, – усмехнулся Алексей. – И действительно нахожусь рядом с вами. Я надеюсь, что, к счастью, и я не сплю.

– А если бы я сейчас спал и видел такой сон, как мы с вами общаемся, знаете, Алекс, это было бы для меня приятное сновидение, – признался Вилли.

– Стало быть, – поддержал «спальную» тему Алексей, – вам приходится видеть сны и не очень приятные.

– К сожалению, да, – подтвердил Вилли. – Знаете, Алекс, совсем недавно мне приснилось... И это хорошо, что приснилось, а не случилось на самом деле, – поспешил заметить Вилли, – такое странное, случившееся со мной событие...

Вилли умолк, собираясь с мыслями или пытаясь убедиться, что рассказ будет интересен Алексею. Но Алексей молчал. И Вилли, тем не менее, продолжил:

– Снится мне, что я нахожусь на крутом склоне скалы. Как я туда угодил, неизвестно. Но это и не важно. А вижу – впереди, надо мной, столько разных цветов, ярких, красочных, пестрых... А над ними такие причудливые птички, и тоже самой яркой и разнообразной окраски... И бабочки... И все это так ярко освещено солнцем... Хотя солнышка я не видел, – признался Вилли, – но был такой день... Светлый, теплый... И это все было настолько радужно, привлекательно, заманчиво... наверху. А глянул вниз – о, боже! Кромешная темнота, глухая непроглядная ночь. Не видно ничего. Нельзя даже определить высоту скалы, на которой я неведомым чудом оказался. Вы представляете, Алекс?

Алексей хотел было найти какие-то слова, но Вилли, не дожидаясь ответа, продолжал:

– А сил у меня, как оказалось, не было никаких. Но я все-таки делал попытку за попыткой, чтобы продвинуться вперед – так меня манил солнечный, яркий, светлый день впереди и пугала непроглядная ночь подо мной.

– Действительно, странный сон, – удивился Алексей.

– Да, вот такое видение, весьма странное, – согласился Вилли. – А хотите узнать, чем все закончилось?

– Было бы любопытно, – откликнулся Алексей.

– И вдруг подул холодный, пронизывающий ветер. Руки, чувствую, так быстро замерзли – шевельнуть пальцами стало невозможно. И накатили тяжелые, темные тучи, все закрыли. Стало кругом настолько темно, что, казалось, наступила ночь. И я чувствую, что, не удержавшись безвольными руками, сорвался со скалы... И лечу...

Алексей не прерывал рассказ Вилли ни вопросами, ни восклицаниями.

– И вы знаете, Алекс, может быть, я на тот момент и пробудился, но не мог понять – я все еще лечу куда-то или мой сон, наконец-то, закончился. Что значит полная темнота в глазах. Мне было, признаюсь, от этого сна долгое время не по себе. Лишь нащупав постель, я понял, что уже не сплю и никакое падение с высоты мне не угрожает.

– Не хотелось бы мне оказаться, Вилли, на вашем месте, – произнес Алексей.

– Я думаю, – вдруг начал Вилли, – нет, я убежден, что наша с вами встреча сегодня не случайна. Это божье провидение. Он не мог меня оставить на произвол судьбы. Не мог оставить без заботы обо мне, без внимания. И что я хочу сказать вам, Алекс, – Вилли, на сколько мог, попытался поправить рукой бинты возле рта, – в чем хочу признаться...

Сделал маленькую паузу, продолжил:

– Вот если бы я сейчас вдруг предстал перед советскими органами дознания, – тихо, но серьезно говорил Вилли, – я бы из принципа, из своего упрямства им ничего не сказал, что бы их ни интересовало, о чем бы они меня ни спрашивали. И это правда. Потому что мне терять действительно нечего. Я сам себе поставил диагноз – я, кстати, врач, подполковник медицинской службы – и он неутешительный. Я потерял зрение безвозвратно.

Вилли о чем-то еще подумал и продолжил разговор с большой горечью в голосе:

– Мне здесь надеяться не на что, и дома я такой никому не нужен. Я не хочу быть никому обузой... Надеюсь, вы понимаете, к чему я клоню? Когда жизнь теряет всякий смысл, это не жизнь.

Но Алексей тогда к его этой фразе не прислушался. Или не придал ей должного значения.

– А вот с вами, Алекс, я буду как на исповеди, честное слово, – вдруг несколько взбодрившись, как показалось Алексею, воскликнул немец. – И я даже не интересуюсь, как видите, кто вы. Я подчеркиваю: мне сейчас это безразлично. Абсолютно. Я счастлив и благодарю бога, что у меня в это важное для меня время есть человек, который облегчает мою участь и выслушивает мои сокровенные мысли.

Не дожидаясь вопросов от собеседника, он прошептал:

– Вы можете мне не поверить, Алекс, но я признаюсь вам, поделюсь с вами такими крамольными мыслями... Это касается только моих личных убеждений, умозаключений и моего опыта. Я чрезвычайно негативно отношусь к нашему фюреру, Адольфу Гитлеру. И это не только потому, я сейчас нахожусь перед вами по его милости в безнадежном состоянии. Я не перестаю удивляться, как этот проходимец сумел перевернуть всю Германию, затуманить мозги всему немецкому народу и заставить все здравомыслящее, в общем-то, население отдать себя на заклание, принести себя в жертву ради его безумных идей.

Вилли волновался, хотя все его чувства, казалось, были надежно упакованы в бинты.

– И на меня этот подлец сумел надеть мундир и направить на службу в армию. А я ведь, Алексей, по профессии сугубо гражданский человек. Уж поверьте. Я врач. Терапевт. И я об этом, кажется, вам уже говорил.

Он спешил. Это чувствовалось по тому, какие трудности он преодолевает, чтобы вести свою речь непрерывно. Если бы Вилли сейчас был свободен от бинтов, то, наверняка, было бы видно, как он морщится при каждом своем высказывании, какие боли он испытывает.

– Мне довелось несколько раз быть включенным в инспекторские комиссии и посещать концентрационные лагеря и с военнопленными, и с гражданским населением. Раза два такие комиссии при мне возглавлял сам рейхсминистр Генрих Гиммлер. Знаете, Алекс, не дай бог вам когда-нибудь не только оказаться в этом аду, а даже увидеть этот ад со стороны. Это уму непостижимый ужас. Это... – Вилли поперхнулся от волнения.

– До моего сознания не доходит, – наконец, овладев собой, продолжил Вилли, – как, как? Как нормальные, здравомыслящие, живущие не где-то в глухом средневековье, а в двадцатом веке люди могут такое совершать? Как они могут настолько опуститься?

Алексей не перебивал. Он слушал. И слушал очень внимательно.

– Да это же и не люди вовсе, а живодеры, костоломы, кровопийцы, палачи... У детей, у живых детишек вырезать глаза, выкачивать кровь, морить голодом... Сжигать их в топках крематориев... А что говорить о взрослых несчастных узниках этих лагерей... – Вилли едва не задохнулся от нахлынувших воспоминаний. – Эти изуверы-доктора проводили над ними страшные, мучительные эксперименты. О, боже! – вырвалось у немца. – Я видел горы трупов. Горы! Это чудовищно! Это невероятно! Это не укладывается в сознании! Как, как такое можно совершать! После таких командировок я долгое время не мог есть, не мог спать. Я жить не мог.

– Знаете, мне довелось побывать в разных европейских странах, – вдруг перешел на более спокойный тон Вилли, овладев собой, – где были созданы такие лагеря. И в Австрии, и в Польше, и, разумеется, в самой Германии, и на территории Украины, и в Латвии...

Вилли перечислял названия лагерей, вспоминал имена и фамилии наиболее жестоких палачей. Алексею от повествований немца сделалось нехорошо. А тот вспоминал. Он говорил:

– Они, эти палачи, проводя чудовищные эксперименты, убеждали себя и свое нацистское руководство, что они проводят исследовательские работы, якобы трудятся во имя науки. А фактически – там близко к научным исследованиям ничего не было. Вся их деятельность –

это было просто зверское, безжалостное, беспощадное, жуткое, циничное надругательство и издевательство над человеческой плотью.

– И что еще поражает, – с неослабевающим волнением продолжил Вилли, – это их кроваво-жадная предприимчивость. Надо же до такого додуматься! В лагере Штутгофе так называемый доктор Рудольф Шпаннер организовал... мыловарню. Варить мыло из человеческих останков! Это такое кошунство! А не кошунство ли сдирать с людей кожу и использовать ее на изготовление перчаток, сумок, тапочек, разных ремешков... Уж не говоря о волосах, которые обрезались в основном у женщин и шли на подушки и иные цели. А золотые зубы?! Люди лишались челюстей с золотыми зубами. Нет, об этом невозможно говорить без отвращения и без содрогания. И без жалости и сострадания к жертвам нацистских лагерей.

Вилли на некоторое время замолчал. Во время этой вдруг образовавшейся паузы часовой, выкупив уже вторую папиросу, покинул площадку, кивнув Алексею. Он, видимо, пошел к палате, куда должна была прибыть смена караула.

Вилли снова заговорил полупшепотом:

– Если уж говорить о каких-то научных изысканиях в этом кошмаре, то, пожалуй, я бы назвал еще один лагерь. Да он, скорее, и не лагерь, а полевая лаборатория, если это смертоносное учреждение можно так назвать. Она находится здесь, в России, в Стругаже, под Красноводенском. Там хозяйничает некто Отто Вернер. Он тип весьма любознательный. А увлечен он... Его интересует мозг человека. И вот тут, Алекс, на самом деле таится самая страшная угроза для человечества, я вас уверяю...

Вилли сделал глубокий вдох и тяжело выдохнул порцию воздуха.

– Если только Вернер извлечет исчерпывающую информацию благодаря своим изысканиям, а он человек дотошный и никогда не отступит от задуманного, то это будет такая катастрофа... Я являюсь очевидцем некоторых его, если можно так сказать, изобретений. Например, можете ли вы поверить в то, что из ваших пленных он способен сделать помимо их воли исполнительных, бесстрашных и жестоких солдат нашей, немецкой армии? А у него это получается. И с успехом. Из Стругажа на фронт уже отправлен не один взвод таких солдат. И они успешно воюют со своими бывшими братьями по оружию.

Алексей удивился:

– Как такое может быть? Это немыслимо. Это невероятно. И что? Если, к примеру, я окажусь у него в руках, у этого самого Вернера, то он может и меня послать с оружием против своих?

– Очень даже просто. Поверьте, Алекс. Это, действительно, невероятно, но это так. Больше того, этот доктор Вернер очень хитер. Очень. И это, как я полагаю, лишь малая часть его открытий, или, точнее, изобретений. Это только для его руководителей, для его кураторов и инвесторов отмазки. Вот, мол, эти солдаты – реальные результаты моей работы. Он не разглашает, держит в секрете самые главные свои открытия. Они у него хранятся в записях, а записи, что накапливаются, он регулярно отвозит в Германию, в Баварию. Он оттуда родом. И где-то в австрийских Альпах, в горах, недалеко от Мюнхена, у него есть тайное хранилище, тайный архив. И то, что таится в записях, может оказаться самым страшным оружием для человечества, а не только для какой-то отдельной страны или армии. Вернер неустанно раскраивает черепа советских военнопленных, копается в их мозгах. А над живыми экспериментирует. И это зрелище, признаюсь вам, не из приятных. Во что, в кого Вернер только не превращает людей. Это ужасно. И знаете, Алекс, может, это и чудачество с его стороны, но оно по-своему и зловещее, и в то же время не лишнее здравого смысла. У него в кабинете находится глобус... Такая странная, на первый взгляд, штукавина... Стекланный шар, действительно похожий на глобус... Только внутри этого шара расположен большой макет человеческого мозга. Вы можете представить себе такую чертовщину? А с поверхности шара вовнутрь, в этот макет, упираются тонкие, блестящие металлические стрелки. И над каждой из них снаружи шара

на крохотных табличках напечатаны обозначения, куда, эта стрелка показывает и как это место называется. Вернер, надо сказать, трепетно относится к своему глобусу. Он мне говорил, показывая на него: вот это моя звезда, вот это моя планета!

– Чем же вы заслужили такое расположение у этого доктора Вернера?

Вилли Кауфманн ответил:

– Так мы же с Вернером друзья с детства. Когда-то жили по соседству, в одной школе учились...

За окном расцветало утро. Хоть было еще рано, но уже по-летнему светло. Вот вдоль спортплощадки метнулась и пролетела бойкая стая воробьев и забилась, зарылась в густую листву невысокого дерева. А под окном было слышно воркование голубей. Широко и отдаленно-гулко на все голоса горланили петухи. Городок только-только пробуждался. Люди досматривали свои последние сны перед приблизившимся вплотную трудовым днем.

Вдруг Вилли напрягся. И замолчал. Видимо, к чему-то прислушивался. И, что-то, видимо, решив для себя, торопливо произнес:

– Ну вот, похоже, и все.

– Как все? – удивился Алексей. – Можно сказать – на самом интересном месте... И все.

– Я отнял у вас у вас слишком много времени, Алекс. Извините меня.

– Ну так давай я тебе помогу слезть с подоконника, хотя с моими ногами...

– А вот этого делать не нужно.

– Как не нужно? Ты что, так вот намерен здесь сидеть и дальше?

– Во всяком случае теперь мне ваша помощь не нужна, – заявил Вилли твердым голосом. – Прощай, Алекс.

– Как прощай? погоди! Стой! Куда?...

Но Вилли, резко опрокинув свое тело назад, уже вывалился из окна наружу.

Но вот в дверях, ведущих из больничного коридора на лестничную площадку, раздался шаг нескольких человек. По пролету к ним поднималось три человека. В одном из них Алексей без труда узнал часового, который помогал транспортировать сюда немца. А еще двое... А еще двое, как правильно рассудил тогда Алексей, это была смена караула, то есть новый часовой и разводящий в звании лейтенанта. Они не спеша поднимались к окну.

Алексей стоял в растерянности, до конца еще не осознав случившегося. Подошедшую смену караула он встретил, одиноко стоя у раскрытого окна. Часовой смотрел округлившимися глазами на Алексея, пытаясь понять, уяснить для себя – а куда девался немец? Ведь он за него нес ответственность. И вот... немца нет.

А Вилли, вспугнув стаю сизых голубей, лежал распростертым под окном. Жизнь оставила тело Вилли Кауфманна.

9

Алексей винил прежде всего самого себя за гибель немца. «Если бы я не пошел у него на поводу, разве могло бы такое случиться? – корил себя он. – Ишь, окно... Свежий воздух... Все ему занудилось. А я и побежал навстречу с распростертыми объятиями. Вот теперь и расхлебывай эту кашу. Сам виноват».

Так он рассуждал здесь, в тесной, напитанной влагой и затхлым воздухом камере, сидя в ней вместе с тем самым часовым, дежурившим в роковое утро.

За ним явились сразу же, как только он дошел тогда, после гибели Вилли Кауфманна, до своей постели. Молодой лейтенант в сопровождении автоматчика подошел к нему и коротко сказал:

– Вам необходимо проехать с нами.

И вот они с часовым уже более двух часов сидят здесь в неведении – а что же будет дальше? Разговора между ними не случилось. Лишь обменялись короткими фразами, и все.

– Это мы тут из-за немца, конечно... – высказался первым Алексей, когда за ними лязгнула задвижка.

– Да. Заработал себе на орехи, – огорченно произнес часовой. Как оказалось, звали его – Карташов. Николай Карташов.

В затхлом помещении, в молчании они прождали своей участи долгих, томительных два с половиной часа. За это время глаза Алексея привыкли к полумраку. Вот рядом, справа от него, на стене выцарапана надпись: «Будьте прокляты! Глушков». И буквально тут же ниже: «Это вы, твари, враги народа. Родину насилуете». Видно было, что у этой надписи и почерк совершенно другой, и подписи не было. На противоположной стене также что-то было нацарапано, но разглядеть Алексею не удалось. Дверь открылась, и сутулый, мрачный сержант произнес:

– Боровых. Выходь.

– Наконец-то, – сказал Алексей, поднимаясь с помощью костылей с жесткой деревянной лавки.

– Ну, пока, дружище, – обратился он к Карташову. – Не обессудь, что так получилось. Кто же знал...

– Да ладно... – неопределенно ответил Карташов. – Чему быть, того не миновать.

И Алексей вышел.

Он неуклюже передвигался на костылях по неравномерно освещенному коридору к выходу из полуподвала. За ним следовал сержант. И где-то на полпути справа обнаружилась открытая дверь возле которой курил круглолицый невысокий лейтенант.

– Ну чего глаза пялишь, – рыкнул на него лейтенант, когда Алексей поравнялся с ним и непроизвольно заглянул в открытую дверь. А там, увидел он, на полу лежала полуобнаженная молодая женщина, на которую лил воду из ведра молоденький солдат. Женщина была без сознания.

У Алексея в памяти всплыли только что прочитанные на стене слова: «Это вы, твари, враги народа. Родину насилуете».

– Вали отседа, гнида, – грозно рявкнул лейтенант на Алексея.

И вот он в кабинете, не вызывающем светлых, радужных чувств. В нем все строго, сдержанно. Меблировка более чем скромная, решетки на окнах, густо накурено...

За столом сидел знакомый по госпиталю капитан, кажется, Грачиком его называл Борис Соломонович. Радущия и доброжелательности на его лице Алексей не обнаружил. Но отметил, что забавен внешний облик энкавэдэшника. Капитан был без фуражки, а потому видны были гладко зачесанные назад редкие темные волосы. А вместе с ними тонкий, заостренный, чуть

продолговатый нос делал капитана похожим на птицу. Алексей сделал усилие, чтобы не улыбнуться: «Ну точно грачик». И тут же почему-то подумалось: «А может быть, и прав Броня, на передовую бы его на недельку... Чтоб сапожИ...».

– Присаживайтесь, – предложил капитан и указал на один из стульев.

Алексей охотно присел на указанный стул.

Капитан полистал бумаги, лежащие на столе и, не глядя на сидящего перед ним посетителя, сказал:

– Из ваших медицинских документов следует, что вы Боровых Алексей Федорович. Все верно?

– Верно, – подтвердил Алексей.

– Что ж, тогда сразу перейдем к сути нашего с вами разговора. И у меня первый вопрос – откуда вы знаете немецкий язык? – капитан поднял глаза на Алексея.

– Дома выучил. По месту жительства, в городе Энгельсе.

И Алексей обстоятельно рассказал историю своей довоенной жизни.

– Ну что ж, – с холодным удовлетворением произнес капитан, – допустим. У меня второй вопрос и главный: что послужило поводом к убийству вами этого немца? Вы так ненавидите фашистов, что готовы были раненого, едва живого немца прикончить?

– Я... Я его... Не убивал, – поперхнулся Алексей.

– Но кроме вас и немца, в тот момент на площадке у окна никого не было. И вот немец мертв. Кто ж тогда его мог убить, как не вы?

– Но я его даже пальцем не трогал...

– Стало быть, он сам себя порешил... – сделал язвительный вывод капитан.

– Вот именно, – охотно подтвердил Алексей. – Он неожиданно опрокинулся назад и вывалился из окна.

– Ну вот что, сержант Боровых, – в голосе капитана прозвучали стальные нотки. – Когда надумаете со мной говорить серьезно и по существу, тогда и продолжим нашу беседу. И поймите в виду – я игр в кошки-мышки не люблю. А пока посидите еще, подумайте и примите правильное решение, чтобы наш дальнейший разговор носил мирный и непринужденный характер. Без насилия. Понимаете?

– Из-за какого-то немца, фашиста недобитого вот так людей гнобить... – вырвалось у Алексея.

– Это не просто немец, – заметил капитан, – это носитель важнейшей информации. Судя по изъятым у него документам, он мог бы нам много поведать весьма важного и секретного. Но вы лишили нас такой возможности. Так что пеняйте теперь, сержант Боровых, на себя.

И капитан нажал сбоку под столешницей потайную кнопку. Дверь отворилась, и на пороге появился караульный, который его сюда и привел.

– Увести задержанного, – распорядился капитан.

Алексей ковылял в обратном направлении, с трудом переставляя костыли. Дойдя до двери, возле которой прежде курил круглолицый лейтенант, он обнаружил, что она была заперта. Но запах табачного дыма еще витал над этим местом. Караульный шел следом молча, не понуждая его идти быстрее. Пройдя еще метров восемь, Алексей вдруг увидел впереди идущего ему навстречу Карташова. Тот шел, опустив голову и заложив руки за спину. За ним следовал надзиратель.

Поравнялись. Алексей посторонился, пропуская проходящую пару.

Карташов поднял голову. Они встретились взглядами. Карташов неопределенно пожал плечами и прошел мимо, чуть коснувшись локтем Алексея.

Алексей был водворен в ту же самую камеру, в которой они пребывали допрежь с Карташовым. Через часа полтора ему принесли баланду с куском хлеба, которые он с жадностью

уничтожил, после прошло еще более двух, а может, и трех часов, а Карташов не возвращался. Его так и не привели.

Алексей потерял счет времени. Когда его вновь доставили в кабинет к капитану Грачику, за окном было темно. Стало быть, наступил поздний вечер или даже ночь.

Грачик сидел за столом и не обратил никакого внимания на вошедшего. Наконец, оторвавшись от бумаг, капитан кинул пронизательный и долгий взор на Алексея.

– Посидели, подумали и приняли правильное решение, я надеюсь, – проронил капитан. – Садитесь, что больные-то ноги мучить. И так, на чем мы остановились в прошлый раз?

– Я не убивал того немца, – не выдержав возникшей паузы, произнес Алекс

– Знакомая песня, – качнул головой капитан. – Стало быть, или у вас было мало времени подумать, или вас вводит в заблуждение ваше безрассудное упрямство.

– Я не убивал немца, – твердо повторил Алексей.

– Ну что ж, тогда давайте выяснять по-другому. Поведайте мне, о чем вы вели разговор с этим Вилли Кауфманном?

– Я с ним не вел никаких разговоров, – заявил Алексей. – Я вам, кажется, об этом еще в прошлый раз говорил.

– Ну, хорошо. О чем вам рассказывал Кауфманн? – миролюбиво переспросил капитан.

– Да о чем только он не распространялся, – сказал Алексей. – О своем детстве, насколько я помню, о своем дедушке...

– Надо же, какие задушевные воспоминания пробудились у человека, – съязвил капитан, – и это перед прыжком с третьего этажа.

Алексей между тем продолжал:

– Он рассказывал о каком-то странном сне, который ему привиделся недавно. Ну, а потом о войне...

– Конечно, мы-то про войну так мало знаем, что нам о ней только немцы и рассказывают, – опять ввернул язвительную реплику капитан.

Алексей монотонно, старательно пересказал все, что услышал от немца.

– Просто удивительно до чего вам разговорчивый немец попался, – произнес, снизойдя до подобия улыбки, капитан. – Фантастика какая-то. Ну да ладно, хорошо то, что хорошо кончается. Значит так, – он выдвинул ящик стола и вынул оттуда несколько листов бумаги, – вот, возьмите.

И протянул их Алексею. После подвинул к нему чернильницу и ручку с пером.

– Подробно напишите все то, что вы слышали от немца о Стругаже, о той самой лаборатории и о ее хозяйине – Отто Вернере, если я правильно назвал его имя.

Писать оказалось много труднее, чем рассказывать. Пока он занимался писаниной, капитан два раза выходил из кабинета и возвращался. Не торопил, не подгонял. Терпеливо ждал результата писательского труда Алексея Боровых.

Наконец Алексей отодвинул исписанную бумагу на середину стола.

– Вот, – доложил он.

Капитан, вернувшийся к этому времени в кабинет, молча взял листы и углубился в чтение. Прочитав, так же молча выдвинул ящик стола, достал оттуда картонную папку и вложил в нее листы. И обратил свой взгляд на Алексея. Долго всматривался в его лицо, как бы стараясь запомнить если не на всю жизнь, то, во всяком случае, надолго. И проронил:

– Если все было так, как вы сообщили... Я имею в виду гибель этого самого Вилли Кауфманна... То, возможно, ваше дело будет иметь благополучный исход. Но я тем не менее свои подозрения касательно его убийства или доведения его до самоубийства пока с вас снять не могу. Хоть и доказать достоверность вашей информации пока не представляется возможным. Все встанет на свои места только через некоторое время. Надо подождать. Вы должны

будете, если потребуется, повторить все сказанное в других важных инстанциях. Если, повторяю, потребуется. Вы меня поняли?

– Понял.

– О нашем с вами разговоре лучше не распространяться. Это тоже понятно?

– Да.

– Тогда... До встречи.

И Грачик нажал потайную кнопку.

10

После разговора с капитаном Грачи́ком прошло томительных три или четыре дня, которые Алексей провел в той же камере. Надписи на стенах он рассмотрел и перечитал не по разу. О себе писать на стене он не счел нужным. Может, потому, что его хоть и держали здесь длительное время, но жестоким пыткам не подвергали. Видимо, с ним был не тот случай, как с другими узниками этого застенка. Кормежка была скудной, однако с голоду умереть не давали. Пару раз к нему приходил доктор из госпиталя, осматривал рану на ноге, делал перевязку. О госпитальных делах никаких разговоров между ними не было. На прогулку выводили раза по два за день. Двор, где гуляли заключенные и задержанные, был невелик, но уютен.

Буквально на следующий день после разговора с капитаном Грачи́ком его поразила неожиданная встреча на очередной прогулке... С Марголиным... Борисом Соломоновичем. «Вот так номер! Вот так да! А старика-то за что? – негодовал Алексей. – Да неужели из-за того же немца? Не слишком ли дорогая цена за того недобитка!? Скорее всего, у этого капитана появилась возможность свести счеты с главврачом за то, что тогда он не нашел требуемого места для раненого немца».

Борис Соломонович, конечно же, признав своего пациента, избегал разговоров с ним. Они прохаживались по неровному кругу, один раз даже друг за другом, но молча. Да и о чем им было говорить? О здоровье? Здесь эта тема была просто наивной. О причинах попадания сюда, в эти всеми проклятые застенки? О них говорить не хотелось.

Прошло еще два томительных дня. Вдруг дверь камеры отворилась, и на пороге появился надзиратель.

– Боровых, выходи, – произнес он уже привычную для Алексея фразу.

– Я надеюсь, что порадую вас своим сообщением, – сказал капитан Грачи́к. – Ваша информация о Вилли Кауфманне заинтересовала руководство. А это значит... Это значит, что ваше дело, как я и предполагал, получило благополучный исход. Так что с этой минуты вы возвращаетесь к себе в палату и продолжаете лечение.

Алексей облегченно вздохнул.

– Но наши с вами встречи, я думаю, на этом не заканчиваются.

– И что, я могу идти? – недоверчиво спросил Алексей.

– Я распоряжусь, чтобы вас отвезли на машине, – услужливо произнес капитан. И нажал потайную кнопку.

На кровати, где некогда лежал Мыхасик, а после него немец Вилли Кауфманн, сегодня находился уже совершенно другой человек – раненый Голобородько, как его представил Алексею Броня. И его, Алексея, кровать оказалась занята незнакомым раненым.

– Ой, – спохватилась медсестра Ася, – раз тебя так долго не было, то на твою койку решили другого раненого положить. Ты ведь сам знаешь, с койкоместами у нас тяжело. А вещи твои из тумбочки я вниз на хранение перенесла. А у нас беда, Алеша...

– Что тут за беда может приключиться? – произнес он настороженно. – Умер, что ли, кто из раненых?

– Да нет. Все раненые живы и здоровы. Бориса Соломоновича арестовали, – выпалила она.

– А за что?

– Точно никому не известно. Пришли и забрали. Я предполагаю, – Ася снизила голос до шепота, – что это все из-за того немца проклятого, чтоб ему пусто было. Да ведь и тебя тоже из-за него упекли. Но слава богу, ты-то вернулся. А вот Борис Соломонович...

– И что, сейчас госпиталь без главврача остался? – поинтересовался Алексей.

– Пока Зинаида Прокопьевна с делами управляется. Но настоящего-то доктора нет. Мы все ждем, надеемся, что отпустят нашего Бориса Соломоновича, – медсестра промокнула глаза платочком. – Ведь вот тебя же отпустили.

– Выпустят, непременно выпустят, – успокоил ее Алексей.

Ася временно устроила его в коридоре. Он не возмущался. Принял это решение спокойно, с пониманием. Из его палаты мужики, кто был на ногах, подходили, выражали добрые чувства в связи с его возвращением. Вопросов – что да как, почему? – не задавали. Жизнь, как говорится, налаживалась. Алексей уже пытался, и небезуспешно, передвигаться при помощи одного костыля. И он даже задумывался пользоваться вместо костыля палкой. Гуляя во дворе госпиталя, Алексей заглядывался на деревья, чтобы из подходящей ветки вырезать себе трость. И что-то похожее на трость он себе все-таки смастерил. Но ходить с ней одной он пока опасался. С костылем ему было надежнее.

Время шло. И вот однажды в палату (он пролежал в коридоре не более трех дней) пожаловал офицер, тот, что был и раньше, когда его арестовывал. На этот раз офицер был вежлив и доброжелателен. Он явился один, без сопровождения.

– Как ваше самочувствие? – мягко поинтересовался пришедший.

Алексей, легко приподнявшись в кровати, ответил:

– Выздоровливаю. Поправляюсь. Скоро буду готов снова встать в строй.

– Искренне рад за вас, – проговорил офицер. И тут же перешел к главной цели своего визита:

– А вас капитан Грачик снова хотел бы видеть. Вы не против со мной прокатиться?

– Если того требует необходимость, – витиевато произнес Алексей, – то я готов.

И вот опять тот же прокуренный кабинет. Лейтенант, вошедший в кабинет, отчеканил капитану, что выздоравливающий Боровых по его приказанию доставлен.

Капитан, взглянув на стоящего перед ним и давая окурочку в пепельнице, без лишнего восторга в голосе воскликнул:

– О, после того, как мы виделись в последний раз, вы ровно наполовину пошли на поправку!

Алексей недоуменно уточнил:

– Что значит «наполовину»?

Капитан пояснил:

– В прошлый раз, мне помнится, вы были здесь на двух костылях, а нынче, гляжу, обходитесь одним.

– Надеюсь, что скоро выпишут. Дела с моим здоровьем, действительно, заметно продвигаются в лучшую сторону, – подтвердил Алексей. А мысленно отметил: «Ишь ты, математик! Два костыля... Один костыль...».

– Все это хорошо, – подвел итог капитан. – Да вы садитесь, садитесь, Боровых, ногу-то следует беречь.

– Так вот, – продолжил капитан, – для нашего общего дела все пока складывается как надо.

«Это как же „как надо“?» – подумалось Алексею. Но вслух он этот вопрос капитану задать не посмел. Решил подождать, пока тот сам все прояснит.

– После выписки из госпиталя вам следует ехать не в свою часть, куда вы приписаны и где вы проходите службу, а в 412-ю стрелковую дивизию, которая дислоцируется как раз напротив Стругажа и Красноведенска, находящихся в настоящее время под оккупацией противника.

– А как же документы? Проездные, во всяком случае?

– Договоримся так. Все необходимые документы для прибытия на место я подготовлю. А дальше всеми вашими делами будут заниматься другие люди. В частности, начальник дивизионного особого отдела НКВД подполковник Смоляков Георгий Семенович, – объяснил капи-

тан. – Доставка вас до станции Русьва, где находятся командный пункт, штаб дивизии и особый отдел дивизионного НКВД – дело, в общем и целом, будем считать, решенное. Через три дня через наш Нижнерудник проследует в ту сторону санитарный поезд за ранеными, здесь он сделает небольшую остановку. И к нему будет подцеплен вагон, а может, и не один, с пополнением для фронта. Ну и...

Капитан подошел к окну, потянулся было рукой, чтобы прикрыть открытую настежь форточку, но передумал.

– Ветер-то какой! – то ли с некоторым удивлением, то ли со сдержанным восторгом воскликнул капитан. – Похоже, гроза надвигается.

Помолчав, задумчиво взял со стола пачку папирос, спички... Закурил.

– Вон как закручивает! Н-да... Пылищи-то принес. Все что можно вверх поднимает... Ишь ты...

Над форточкой колыхалась занавеска.

– Да ну-ка его к черту! – решительно произнес капитан и захлопнул створку. – Так вот... Да... К нему будет подцеплен вагон с пополнением для фронта. Данное пополнение, состоящее в основном из штрафников, поручается сопровождать лейтенанту Одарееву. А вот его помощником на пути следования пополнения предполагается назначить вас.

– Меня? – удивленно воскликнул Алексей.

– А что тут особенного? Во—первых, доберетесь до места; во-вторых, с пользой для дела; в-третьих... Вы же сержант по воинскому званию, насколько мне помнится?

– Младший, – поправил капитана Алексей. Но тот на уточнение не обратил никакого внимания.

– В общем, вопрос решенный. Так что, готовьтесь, сержант Боровых, к путь-дороге. Не думаю, что она для вас окажется легкой, но я желаю, чтобы у вас по пути никаких проблем не случилось. И вообще, чтобы со службой в дальнейшем у вас был полный порядок. До свидания. Я вас не задерживаю.

Алексей поднялся со стула и уже двинулся к выходу, но приостановился.

– А можно вопрос? – обратился он к капитану.

– Можно.

– Мне известно, что из-за этого немца три человека оказались наказанными, правда, каждый по-своему. И мне интересно, за что и какую повинность понес часовой, охранявший немца в палате. И за что наказан Борис Соломонович Марголин.

– Это уже не вопрос, а целый букет вопросов, – усмехнулся капитан. – Я, конечно, не обязан давать отчеты посторонним, но в данном случае, пожалуй, разве что в виде исключения... Вы же были рядом с нами в то время, как Борис Соломонович упорно отказывался поместить раненого немца в изолированное помещение. Хотя, я был твердо убежден, этот вопрос был решаем. Он же ссылался на какого-то генерала, которого в самое ближайшее время должны были выписать из госпиталя. А после этого, мол, и местечко для немца освободится. Но почему он не порешал этот вопрос с выздоравливающим генералом? Не переселил того временно в общую палату или еще куда-либо. Одним словом – с Борисом Соломоновичем идет разбирательство. Мне пока судить трудно, чем оно закончится. Вторым звеном в этом деле является часовой. С этим человеком никаких сложностей нет и быть не должно. Тут все предельно ясно – поручено охранять объект, так будь любезен. Но он отлучился от охраняемого им немца и перепоручил его неприкосновенность другому лицу, то бишь вам. Его пришлось отдать под трибунал. А вот третьим звеном оказались вы. И вам пришлось пережить немало нелегких дней в наших полуподвальных апартаментах. Но к благополучному исходу привели три фактора. Первый – это ответ на наш запрос в войсковую часть, откуда вы сюда прибыли. Оттуда пришел документ, положительно характеризующий вас по службе. Второй – это то, что вам удалось заполучить от Вилли Кауфманна ценную информацию, и третий – это то, что прямых

доказательств убийства его вами нет. Более того, есть основания полагать, что немец и сам хотел, чтобы его лишили жизни. Даже я могу это подтвердить. Вы же нам сами помогли определиться с причиной его криков, когда его только-только доставили в госпиталь. Удовлетворил ли я ваше любопытство, сержант Боровых?

– Спасибо, – ответил Алексей. – Я могу идти?

– Вы свободны, сержант.

11

Гроза прошла три дня назад, а сырая, промозглая, ветреная погода, которую она принесла с собой, осталась. Над Нижнеруднинском первые дни нависали низкие, тяжелые тучи, а теперь над крышами домов протянулась на все небо серая, непроглядная пелена. Город как-то подобрался, насторожился, тая в своих домишках скудные остатки тепла, радости и счастья. По дворам не хлопало стиранное и развешанное на веревках белье. Куда-то забились шумные стаи сизых голубей. И голубятни на крышах домишек и сараев казались опустевшими. Никто из пацанов, да и взрослых голубятников, не рисковал, да и не испытывал желания выпускать своих заветных почтарей и турманов в бесконечную небесную серость.

С утра до вечера то припуская, то затихая, накрапывал нудный дождь. На дорогах и во дворах раздольно и широко разлились лужи, на зеркалах которых были заметны многочисленные мелкие, то и дело возникающие и угасающие кружки от дождевых капель.

Алексей около часа назад, распрощавшись душевно со всеми, покинул госпиталь. И стоял, укрывшись от дождя под густой кроной старого тополя, росшего у края дороги. Поджидал обещанную машину. Она должна была подъехать с лейтенантом Одареевым и захватить его, чтобы они вместе были доставлены к санитарному поезду. Он стоял где-то на Смычке.

В ожидании машины Алексей вспоминал о днях пребывания в госпитале и размышлял о предстоящей поездке в неизвестные ему края. Что ему сулило будущее, предначертанное погибшим Вилли Кауфманном? Какие еще ветры закружат вдруг над его судьбой?

Машина появилась неожиданно. Резко затормозила у входа во двор госпиталя. Ни водитель, ни лейтенант Одареев, видимо, не разглядели стоявшего под тополем Алексея.

Когда Одареев вышел из автомобиля, из-под тополя появился и направился к автомобилю Алексей. Он шел неспеша, опираясь на кривую, сучковатую палку. Подойдя к лейтенанту, Алексей, отдав честь, представился:

– Младший сержант Боровых.

– Лейтенант Одареев, – ответил Алексею офицер, так же козырнув.

И тут же воскликнул, окинув взглядом шинель Боровых:

– Да вы весь мокрый, сержант! – сам он был в плащ-палатке. – Давно ожидаете?

– Минут пятнадцать-двадцать. Немного, товарищ лейтенант.

– Ну, давайте в машину, – приказал лейтенант.

Когда они прибыли на Смычку, капитан Грачик был уже на месте. Он стоял в открытом тамбуре одного из вагонов с пожилым офицером и курил. В руке он держал кожаный портфель, закрытый на две застёжки. Завидев выбирающихся из автомобиля Одареева и Боровых, капитан Грачик замахал рукой и прокричал через пути:

– Давайте сюда! Чтоб под дождем не мокнуть. Здесь подождем.

– Знакомьтесь, это начальник поезда майор Гаврилов, – заговорил Грачик, когда лейтенант Одареев и Алексей, с его помощью, забрались в тамбур.

Начальник поезда представлял из себя уже немолодого мужчину за пятьдесят, с короткими, с проседью, волосами. Седина серебрилась и в щетине на щеках. Нижнюю часть лица обрамляла клинообразная седая борода. На его округлом, одутловатом лице сохранились следы минувших запоев. Это выдавали и мешки под глазами, и рыхлый сизый нос.

– Вам с ним в дороге многие вопросы решать потребуется. Так что вот... – продолжал представлять начальника поезда капитан Грачик.

Подошедшие поздоровались за руку с майором и представились.

– Наш эшелон к отправке готов. Вот, поджидаем пассажиров... – взял шуточный тон майор, – Как только, так и в путь. Паровоз вон – под парами стоит. И для вас вагон прицеплен... И даже два.

– Сколько же пассажиров ожидается? – как самый неосведомленный, поинтересовался Алексей.

– По предварительным данным, тридцать шесть человек, – сообщил капитан Грачик. А сколько доставят – посмотрим.

Заслышалось урчание грузовых автомобилей. К площадке у первого пути подъехали, развернулись и остановились две полуторки с крытыми брезентовыми верхами и легковой автомобиль.

Из легковушки выбрались капитан внутренних войск и старшина. Раздались отдаленные команды. И тут же из полуторок соскочили несколько человек в полном воинском обмундировании, вооруженные кто винтовками, а кто автоматами. Встав по двое на задах грузовиков, они, открыв затворы бортов и опустив их, стали наблюдать за выгрузкой привезенных людей.

Выгрузка личного состава заняла минуты три. Выстроив солдат в колонну по два, старшина повел ее к теплушкам. Капитан двинулся навстречу к группе офицеров, спустившихся с тамбура одного из пассажирских вагонов.

Дождь, видимо, устав накрапывать день-деньской, несколько поутих. Потянул легкий ветерок. Ватага мальчишек и девчонок, задержавшись неподалеку от занятых своим делом взрослых военных, окинув их глазами и что-то обсудив между собой, побежала дальше вдоль путей в сторону вокзала.

Капитан Грачик, по согласованию с офицером, доставившим штрафников, попросил лейтенанта Одареева принять командование этой группой на себя и построить ее перед одним из двух вагонов-теплушек. Что тот и сделал при помощи старшины.

– Ра-а-а-н-н-яйсь. Сми-рр-р-аа! – скомандовал лейтенант.

– Товарищ капитан, – приложив руку к козырьку фуражки и вытянувшись перед капитаном Грачиком, доложил лейтенант, – личный состав боевого пополнения, отправляемого на фронт, по вашему приказанию построен.

– Вольно! – ответил капитан.

Вид у штрафников был далеко не боевой. Стояли кто в чем: на некоторых были накинута шинели, на других – телогрейки, кто-то стоял в гражданском пиджаке и кепке, кто в гимнастерке и без головного убора...

– Товарищи бойцы! – начал твердым голосом капитан. – Сегодня, сейчас, вы отправляетесь на фронт. Родина позволила вам в предстоящих боевых действиях проявить себя в полной мере. Она верит, что вы мужественно, бесстрашно встанете на ее защиту и будете беспощадно громить ненавистную немецкую гадину. Родина не сомневается, что вы будете твердо и неотступно отстаивать свободу и независимость своей родной земли. Она верит, что вы своей кровью сможете смыть допущенные вами ранее ошибки. Слава нашей советской Родине. Слава нашей родной коммунистической партии. Слава нашему великому товарищу Сталину! Мы победим! Победа будет за нами!

Обе шеренги стояли молча, ничем не выказывая своих чувств по поводу прозвучавшей речи капитана. Но молчание было недолгим. Вдруг кто-то продекламировал:

На фронт нас кинут,
В окоп приткнут...
Тогда уж, Гитлер,
Тебе капут!

– Х-ха-а! – закончил вызывающим восклицанием свою декламацию белобрысый боец в гимнастерке с незастегнутым воротом, приспущенным ремнем и сдвинутой на затылок пилоткой. При этом он подогнул колени и широко раскинул руки.

– Боец Рябов, – обратился к нему капитан внутренних войск, доставивший штрафников сюда, на Смычку, – Прекратите паясничать и приведите свой внешний вид в порядок.

– Ща! – ответил Рябов. И махнул между ног рукой, как бы показывая: да иди ты знаешь куда... Но, осознав, что перегибает палку, Рябов живо занялся своим внешним видом: застегнул как положено воротничок гимнастерки, подтянул ремень, поправил пилотку. Однако эти действия не произвели должного впечатления на старшину. Тот подошел к Рябову раскачивающейся походкой и дал нарушителю дисциплины такую зуботычину, от которой Рябов не устоял на ногах, тяжелым мешком опустился на землю.

– Рано раскудахтался, сука, – надменно произнес старшина.

Тут же тишину прорезал чей-то отчаянный плаксивый голос:

– Я не дезертир! Я не виноват... Меня старшина послал... А там меня и взяли... Посчитали за дезертира. А старшина убит... Не дезертир я...

– Не ссы, соколик, – раздался в ответ другой, более низкий голос. – Тут виноватых нет. Я тоже из плена бежал, а меня вишь как пригولубили. Не ссы, прорвемся. Так уж наши судьбы карты разложили... Тут ничего не поделаешь.

Старшина, все еще стоявший возле поверженного Рябова, прищуренными глазами оглядел строй, чтобы выбрать очередного провинившегося. Лейтенант Одареев строго прикрикнул:

– Разговорчики в строю!

Слово попросил начальник поезда. Майор, чуть выдвинувшись вперед, поправил фуражку и начал:

– Товарищи! Вы поедете с нашим поездом. Как вы видите и понимаете – это поезд специального назначения. Это санитарный поезд. Мы едем на фронт, к передовым позициям, где происходят жаркие боевые действия. И где нас ждут раненые бойцы... Но я вот что хочу сказать... По существу. Вагоны, что прицеплены к нашему поезду, не столь комфортны, как прочие пассажирские. Но там, тем не менее, есть нары, есть отхожие места и есть печурки... Хотя сейчас лето, и в них особой надобности нет... Но самое главное – в пути вы будете обеспечены довольно скромной, но горячей пищей. Просьба к вам: берегите оборудование вагонов. Не ломайте и не жгите построенные нары и перегородки. В этих вагонах с фронта будут перевозиться раненые. Помните об этом.

Капитан, в сопровождении которого прибыла для отправки группа штрафников, слова не попросил, а повернувшись к капитану Грачику, вынул из полевой сумки объемный пакет и произнес довольно громко:

– А вот вам все сопроводительные документы: здесь весь списочный состав убывающих на фронт, здесь заключения трибуналов – кому куда и на сколько. То есть – кому штрафбат, кому штрафные роты... Кому на месяц, кому на два, а кому на все три. Ну и... Прошу! – протянул он пакет Грачику.

Тот взял пакет и тут же передал его лейтенанту Одарееву со словами:

– Убери подальше. А сейчас делай поверку и в вагон. Пора выдвигаться.

– А вам, – повернулся капитан к Алексею, – вот эти документы. Вы их передадите подполковнику Смолякову – начальнику дивизионного отдела НКВД.

– Есть, передать документы подполковнику Смолякову, – взяв портфель, отрапортовал Алексей.

– И еще, – сказал капитан Грачик, вновь повернувшись лицом к шеренгам. – Этот артист, как его? Рябов? Боец Рябов, выйти из строя!

Попритихший, без былого удалства, Рябов сделал пару шагов вперед.

– Рядовой Рябов, объявляю вам два наряда вне очереди. Во-первых, за номер антихудожественной самодеятельности, во—вторых, за неуставное поведение в строю. Лейтенант Одареев, в случае, если эти два наряда не окажутся реализованными на пути следования группы

до места, прошу передать командованию, в чье подчинение поступит рядовой Рябов, эти наложенные на него взыскания.

– Есть! – коротко ответил лейтенант.

И вот над пустынными путями Смычки разнеслись звуки поверки.

– Афанасьев... Я! Артюхов... Я! Бояринов... Я! Бабаян... Я! Карташов... Я!

Алексей, услышав эту фамилию, напрягся. «Да это же... – вдруг словно обожгла его память. – Да это же, похоже, он, тот самый охранник... Что с немцем тогда... Вот бедолага...». И, повернувшись в сторону шеренг, начал внимательно всматриваться в лица штрафников. „Ну точно, вот он“, – воскликнул про себя Алексей, встретив глазами знакомое лицо. – Вот ведь, не повезло парню из-за ерунды. И вроде бы и не виноват... Ну надо же!».

Отъезжающие заняли места в вагонах, паровоз дал протяжный гудок, оповещая всю Смычку, вплоть до привокзальной территории, о своем отъезде из Нижнеруднинска. Между путями остались стоять два капитана, старшина и четверо бойцов с винтовками и автоматами.

12

Пошли вторые сутки, как поезд покинул Нижнеруднинск. Он шел по просторам России, то выжимая из своего железного нутра все силы, шумно стуча колесами на стыках рельс и рассеивая за собой клубы дыма, то выстаивая на железнодорожных узлах, подолгу дожидаясь заветной команды: «Путь открыт!».

Все тридцать шесть, а точнее, тридцать восемь человек, если считать еще и сопровождающих, оказались размещенными в одном вагоне, примыкающем непосредственно к локомотиву. Последний вагон шел порожним. Только лейтенант Одареев да Алексей знали о том, что там хранилось стрелковое оружие.

Сразу вооружать отправляемых на фронт штрафников поостереглись. Но оружие прихватили. И часть обмундирования, которое тоже находилось там же, во втором вагоне.

Над поездом обрывками синело небо, то тут, то там проглядывавшее сквозь рваные облака. Изредка землю баловало своим нечастым появлением солнце. Тогда загорались нежной зеленью поля и луга, рассыпались серебром поверхности речушек и озерца, исчезали таинственность и непроглядность густых лесов.

И чем скорее приближался поезд к конечному пункту своего следования, тем больше ощущались и нетерпение, и тревога среди вынужденных его пассажиров. Все томились ожиданием неизвестного будущего. Что оно несет, каким оно будет? Сутки назад разговоры в вагоне имели непринужденный, развлекательный характер: звучали из разных уст смешные и часто непристойные мужские анекдоты, забавные байки, правдоподобные, но затейливые истории, вызывавшие всеобщий смех и оживленные обсуждения. А сейчас разговоры стали много тише, охватывали только небольшие группы слушателей и рассказчиков. И темы этих разговоров отражали неуклонно приближающуюся боевую реальность.

– Я говорю дружку, Алехе, значит, – это рассказывает двум своим напарникам рядовой Махота, тот самый «не дезертир», что выступал в строю перед вагонами, – ну, че ты трясешься! Выкинь, говорю, глупые мысли из башки. В бой надо, говорю, идти без этого, говорю... Без всяких надумок ненужных в голове. А ты трясешься, говорю... Убьют, боюсь... Не надо об этих вещах думать вообще, а то точняк кокнут.

– Ну и точно, – Махота прокашлялся в кулак. – Командир закричал: «За мной, вперед!». Рота поднялась в атаку... Ну и Леха, понятно, тоже «Ура!» кричал. Но недолго. Зацепило Леху. Благо не насмерть.

– И ведь который раз это, – с огорчением вздохнул Махота. – Никак себя побороть не может. Хоть кол на голове теши.

– А я вот тожа... Перед боем весь трясусь... – признался один из слушателей Махоты. – И дождать не могу, коды она, атака проклятушша, начнется. Хуже нет, коды ждешь... Ну, а уж коды началось, тоды все... То ись тоды обо всем забывашь. Чесно слово. Для меня главно – начала дождать. Вот ждуть да догонять для меня – хуже нету, – заключил рассказчик.

– А вон тот, – ткнул пальцем в угол вагона солдатик, подсевший незаметно третьим себе-седником Махоты, – это наш, свойский мужик, Нахимчук. Тот от предстоящего боя тоже всегда сам не свой ходит. И вроде мужик боевой, прямо рубаха-парень, а вот перед боем найдет уголок поукромней и крестится, и крестится. Знать, на Бога полагается. Убережет, стало быть, он его – надеется.

Рассказчик затянулся сигаркой и закончил:

– И ведь помогает ему Бог-от. Уж в таких переделках бывал, а ни разу даже не царапнуло. Нешто есть он, Бог-от?

– Как знать. Можя и есть, – подхватил второй рассказчик, повествовавший только что, как он ждять да догонять не любит. – У меня мама с тятей верущие. Каждый день утром и вечер молитвы читають да поклоны кладуть... Ну а как без Бога-то жить?

– Так, стало быть, ты и сам веришь в Бога-то? – спросил кто-то из сидящих вокруг.

– Дак как веришь – не веришь... Вот знать ба точно, что он есть. А то все говорить... Молются... Все слова, слова... Можя и есть он, Бог-от. Шут его знают.

На повороте занесенный ветром малый клуб дыма из трубы паровоза уже в который раз заполнил пространство вагона. По вагону раздались возгласы недовольства, матерная брань, началось хаотичное движение.

– Не довезут нас едак-то! – кричал кто-то. – Угорим нахер.

Двое возились с дверью, чтобы раздвинуть ее.

– Ну чего вы там возитесь! Задыхаемся ведь. Копуши.

Но вскоре волнения по этому поводу улеглись. Вагон проветрился быстро. И по новой начали раздаваться со всех сторон доверительные разговоры, воспоминания, житейские и армейские истории.

Справа от двери на нижней полке сгруппировалось до шести человек бойцов. Оттуда слышались шумные взрывы хохота, частые восклицания «Ой, не могу! Ну надо же!» – и неудержимые «Хха-ха-х-а, ггы-ы-ы – ы...».

Алексей невольно прислушался к шумному веселью говорливой кампании. Оттуда несло:

– А нас на передовую. Нас! Туда! Едритт-т-т т-твою Машку за ляжку... На передок, значит...

Кто-то, слышно было, пытался одернуть говоруна:

– Да тише ты. Чего расхорохорился на весь вагон... Гляди, лейтенант вон...

– А чего, я верно говорю, – ерепенился рассказчик. – Фронты трещат по всем швам, а нас... Нас на передок... Ишь ты!

И с приклатненной интонацией напел:

Родина – мама —
Капризная дама.
На передок слаба.
Похоже, ей труба...

– Хх-а-а...

Алексей, услышав и поняв, чей же это голос, а это был голос Рябова, уже решил пресечь непристойный разговор. Он приподнял голову, оперся руками под собой, чтобы поднять тело, как вдруг услышал:

– Ну-ка ты, заморыш, заткнись! А то тебя мама не узнает, если она у тебя есть. Но, похоже, ты жалкий выкидыш. Какая у тебя может быть мама...

– Че-е? – взвился заводила веселой кампании. – А ну, повтори, че ты щас прошлепал... Кто я?

– Недоносок ты, гнус вонючий... Жалкий выкидыш, – послышался твердый, уверенный голос.

И Алексей, глянув туда, откуда раздался этот голос, увидел человека, еще моложавого, но с военной выправкой, Шелепова Вадима, о котором он буквально вчера услышал от Карташова.

– Ну, мужик, ты подписался. Сам виноват, напросился.

– Я сказал, заткнись, щегол. Или я тебя сейчас сам заткну...

– Ты? Меня? – пошел развязной походкой на мужчину Рябов. За ним двинулось несколько его подельников. – Да я тебя на ремешки порежу, падла! – в руках у Рябова блеснуло лезвие ножа. Он подступал к Шелепову ближе и ближе.

Для окружающих возникший конфликт явился неожиданностью. И многие не решили для себя: кто прав, а кто виноват. И чью сторону занять. И просто наблюдали из любопытства.

– Рябов, прекратить, – наконец, вмешался Алексей. – Дай сюда нож.

– А ты, ефрейтор, засохни. Тут не твоего ума дело, – огрызнулся на младшего сержанта Рябов.

– Что ты сказал? – воскликнул, в свою очередь, Алексей, возмущенный наглостью Рябова.

Но того несло:

– Сказал, засохни. Замочу.

– И эта козява кому-то еще и угрожает! – встал с нар и сам двинулся в сторону Рябова Шелепов.

Тот и не ожидал столь решительных действий от кого-либо, а тем более от этого мужика, – привык чувствовать здесь свое превосходство и безнаказанность, полагаться на безоговорочное повиновение окружающих и помощь дружков.

Но и дружки, стоя за его спиной, оробели.

Шелепов подошел вплотную к Рябову и резким выпадом правой руки нанес тому удар в подбородок. Рябов рухнул на пол. Шелепов поднял с пола нож, выпавший из руки Рябова, и передал его сержанту.

Алексей взял нож, осмотрел его и, произнес:

– Ого! И откуда у них берутся такие ножи?

Шелепов с пренебрежением сказал дружкам поверженного:

– Подберите это говно и положите куда подальше, чтоб не пахло. И вас я больше чтоб не слышал. Ясно?

Лейтенант Одареев со своего места молча наблюдал за происходящим. Он подумал: «Много чести, если мы все возьмемся утихомиривать одного буяна. Достаточно сержанта Боровых». И был весьма удовлетворен конечным результатом. «А с этим Рябовым нужно решать. Иначе мы команду не доведем до места в целостности и сохранности».

Алексей вчера вечером сумел поговорить с Карташовым, поинтересоваться его самочувствием и настроением. Карташов по разговору оказался мягким, душевным и незлобивым человеком. Собственно, Алексей его таким и помнил по злополучному для Карташова дежурству. Иначе случился ли бы контакт с немцем, с этим Вилли Кауфманном?

Карташов был парень невысокого роста, крупного телосложения, круглолицый, черноволосый, коротко стриженный, с какими-то замедленными движениями.

– Ну ты, брат, прости, – сказал ему Алексей при вчерашней встрече. – Как-то у нас неловко получилось тогда... с этим немцем.

– Да ничего. Вы-то тут при чем? Что ни делается, как говорится... – высказался спокойно и рассудительно Карташов.

– Кстати, – сменил тогда тему разговора Алексей, понизив голос до полусшепота, – а что это за мужчина, что рядом с тобой расположился? Ты, случайно, не знаешь?

Его этот человек заинтересовал еще там, в Нижнеруднинске, когда штрафники выстраивались в шеренги перед вагоном. Чем-то он ему показался притягательным. Может, возрастом? Тому было на вид около сорока. Он был чуть старше многих прибывших на Смычку. Но, однако, среди массы штрафников и постарше его люди были. Так чем же?

– Это Шелепов Вадим, – ответил Карташов. – Я сам с ним не знакомился и не разговаривал... Но о нем мои соседи говорили. Полковник он.

– Полковник!? – у Алексея промелькнула уважительная нотка. – Ну тогда понятно...

Что вдруг стало понятно Алексею, он и сам до конца не разобрался. Сейчас, лежа на лавке, он невольно наблюдал за Шелеповым. «Ну, а чего? – сказал сам себе Алексей. – Чем не полковник. Вполне. Только уточнение – бывший полковник. А сейчас-то он, судя по форме одежды, рядовой. Стало быть, разжалованный полковник. Когда? За что? А какая разница. А впрочем, в документах у лейтенанта по каждому должны быть исчерпывающие сведения».

Одареев дремал рядом. Он лежал на боку, и пока поезд находился в движении, лейтенанта мало беспокоило настроение личного состава и кто чем занимается. Вот ежели да вдруг остановка! Вот тогда держись. Покоя не будет. А пока...

И как на притчу, Одареев почувствовал, что поезд заметно замедляет ход. Это ощутил и Алексей.

– Кажется, приехали, – предположил он.

Одареев внимательно прислушался к перестуку колес:

– Определенно, остановка. Ты, сержант, добежал бы до начальника поезда, узнал, что и как.

– Есть, узнать! – по-боевому ответил Алексей и схватился за свою палку.

– Вот черт! – спохватился лейтенант. – Извини, совсем забыл. Погоди, я сам.

И лейтенант, поднявшись с нар, направился к створу дверей. Там уже толпились любопытствующие. Они с легкостью расступились, высвобождая проход для лейтенанта. Одареев ловко спрыгнул из вагона на землю и побежал в сторону пассажирских вагонов. Добежав до административного, он увидел, что вагонная дверь приоткрыта. Схватившись за поручни, он уже готов был скрыться в вагоне, но нечаянно бросил взгляд вперед. И увидел, что впереди, метрах в трехстах от их санитарного поезда, стоит воинский эшелон. Это он без труда определил по последним платформам, где, затянутые брезентом, стояли артиллерийские орудия. А еще дальше он разглядел стоящие так же на платформах танки.

Поднявшись в вагон, он без труда нашел майора Гаврилова. Тот ничего определенного о причинах остановки сказать не смог. Поезд стоял далеко от станции, и спросить было не у кого.

– Остается ждать. Может, со временем что-то и прояснится, – успокоил лейтенанта майор. – А вот использовать эту остановку с толком следует.

– Людмила Санна! – крикнул он в проход по вагону. – Слышите, Людмила Санна!

– Слышу, Юрий Палыч. Иду, – послышалось из противоположного конца вагона. И вскоре перед купе майора Гаврилова предстала дородная, еще не пожилая женщина в белом халате.

– Людмила Санна, – обратился к ней майор. – У нас для наших пассажиров к ужину что-нибудь готовится?

– Ну, а как же, Юрий Палыч. Что-нибудь приготовим, – одарила она улыбкой лейтенанта Одареева. – Голодом не оставим. Извините, Юрий Палыч, я на пять минут отлучусь в пятый вагон и все выясню по этому вопросу у Розы Карповны. Я быстро.

И Людмила Санна развернулась и закачала упитанными бедрами.

– Да ты присядь, лейтенант.

Когда Одареев сел на лавку, майор продолжил:

– Я чего говорю... Пока остановка – самое время твоих орлов покормить. На ходу, сам понимаешь, транспортировка пищи в ваши вагоны исключена. Так что... Подождем нашу кормилицу. Времени, похоже, предостаточно.

Времени на самом деле оказалось более чем предостаточно. Людмила Санна оказалась весьма пунктуальной. Где-то минут через семь-восемь она уже вернулась назад.

– Через полчаса, самое большее минут через сорок присылайте своих хлопцев за баком, – распорядилась она, вновь одаривая улыбкой лейтенанта. – Роза Карповна постарается...

– Понял. Разрешите идти, – встал навытяжку перед майором и любезной Людмилой Санной Одареев.

– Вы свободны, – добродушно сказал майор.

– Заглядывайте к нам почаще. Милости просим, – пропела Людмила Санна.

Примерно через час каждый в предпоследнем вагоне поезда, получив желанную порцию каши и кусок хлеба на ужин, дружно принимал пищу. Одни бойцы черпали из своих плошек, сидя в вагоне, на нарах, а другие, с позволения лейтенанта, ужинали на улице, сидя прямо на полянке перед вагоном.

– А это кто такие к нам шлепают? – воскликнул один из бойцов, завидев две фигуры, приближающиеся к их вагону со стороны головы поезда.

Они шли не торопясь. Тот, что повыше и, видимо, постарше наклонился к колесным парам, простукивал молоточком, открывал буксы, внимательно осматривал их и, если требовалось, просил того, что поменьше, по всему видать, мальчонку, подлить туда масла. Вскоре они приблизились к вагону: пожилой мужичок в замасленной спецовке, с молоточком на длинной рукояти в руке, и мальчуган лет семи-восьми. Мальчуган держал в руках мятую, выдавшую виды масленку.

Алексей, подумав, что вот они-то точно знают причину остановки, доброжелательно предложил:

– А вы с нами поужинать не желаете? Каша у нас...

Он даже аппетитно причмокнул.

– Разве что Санек, – согласился мужичок. – Будешь, нет? – спросил он, наклонившись к мальчугану. И не получив от того толкового ответа, продолжил:

– Разве что самую чуточку ему.

Когда уже и мужичок – осмотрщик вагонов и его внучок Санек ели из освободившихся плошек кашу, этот пожилой железнодорожник поведал, что впереди, перед станцией Ключевская, как раз перед прибытием воинского эшелона немецкие самолеты сброшенными бомбами повредили пути. Они, мол, сейчас и ремонтируются. Работы, мол, часа на два еще осталось.

– А Ключевская – большая станция? – поинтересовался кто-то.

– Да не. Откуда, – ответил мужичок. – Так, железнодорожный разъезд. Но места у нас шибко баски, – похвалился он.

Одареев, находившийся поблизости, донимал осмотрщика вопросами:

– И что, такие налеты частенько случаются? Стало быть, и фронт недалече?

– Меня Лукой Феофанычем кличут, – брякнул железнодорожник. Но после короткой недоуменной паузы продолжил, облизывая ложку:

– Бывает, как же. Летают. Норовят навредить.

– Деда, а ты про немцев расскажи... Про тех... – встрял малец Санек, обнаружив отсутствие передних молочных зубов.

– Чо зубов-то нет? – тут же заметил кто-то. – Поди, с баушкой спишь?

Малец застенчиво умолк, уткнувшись в плошку.

– Бывает. Верно, – заговорил Лука Феофаныч. – Вот, неделю поди назад будет, прилетал так же немецкий самолет... Дак он это... Не бонбы сбрасывал, а людей. Как их... – осмотрщик поднапряг свою память, – десантников. Вот. Долго их вылавливали, окаянных... Дня три али четыре.

– А чего им тут надо-то было, этим десанникам? Чо, Ключевская шибко важный объект?

– По всему видать, им мост через нашу речку Чухонку запонадобился. Он там впереди. Три километра от нашей Ключевской будет. Да вы по нему проедете, ежели у вас вперед дорога предстоит, – обстоятельно разъяснил осмотрщик. – А фронт... Пока мы про него тут не слышали. Может, он и недалече где. Ну, спасибочки за угощение, а мы пойдем свои дела делать. Да, Санек?

- Да посидите еще, – предложил один из бойцов.
- Верно, посидите, – поддержал лейтенант. – Чайку поьем. Скоро чай принесут...
- Да не... – вежливо отказался осматрщик. – Дела, – заключил он важно. – Да и вечереет,

гляди.

И уходя уже, взглянул на два прицепленные к поезду вагона, покачал головой:

– Шо ж, поновее-то не сыскалось? Эвон чо шшели-то каки. Сквозит небось?

И, не дожидаясь ответа, начал привычно колдовать над колесными парами.

Когда допивали чай, Одареев, как бы советуясь с Алексеем, произнес:

– Верно, видимо, говорят – береженого Бог бережет.

– Раз говорят, значит верно, – скаламбурил Алексей. Но пока не понял, к чему клонит лейтенант.

– Что ж, значит, будем оберегаться, – решительным тоном объявил тот.

– От кого? От чего? Как?

– Пришло время нашему боевому пополнению вооружаться.

– Вы считаете? – сказал Алексей.

– Да, я считаю. И откладывать на потом, ожидая какого-то чрезвычайного случая, считаю нелепостью. Надо это сделать сейчас и безотлагательно.

– Ну что ж. Я в принципе – за, если требуется мое мнение, – согласился Алексей.

Построенный в две шеренги, как и прежде, личный состав боевого пополнения стоял перед вагоном. Лейтенант, пройдя вдоль строя, пришел к неутешительному выводу: вид у бойцов был далеко не боевой.

– Товарищи бойцы! – обратился, наконец, лейтенант, – мы с вами – боевое подразделение. Будем считать его взводом, находящимся в походном состоянии. Но вид у нас с вами не боевой, хотя мы приблизились к фронту и должны считаться с фронтовыми условиями. Потому перед вами ставятся задачи, – лейтенант окинул взглядом шеренги, – Первая: привести в порядок и содержать внешний вид на должном уровне; вторая: получить табельное стрелковое оружие и содержать его в порядке и боевой готовности; третья: вся наша жизнь с этой минуты регламентируется только положениями Устава. А потому, мы будем подчиняться в нашей внутренней жизни, пока находимся в пути, уставным отношениям. С этой минуты я и мой помощник не просто сопровождающие вас до места вашей дальнейшей службы. Я, как старший по званию, лейтенант Одареев, являюсь командиром нашего взвода, а мой помощник, младший сержант Боровых – замкомвзвода. Потому требуется к нам обращаться соответственно. Мы все теперь не просто пассажиры,двигающиеся вместе в одном направлении до места нашей службы, а боевая единица, боевой взвод, готовый в любой момент организованно вступить в схватку с врагом.

Вдруг из шеренги послышался голос:

– А вопрос можно?

Лейтенант кинул взгляд туда, откуда донесся голос:

– Можно.

– А откуда возьмется стрелковое оружие? Разве оно у нас есть?

– Раз я о нем сказал, значит, есть. Может, только на всех не хватит, но владеть им должен уметь каждый. Надеюсь, больше серьезных вопросов нет. Не будем терять времени... Сержант Боровых, возьмите с собой четверых бойцов и обеспечьте личный состав оружием.

– Есть, товарищ лейтенант, – бодро ответил Алексей, лихо козырнув. – Афанасьев, Бабаян, Карташов, Устинов, за мной!

И, прихрамывая и опираясь на палку, двинулся в сторону последнего вагона.

Четверо бойцов легко догнали своего сержанта. Впередистоящий эшелон с танками и артиллерийским вооружением двинулся вперед в сторону станции Ключевской полчаса назад. Машинисты санитарного поезда, по рассуждению и по догадкам лейтенанта Одареева,

пережидают какое-то время, чтобы не ползти на задах у эшелона, и для удобства, и для собственной безопасности. «Слишком хорошая мишень получилась бы для немцев, если бы наши поезда выстроились в одну непрерывную линию», – подумал лейтенант. Санитарный поезд тронулся только минут через сорок после того, как покинул место стоянки эшелон.

Над поездом сгущались сумерки. Далеко над горизонтом забрезжили первые звездочки. Тишину вокруг нарушал размеренный перестук вагонных колес. Еще засветло поезд миновал станцию Ключевскую – небольшое железнодорожное поселение, состоящее из двух, но не более, десятков деревянных покосившихся домиков с низкими палисадниками, калитками, воротцами и прочими незатейливыми архитектурными деревенскими пристройками. Некоторые окошки уже проливали подслеповатый теплый свет. В поселке шла своя жизнь. В этих неказистых, но теплых и уютных домишках готовились ко сну немногочисленные жители. И среди них Лука Феофаныч с внучком Саньком.

После Ключевской минут через пятнадцать-двадцать поезд прогремел и по мосту через речушку Чухонку, как назвал ее железнодорожник Лука Феофаныч. Поезд шел вперед, поезд шел ближе и ближе к фронту.

Вот и ночь осталась позади. Сквозь щели вагона едва проникал робкий, нежный свет нарождающегося дня. У плотно сдвинутых дверей сидели, дремотно покачивая головами двое часовых. Они не разговаривали, но и не спали. Они отважно боролись с утренним сном. Остальной личный состав дружно досматривал последние в эту ночь будничные сны.

13

Пробуждение бойцов вышло быстрым, шумным и внезапным. Их разбудили рев моторов, трескотня пулеметов и взрывы бомб. Солдаты повскакивали с нар, ничего не соображая спросонья.

Трое навалились на дверь, чтобы отодвинуть ее в сторону. И скоро им это удалось сделать. В вагон хлынул свежий утренний воздух вперемежку с пороховыми запахами и гарью.

От очередного взрыва вагон вздрогнул. Его качнуло, будто под ним приподнялась и тут же опустилась земля. Но движение поезда не прекращалось. Поезд шел вперед, только заметно медленнее обычного, словно тяжело преодолевал крутой подъем.

Гул ревущих моторов то нарастал, то затихал. И вот поезд словно выдохся. Встал. Откуда-то несло едким дымом.

– Всем покинуть вагон! – скомандовал лейтенант. – С оружием! – добавил он.

Взводу потребовалось менее десяти минут, чтобы покинуть вагон и рассредоточиться поодаль от него.

Головные вагоны поезда вместе с паровозом находились в лесной зоне, а задние вагоны сейчас стояли в редком перелеске, переходящем в просторную луговину, похожую на болото.

Последняя атака немецких самолетов закончилась, и они временно покинули это место, чтобы сделать разворот и появиться над поездом снова.

Алексей окинул взглядом состав, чтобы оценить степень повреждений, нанесенных вражескими самолетами, и увидел, что серьезно пострадал третий с головы поезда вагон. Горели его передняя часть, передний тамбур и пара купейных отделений. Снаружи, с видимой стороны, были разбиты два окна. Из них валил черный дым. Лейтенант скомандовал:

– Шелепов, Бабаян, Карпухин... За мной!

И на ходу поставил задачу бегущим с ним бойцам:

– Первое и самое главное – надо вывести весь персонал из вагонов в безопасное место. Второе – потушить пожар в вагоне, если он, конечно, имеется. А сейчас надо найти открытую дверь или достучаться, чтоб открыли любую, и – в разные концы поезда: я и Бабаян – в передние вагоны, а вы, Шелепов и Карпухин, – в задние.

Незапертой дверь оказалась в административном вагоне. В купе начальника поезда было пусто. «Значит, он где-то в поезде, его надо найти», – решил для себя лейтенант. Проникшие в поезд бойцы разделились по парам. Уже в следующем вагоне в одном из купейных отделений лейтенант увидел двух молоденьких медсестер, тесно прижавшихся друг к другу и дрожащих от страха.

– Девочки, живо подняться и на выход. И подалее от вагонов, – приказал им лейтенант. – Бегом марш! Бабаян, проводи.

Над поездом вновь послышался гул приближающихся самолетов. Надо было спешить.

– Людмила Александровна! – крикнул лейтенант. Никто не отозвался. Одареев двинулся дальше, в следующий вагон. Гул нарастал.

Алексей, оставшись с частью взвода в перелеске, с тревогой наблюдал и за поездом, и за немецкими самолетами. Вот из вагона, из тех же дверей, куда чуть раньше вошли в поезд лейтенант с бойцами, вышли и начали спускаться две девушки в ладной, по их фигурам, военной форме. Им помогал смуглый и черноволосый рядовой Бабаян.

Самолеты приближались. Они летели настолько низко, что, казалось, хотели сесть на крыши вагонов. Видимо, совершенно не опасались, что им что-то может тут угрожать. Санитарный поезд был для немецких легчиков чрезвычайно легкой добычей.

Алексею показалось, что девушки слишком медлительны, и он, не выдержав, крикнул:

– Быстрее, что ж вы... И в лес. И в лес... Подальше!

Девушки с визгом и с криками «Ой, мамочки...» рванули от вагона прочь. Самолеты неумолимо приближались. Уже раздалась знакомая трескотня пулеметов.

– По самолетам противника... Огонь! – вырвалось у Алексея. Он уже держал в руках старенькую трехлинейку и прицеливался в передний приближающийся самолет. Их было два. Они летели друг за другом.

– Огонь! – снова скомандовал Алексей. И раздалась выстрелы. Они звучали вразнобой, но безостановочно. И вдруг за передним самолетом потянулся шлейф черного дыма. Как только появилась первая полоска дыма, как только показался этот первый признак того, что самолет противника получил попадание чьей-то пулей в жизненно важный узел, над перелеском всплеснулось и взвилось до самого неба громогласное «Ура!». И этот возглас продолжался греметь до тех пор, пока самолет не уткнулся, не зарылся носом в болотину, и, наконец, не взорвался.

Второй самолет с ревом пролетел над поездом и взмыл в небо, поняв, что кружить здесь небезопасно. Он поспешил покинуть это гиблое для него место как можно скорее.

– Людмила Александровна! – еще раз на всякий случай крикнул лейтенант, уже понимая, что в этом вагоне нет никого. Он побежал вперед, толкая перед собой очередные двери, не заботясь об их закрытии. В следующем вагоне он вынужден был остановиться от увиденной им картины. Такого он ну никак не мог ожидать. Здесь находилось несколько человек. Вагон пропах гарью. Впереди что-то не унимаясь тлело, а может, даже и горело невидимым пока пламенем, и дым разносило и по вагону. Его тянуло в разбитые окна. Дышать было трудно.

Людмила Александровна, а это была она, хоть узнать ее было непросто, присев на полу, прижимала к своей груди голову лежащей девушки и причитала уже осипшим от горя голосом:

– Анечка... Милая моя! Да что же это... Что я скажу твоей мамочке? Анюточка... О-о-о-й...

Лицо, халат, руки Людмилы Александровны были перепачканы пятнами сажи и крови.

Начальник поезда майор Гаврилов стоял рядом с ней и не знал, что же делать. Не знал, как утешить Людмилу Санну. Он, прикоснулся к ее голове, слегка поглаживая ее по растрепанным прядям волос, приговаривая, путаясь, какие-то слова.

Лейтенант, воспользовавшись паузой в причитаниях Людмилы Александровны, произнес:

– Товарищи, товарищ майор, Людмила Александровна, следует немедленно покинуть вагон. Здесь оставаться небезопасно. Я прошу...

В вагон вошел Бабаян:

– Товарищ лейтнант, какой мой помощ нада? Я готов...

– Помогите женщине выйти из вагона, рядовой Бабаян. Она себя плохо чувствует, – сказал Одареев.

– Есть, товарищ лейтнант.

И Бабаян направился к Людмиле Александровне. Подойдя и увидев на ее коленях смертельно раненую девушку, Бабаян издал гортанные звуки:

– Ах, ах-ах! Какой большой горе. Какой большой беда! Будь проклят трижды этот война... Ах-ах-ах!

Людмила Александровна, выплавав все слезы, безвольная и душевно опустошенная, бессмысленно водила глазами, оглядывая окружающих, и не издавала более никаких вразумительных звуков.

С трудом поставив женщину на ноги, ей помогли дойти до тамбура, до дверей. Внизу Людмилу Александровну принимали подбежавшие солдаты.

14

Авиационная атака прекратилась. Сотрудники санитарного поезда и пассажиры прицепленных вагонов все еще были рассеяны по поляне и мелкому подлеску. Без команды в вагоны подниматься никто не решался. Алексей без команды лейтенанта тоже пока бездействовал. Вскоре из поврежденного вагона показались, спустились на землю лейтенант Одареев, майор Гаврилов и трое бойцов.

Две подружки, две медсестры Татьяна Лисицина и Ирина Игнатьева, покинувшие поезд по приказу лейтенанта, находились в кругу бойцов, переживавших налет самолетов вдали от поезда, в перелеске.

– Ах, красавицы! – восклицали те, кто посмелее. – Идите к нам поближе. Мы вас надежно прикроем...

Девушки, оправившись от испуга, который они только что испытали в вагоне, ответно улыбались молодым бойцам. И даже начали кокетничать.

– Да ну вас! – расплываясь в довольной улыбке, игриво отмахивалась от самых приставучих Татьяна. Ирина тоже заметно повеселела. И вдруг...

– Ира! Ирина! – услышала Ирина восклицание рядом с собой.

Она никак не ожидала встретить тут, среди этих бойцов, каких-либо знакомых. Ирина оглянулась на голос, произносивший ее имя, и обмерла, отчаянно закричала и бросилась прочь.

– Ирка, Ирина, стой! – крикнул кинувшийся вдогонку Рябов. – Стоять, дура! Куда ты? Погоди...

Ирина бежала без оглядки к шедшим навстречу мужчинам, только что спустившимся из вагонов.

– Ой, спасите! Помогите! Он убьет меня! – кричала она на бегу. – Это убийца, бандит! Задержите его...

Она подбежала к лейтенанту Одарееву и спряталась за его спину. Рядом с ней оказались Шелепов, Карпухин, Бабаян... Да и майор Гаврилов готов был защитить свою подопечную.

– В чем дело? – потребовал ответа он громким строгим голосом у не добежавшего до них, остановившегося на полпути Рябова.

Рябов замялся, хотел было повернуть назад, но вопрос майора пригвоздил его к месту. Надо было отвечать. И Рябов заговорил:

– Да вот, встретил свою старую знакомую... Хотел было с ней переговорить, вспомнить кое-что о нашем прошлом... А она...

– Врет он. Никакая я ему не старая знакомая, – подала голос, выглядывая из-за спины Одареева, Ирина. – Он отъявленный бандит. Он убийца. Он столько убил людей...

И закричала:

– Он убил моего отца, мать, братика Олежку... Он! Он! – Ирина захлебывалась от слез и отчаяния.

– Ну чего ты плетешь! – возмутился Рябов. – Я знать не знал и не знаю ничего о твоей семье. Мы с тобой знакомы-то были всего лишь один вечер... В ресторане. И все! И все! И никого я никогда не убивал. Никого я пальцем не трогал. Поняла, дура? Скажите ей, чтобы она не сочиняла всякую ерунду на невинных людей, – обратился он ко всем присутствующим, сделав недоуменное и обиженное лицо.

– Рябов, помолчи. Скажешь, когда тебя спросят, – приказал лейтенант.

– Рябов? – удивленно воскликнула Ирина. – Р я б о в!? Да это же никакой не Рябов. Это Жаблин, кровожадный преступник, бандит, убийца...

– А вот погодите! – воскликнула она, – я вам сейчас покажу... – и кинулась к раскрытой двери административного вагона.

– Игнатьева! Ирина! Куда ты? В вагонах находиться небезопасно. Вернись, – закричал вслед майор Гаврилов. Но Ирина легко взлетела по крутым ступенькам и скрылась в потемках тамбура. В окошках мелькнула ее стройная фигура.

– Так, Рябов, – строго обратился к бойцу лейтенант Одареев, – попрошу предъявить вашу красноармейскую книжку.

– Да пожалуйста, – развязно ответил Рябов, шаря одной рукой у себя в нагрудном кармане замызганной гимнастерки. Из другой он не выпускал винтовку. Вынув книжку, он подошел и протянул ее лейтенанту.

Одареев взял в руку эту книжку и, не заглянув в нее, сунул ее себе в карман.

– Товарищ лейтенант! – с возмущением воскликнул Рябов, – Как же так? Вы не имеете права...

– Как только установим вашу личность окончательно, – терпеливо объяснил лейтенант Одареев, – непременно верну эту книжку вам. С извинениями.

– Да нужны мне... – начал возмущаться Рябов, но осекся. – Ну, как знаете. Вам виднее.

– Вот так-то лучше, – примирительно произнес Одареев.

Из вагона живо спустилась вниз Ирина, держа в руках сложенный вчетверо листок бумаги. Она торопливо подошла к лейтенанту Одарееву и протянула листок ему.

– Вот, полюбуйтесь, – сказала она. – Убедитесь, что я не вру.

Лейтенант развернул листок. Окружающие из любопытства вытянули шеи, чтобы заглянуть в него. Лейтенант перевел пристальный взгляд с листка на находящегося перед ним Рябова. А затем обернулся к стоящим рядом бойцам – Шелепову, Карпухину и Бабаяну – и сказал спокойно:

– Арестовать.

Рябов не раздумывая, бросив под ноги винтовку, кинулся прочь в сторону леса. Но далеко убежать ему не удалось. Наперерез, навстречу ему бросилось двое бойцов из группы, стоявшей вместе с Алексеем. Они, как и все прочие, хоть и издалека, но с интересом наблюдали за происходящим у вагона. Рябова остановили. Дергающегося, брыкающегося, матерно ругающегося, его, с заломленными назад руками вернули туда, откуда он бросился в побег.

– Связать и запереть в складской вагон, – распорядился Одареев.

– Да, судя по напечатанным здесь фотографиям, его фамилия Жаблин. Но и второе лицо мне знакомо. Лейтенант показал листок стоящим поблизости людям.

– Здесь подписано, что это некий Гриднев, Николай Васильевич. У нас нет такого? – спросил окружающих лейтенант.

– Да это же Кусков. Кажется, Федя, – всмотревшись во вторую фотографию, воскликнул Шелепов. – Точно он. Да, да, это они вместе вчера балаганили в углу. И этот Жаблин, и Кусков, то есть, выходит, Гриднев, и еще один... Да вон они оба, красавцы, сидят и на нас глаза пялят, – указал он рукой в сторону небольшой группы бойцов, расположившихся в мелколесье.

– И этих двух арестовать, – снова скомандовал лейтенант Одареев, – до полного выяснения обстоятельств. Их всех туда – в складской. И охрану.

Эти команды он давал уже подошедшему к ним младшему сержанту Боровых.

– Вот, сержант, полюбуйся, какое пополнение мы везем на фронт, – лейтенант поднес к глазам Алексея листовку с портретами двух опасных преступников, которых разыскивает милиция.

Когда арестовывали Кускова, то есть Гриднева, и Шкабару, они оба возмущались и отнекивались от причастности к чему-либо преступному.

– Куда? За что? Я ни в чем... Вы не имеете права, – разорялся Кусков-Гриднев.

– Да я, честное слово... Я знать ничего не знаю... Ни сном, ни духом... Не виноват я ни в чем, ни в чем... Меня-то за что? – плакался и Шкабара, когда ему вязали руки.

Всех троих их разместили в складском вагоне, где хранилось оружие и обмундирование. Приставили охрану – рядового Карташова, вооруженного автоматом ППШ.

Позднее, в купе майора Гаврилова, Ирина подробнее расскажет и майору, и лейтенанту Одарееву, и присутствовавшим там Розе Карповне и Людмиле Санне о том, что за беда случилась с ее семьей. И об участии в этой беде этого самого Жаблина и его поделщиков.

Несколько лет назад, вспоминала Ирина Игнатьева, они жили, как и многие нижнеруднинцы, в двухэтажном бараке на Первомайке. И однажды в соседнем подъезде этого барака, на первом этаже у жилички Клавки Бузихи, известной пьяницы, халды и воровки, поселился взявшийся ниоткуда этот самый Жаблин. И где-то через год, в начале лета не только в Первомайке, но и во всем городе, стало известно о разбойном нападении, совершенном неизвестными на квартиру директора промтоварного магазина №2 Елистратова. Сам Елистратов был зверски убит, а его квартира разграблена. Не более чем через месяц был ограблен и сам промтоварный магазин №2, где были убиты три человека – сторож и два подсобных рабочих. Случилось так, что сторож принял дежурство при закрытии магазина, а подсобные рабочие не спешили уйти домой. Они все втроем устроились в подсобке у сторожа, где их и застала разбойная банда. Убиты они были зверски – зарублены топором.

Вся милиция была поставлена на ноги. Убийщ искали и днем, и ночью. А папа Ирины, Геннадий Иванович Игнатьев, служил в уголовном розыске нижнеруднинской милиции в звании капитана. И по долгу службы ему досталось в то время заниматься раскрытием этих громких и беспримерных по своей жестокости преступлений.

Двое из банды налетчиков были задержаны. Это и были Жаблин и Гриднев. Третьего тогда задержать не удалось. И личность установить не удалось тоже.

Раскрытие этих тяжких преступлений пришлось на самое начало войны. Но Жаблину и Гридневу удалось тогда совершить дерзкий побег и скрыться. Их объявили во всесоюзный розыск. Были напечатаны и всюду расклеены фотографии этих преступников. Милиция их снова искала, сбившись с ног. Но, как оказалось, бандиты и не собирались прятаться далеко. Они решили жестоко отомстить за раскрытие их преступлений капитану Игнатьеву. Жаблину не составляло труда подкараулить капитана, так как в прошлом он, Жаблин, проживал с ним по соседству в одном бараке.

И вот однажды осенним вечером, когда на город спустились густые сумерки, после рабочего дня, в квартиру, где собралась вся семья Игнатьевых, за исключением Ирины, ворвались эти самые бандюганы, вооруженные, как и прежде, топором, и никого не пощадили. Зарубили отца Ирины и ее мать, а младшего братика Олежку задушили.

Ирина встретилась лицом к лицу с Жаблиным и его поделщиками сразу после убийства своих родных на пороге барака. Жаблин и его пособники торопливо выбегали из подъезда, когда Ирина с друзьями только-только возвратились из клуба после киносеанса. Они стояли у подъезда, решая, то ли им попроситься, то ли еще постоять и обсудить фильм. Ирина очень была удивлена, вдруг увидев неприятного и недружелюбного бывшего соседа. Что он здесь делает? Ведь он осужден!

И только войдя в квартиру, Ирина сразу поняла, чьих это рук дело.

Она в слезах рассказывала об этих событиях.

– А вот как Жаблин и Гриднев поменяли фамилии, где они раздобыли фальшивые документы, об этом я ничего сказать не могу, – заключила она извиняющимся тоном.

– Ну, надеюсь, что эти гады от правосудия теперь уж точно не уйдут. Постигнет их заслуженная кара, можешь, Ирина, не сомневаться, – обнадежил девушку лейтенант Одареев.

Майор Гаврилов молчал. Его огорчало, что он раньше не знал о трагедии, которую пережила его сотрудница. И он, искренне жалея ее, думал теперь, как она трудится с этим грузом на сердце. «Хотя война – она для всех война. Мы все испытываем и переживаем утраты близких... Но все же... Ну не так же... – сокрушался он. – Ах, ты, бедная девочка».

Роза Карповна и Людмила Санна прикладывали платки к глазам.

– Если б я знала, что они здесь, – говорила Ирина уже отвердевшим, жестким голосом, – я бы убила их сама. Всех. Я еще там, дома, поклялась это сделать. И сделаю. Теперь уж я их, этих гадов, живыми не оставлю...

– Да успокойся, Ирина. Не стоит и думать об этом. Они обязательно предстанут перед судом, и их настигнет справедливая кара, – убеждал девушку лейтенант Одареев. – Не стоят они того, чтобы об это дерьмо ты марала свои руки.

Но Ирина стояла на своем и решительно подтвердила свое намерение:

– Я их убью.

15

Лейтенант Одареев и младший сержант Боровых были озабочены результатами нападения немецких самолетов на их санитарный поезд. Он не трогался с места уже долго. И сколько это могло продолжаться, никому неизвестно.

– Надо срочно, что возможно – все приводить в порядок. И двигаться дальше. Стоять мы не можем. Не имеем права, – рассуждал Одареев.

Алексей ждал конкретных распоряжений. Подошедший к ним майор Гаврилов был в отчаянии:

– Что же делать-то, друзья? Что делать?

Алексей предложил:

– Надо дойти до паровоза. Узнать там, что и как. Если требуется помощь – организовать ремонтную бригаду. Наверняка и знающие, и умеющие найдутся.

– И привести в порядок вагон, обязательно, – вставил свое слово лейтенант. – Его, кстати, можно отремонтировать и на ходу.

– И Анечку, Анечку... О боже! – воскликнул майор Гаврилов. – Как? Что? Куда? – он чувствовал сейчас себя совершенно беспомощным. – Мы ведь не оставим ее здесь? Это невозможно!

– Все решим, – успокоил майора лейтенант.

– Младший сержант, в первую очередь – паровоз, – приказал он Алексею.

– Есть! – козырнул Алексей и побежал, насколько позволяла больная нога, организовывать ремонтную команду.

Для начала он решил взять с собой двоих, определить степень повреждения, если оно вообще было, ну а потом...

– Махота, Артюхов! – позвал он, – Ко мне!

Машинист с помощником чинили поврежденный тендер. Из пробитого резервуара вытекло немало воды. Они уже заканчивали заделывать пробоину, устанавливали заглушку, но требовалось тендерный бак пополнить водой. Оставшейся воды хватало лишь на двадцать-тридцать километров. Но ее не хватит, пожалуй, чтобы добраться до ближайшей большой станции, где можно нормально заправиться водой.

Алексей раздал команды Артюхову и Махоте: одному найти в поезде свободные ведра, чем больше, тем лучше; другому – найти источник воды. И указал примерное направление – туда, где в болото упал немецкий самолет. А сам направился к лейтенанту, доложить о своих действиях по восстановлению паровоза. И мобилизовать людей на подачу воды, если будет найден источник, к тендеру локомотива. К поиску ведер активно подключились Роза Карповна и майор Гаврилов. Майор будто ждал активных действий. То там, то тут слышались его распоряжения.

– Танюша, я вас прошу, – уговаривал он молоденькую медсестру, – окажите помощь Людмиле Санне. Не оставляйте ее одну. Она, видите, в каком состоянии...

А в другом месте он уже разговаривал с Розой Карповной:

– У нас этих ведер должно быть... В каждом вагоне. Надо их все сюда. И побыстрее.

– Товарищ младший сержант, выделите двух-трех бойцов, – обратился он к Алексею, – сейчас Роза Карповна организует ведра.

Махота все еще лазил по болотным кочкам в поисках воды. Почва была зыбкая, но открытой воды не попадалось. И все-таки он услышал робкое журчание ручейка. Он обнаружил его среди осоки и камышовых зарослей. «Если чуть расширить, – прикидывал он, – то можно будет черпать...».

И Махота побежал к поезду, чтобы доложить младшему сержанту о результате своих поисков. И решить вопрос с лопатой.

Алексей, после доклада Махоты решил сам с ним сходить к источнику. Прикинув на глаз, что ведра доставлять до тендера далековато, он решил переговорить с машинистом, можно ли сдать локомотив метров на сто двадцать назад.

– Значит так, рядовой Махота. Я пошел к паровозу, потолкую с машинистом, а ты командуй тут. Расширяй, углубляй и укрепляй. И возьми кого-нибудь себе в помощники. Дружками-то еще не обзавелся?

Вскоре паровоз был поставлен напротив источника. От кромки ручейка в болоте до локомотива протянулась живая цепочка из бойцов и медперсонала поезда, по которой и шли ведра с зачерпнутой в ручье водой. Первые передавались скоро и энергично. Покачиваясь, переходили из рук в руки по цепочке и достигали паровозной лестницы, возле которой их принимал кочегар Григорий. Он поднимал каждое полученное ведро вверх, в будку, где его уже подхватывал машинист и относил в тендер для передачи своему помощнику. А тот, в свою очередь, опорожнял каждое ведро в горловину бака. Монотонную работу нарушил приблизившийся сзади военный эшелон. Он встал, шумно прогремев сцеплениями. Его платформы занимали танки и артиллерийские орудия. Двери теплушек были широко раздвинуты, и из них слышались приветливые, бодрые голоса едущих на фронт солдат.

– Привет, славяне! – доносилось из вагонов. – Девушкам мы хоть сейчас готовы помочь. Как, девушки, помощь нужна?

Из головного вагончика спрыгнул капитан и поспешил к руководству санитарного поезда. Майор Гаврилов и лейтенант Одареев стояли у тендера.

– Здравия желаю. Капитан Нестеренко, – козырнув, отрекомендовался подошедший. – Проблемы? – спросил он. – Надолго?

– Лейтенант Одареев, – в ответ отрекомендовался лейтенант.

– Майор Гаврилов, начальник поезда, – вслед за лейтенантом представился майор. Пожали друг другу руки.

– Самолеты, зараза! – ответил капитану лейтенант. – Бак пробили. Вот мужики починили, кивнул он на машиниста и кочегара. Ну, а мы пополняем водные запасы. Благо, какая-то лужа нашлась.

– А это ваша работа? – кивнул капитан на еще дымящиеся останки самолета.

– Ребята долбанули, – с нескрываемой гордостью ответил лейтенант. – Их тут пара резвилась. Ну, одного приголубили.

– Молодцы, гляди! – похвалил капитан. – Надо же! А из какого оружия?

– Кроме винтарей да нескольких автоматов, у нас ничего нет, – признался лейтенант.

– Ну, снайперы! У меня нет слов, – одобрительно воскликнул капитан. Можем ведь!

И тут же спохватился:

– Может, действительно помощь нужна? А то у меня орлы... Им бы вместо разминки...

– Да у нас свои все при месте, притерлись уже к работе... – вежливо отказался лейтенант.

– Ну как знаете. Было бы, как говорится, предложено, – по-доброму смеясь, ответил капитан. – Если что, не стесняйтесь...

– Ну, честь имею. Приятно было познакомиться, – попрощался капитан. Бодро развернулся и легким бегом направился к своему эшелону.

А в последней теплушке – складском вагончике санитарного поезда, куда поместили связанных по рукам Рябова-Жаблина, Кускова-Гриднева и Шкабару под охраной рядового Карташова, исподволь, понемногу развивались драматические события.

Жаблин прекрасно сознавал, что если он не сумеет сейчас «сделать ноги», то впереди ему уже теперь ничего хорошего не светит. Пустят в расход как дважды два. И потому он прикидывал варианты, как ему это сделать половчее, понадежнее и побыстрее.

Карташов сидел в противоположном углу, положив на колени автомат. «Вот служба досталась, – думал он, – то немца стереги... И не устерег ведь. Из-за него сейчас тут кантуюсь. И теперь своих охранять довелось». Он беззлобно смотрел на трех в чем-то провинившихся вояк.

Жаблин прикинул, что шансы слинять отсюда у него невероятно велики. Во-первых, он не один. У него есть помощники. Правда, Шкабара в их компании с Гридневым пока случайный человек, но он, Жаблин, будет не он, если не сделает Шкабару своим. Во-вторых, у него есть оружие – нож. Эти олухи не удосужились его обшмонать. Но это их беда. А нож у него всегда при себе. Он тут, за голенищем сапога. И в-третьих... А в-третьих – ловкости и хитрости ему не занимать. Короче, все будет на мази.

– Вот б..., ногу свело, – воскликнул Жаблин. – Загнешься тут нахер. Обезножишь. И кому я потом безногий нужен буду. Он зашевелился, запротягивал правую ногу. Потом сделал попытку встать. И ему это удалось. Походил от стенки к стенке, потряс правой ногой, присел раза два.

– Фу, кажись отходит. А я так труханул, – и Жаблин, приседая, стал моститься поплотнее к Гридневу.

Устроившись подле него, шепнул:

– У меня за голенищем... Сделай тихо и незаметно. Разрежь сначала мне...

– Понял, – ответил также тихо Гридnev. И развернувшись, чтобы его руки оказались возле сапог Жаблина, начал действовать. Нож очень скоро оказался у него в руках.

Потом минут десять они сидели спиной к спине. Гридnev осторожно двигал ножом по ремню, крепко опоясавшему руки Жаблина, пока, наконец, не прошептал:

– Все.

Жаблин взял из рук Гриднева нож. «Ну, осталось дело за малым», – произнес он про себя.

– Ну, вот и все, малец, свободен от службы. Навсегда, – вынимая нож из тела Карташова, удовлетворенно произнес Жаблин. И нож, и руки, обагрённые кровью, он неожиданно для Шкабары, резкими движениями, вытер об его одежду.

– Ты че? – уставил Шкабара недоуменные глаза на Жаблина. А потом, переведя взгляд на свою окровавленную одежду, продолжил обиженным тоном, – нашел себе тряпку.

– Да ты тряпка и есть, – огрызнулся Жаблин. – Ну че ты заскулил? Захотел здесь остаться, с этим вот? – указал взглядом на лежащего охранника. – Шас устрою.

– А это, – опять же взглядом указал Жаблин на кровавые разводы на одежде Шкабары, – чтобы ты не свинтил от нас и нас не продал. Да не ссы кругами, Виталя, все путем. Как только, так и отмоемся. А пока – вперед. Мотать отсюда надо пока не поздно.

16

Машинист вышел на край площадки паровоза и, сложив руки крестом, дал знак – мол, заканчиваем работу. А стоящим под ним лейтенанту и Алексею еще и крикнул:

– Все, пока хватит. Заканчиваем. Ехать пора.

Алексей, в свою очередь, ободренный лейтенантом, прокричал на всю цепь:

– Достаточно! Всем по вагонам! Ведра с собой!

Посадка заканчивалась, паровоз раздувал пышные пары.

Никто в общем оживлении и посадочной суете и не заметил, как из последнего складского вагона-теплушки соскользнули вниз и подались в сторону три человека. И только через минуту-другую раздался крик:

– Смотрите, смотрите, а арестованные-то убегают!

И пока лейтенант Одареев и Алексей обратили внимание на этот крик, увидели скоро удаляющиеся фигуры и поняли, кто это может быть, Жаблин, Гриднев и Шкабара были уж далековато от санитарного поезда.

Захлопали им вслед редкие одиночные запоздалые выстрелы догадливых и скорых на принятие решений бойцов, но стреляли уже наугад. Беглецам удалось-таки скрыться в лесу.

– Вот черт, – выругался в сердцах Одареев. – убежали ведь. А охранник-то что же, спит что ли?

И лейтенант, и Алексей скорым шагом, насколько было возможно Алексею, направились к последнему вагону. От воинского эшелона туда же, им навстречу, спешил капитан Нестеренко. Они встретились у вагона-теплушки.

– Та-а-ак! – протянул Одареев, заглянув в глубину вагона. – Вот оно что.

Осмотрев тело лежавшего без признаков жизни Карташова, он огорченно произнес:

– Вот мерзавцы. Убили парня. Значит, у них был еще один нож. Вот ведь... И мы их даже не обыскали перед тем, как сюда отправить. А теперь у них еще и автомат. Эти подонки натворят еще немало бед, – печально заключил Одареев.

Алексея поразило, что убитым оказался не кто иной, как его старый знакомый, совершенно беззлобный, доброй души паренек. Но своих чувств он никому показывать не стал. Только в душе он то ли поклялся, то ли выругался в адрес убийц: «Ну, погодите, сволочи. Придет время – я вас достану».

– Дезертиры, убийцы, бандиты, – дал короткое объяснение капитану Нестеренко выбирающийся из вагона лейтенант. – А ведь я знал, что они матерые преступники, но понадеялся... Эх!

«И перед девушкой теперь олухом выгляжу, – с неприятным осадком в душе подумал Одареев. – Обнадежил человека – не уйдут от справедливого наказания... А вот и ушли. И по моей вине».

Лейтенант повернулся к Алексею и предложил:

– Надо бы парня здесь похоронить. Выбрать подходящее место.

– Кстати, товарищ лейтенант, – напомнил Алексей, – у нас же еще девушка убитая.

– Верно ведь, – согласился лейтенант. – Надо с майором согласовать этот вопрос и похоронить обоих.

– Понял, товарищ лейтенант, – козырнул Алексей. – Сейчас организую.

Скоро церемония похорон бойца Николая Карташова и медсестры Ани Ивановой была завершена. Ирина Игнатьева, постояв над могилами погибших, покинула их с тяжелыми мыслями. По поводу их гибели она глубоко скорбела. И в то же время, все более утверждалась в мысли, что кровавых преступников необходимо как можно скорее уничтожить. И это ей надо сделать, не полагаясь ни на кого, чтобы точно видеть и твердо знать, что их больше нет на этой

земле и они больше никому не принесут смертельного вреда. В этом она здесь поклялась себе самой.

17

Лейтенант Одареев заскочил в вагон, когда поезд только-только тронулся. Алексей, выждав, пока лейтенант освоится, разместится, да и просто расслабится, доложил, что четверых бойцов он направил к майору Гаврилову.

– Вагон горелый починить насколько возможно. Ну и просто... мужские руки там лишними не будут, – закончил доклад Алексей.

– Молодец, младший сержант, – похвалил его лейтенант. – Все сделал правильно.

Поезд катился как прежде, ровно постукивая колесами на стыках. Вагон слегка покачивало, что-то где-то поскрипывало, постукивало... И эти шумы ничуть не раздражали. А напротив, создавали некоторый уют, такую атмосферу, от которой у пассажиров воцаряются покой и умиротворение.

День прошел незаметно в заботах и хлопотах. Утомленное за день солнце, очертив свой круг по небосводу, неуклонно опускалось к горизонту. Трепетный ветерок, проникающий в створ дверей и в щели вагона, взамен дневного зноя приносил мягкую вечернюю прохладу. Поезд шел вперед. Поезд приближался к фронту.

Старый локомотив
раздувает седые усищи.
Через разъезды,
станции и полустанки,
прилагая последние силищи,
напрягаясь еще и еще,
катит, тянет на фронт
снаряды, орудия, танки...
Стучат колеса,
одолевая за верстой версту.
И уже кажется, что невольно.
Но поезд идет и идет,
идет и идет,
идет и идет...
Тук-тук-тук,
тук-тук-тук...
Ту-ту-у-у-у-у...

Огрызком химического карандаша записал в своей уже изрядно потрепанной тетрадке Алексей.

В санитарной части поезда, в пассажирских вагонах, приспособленных для перевозки раненых, медперсонал был обременен своими заботами. Здесь покоя и умиротворения не было.

Майор Гаврилов с Людмилой Санной сидели в купе и обсуждали детали и подробности минувшего дня.

– А я за вас так переживал, – слегка хмельным голосом признавался старшей операционной сестре майор. – Жалко Анечку... Ух, как жалко! И солдатика того, которого похоронили... Такого молодого... Давайте помянем их. Еще раз, Людмила Санна. Я вас прошу.

Майор наполнил мензурку Людмилы Александровны разведенным спиртом.

– Царство им небесное. И наша любовь. И наша им вечная память.... Пьем, Людмила Санна, не чокаясь...

Людмила Александровна и слушала майора Гаврилова, и не слышала. Она хоть и сидела рядом с ним, но мысли ее были далеко.

– Господи, да как же я матери-то ее... – и Людмила Александровна заливалась слезами. Вытирала глаза и нос платком, шумно сморкалась.

– А давай помянем нашего светлого человечка... Ведь так-к-кая молодая! Так-к-кая она у нас была... И паренек... молодюстенкиий. Ведь такая бы пара оказалась! Ведь могла бы быть пара, Людмила Санна?

И майор Гаврилов, находя уважительный повод и подходящий предлог, не мог себе отказать в удовольствии принять лишнюю рюмку.

В третьем с головы поезда вагоне, что поврежден был при немецком налете, бойцы, которых направил сюда Алексей, выполняли поручения и просьбы начальства и сотрудников санитарного поезда.

– Надо решить главную задачу, – преградить доступ встречного ветра и дыма от паровоза в окна. А как? – рассуждал Махота. – Да хоть одеялами, хоть матрасами надо затыкать. Лишь бы не дуло. Ничего другого я больше здесь не вижу.

– Дак и их как-то крепить надо. Просто так-то не воткнешь. Сдует, сорвет все к едрене фене, – подключился другой боец.

Ветер беспрепятственно гулял по вагону, залетал в разбитые окна. Трепетали занавески, задирались края заправленных постелей, в дальний угол ветром унесло полотенце, которое скрутилось, как котенок, в комок и лежало себе тихо.

– Эх, ну хоть реечек пару, гвоздиков бы горсточку, – размечтался третий боец.

– Ну че разнылись. Поезд большой. Надо сходить и пошукать. Реечек, значит, реечек. Будут реечки. Гвоздиков – будут гвоздики. Чего ныть – то, – высказался четвертый.

– Ну так и иди, пошукай, – предложил кто-то.

– Ну так и пойду, – согласился четвертый.

– Так чего же ты стоишь? Иди, шукай.

– И пошел.

И четвертый боец, поправив гимнастерку, направился к выходу.

Он вернулся минут через двадцать. В одной руке он держал деревянный ящик, какие бывают у мастеровых людей – столяров, плотников, можжет, слесарей-сантехников... Здесь сложены самые разные инструменты: молотки, плоскогубцы, стамески, отвертки, складные метры, мотки изоляционных лент... Да черт-те что, но важное и необходимое для любого ремонта, на любой случай жизни. А в другой руке – редкий пучок каких-то палок.

– Вот, – с трудом поднял он ящик на высоту груди, – инструменты есть. Нашел! И рейки... Вот они.

– Ну, ты молоток! – с одобрением воскликнул Махота. – Вот это дело.

Работа по закрытию окон благополучно продолжилась. Окна были надежно завешены старыми простынями и одеялами. Обгорелые лавки – отскоблены и вычищены мужскими руками.

А за завешенными окнами незаметно опустилась ночь. Редко где из-за набежавших к вечеру туч пробивался свет звезд. Поезд шел через чернильную темноту этой ночи, освещая прожектором бегущие вперед рельсы. И эти рельсы безошибочно указывали направление. Они вели поезд к Русьве.

За окнами поезда по раздольному пространству гулял ветер. Он был то попутным, облегчающим движение путников, шествующих по путям-дорогам войны, то встречным, дующим в лицо, залепляющим глаза дождем и пылью, проникающим за шиворот гимнастерок и шинелей, чинящим препятствия и неудобства. Ветрам было широко, свободно и раздольно на российских просторах.

Ветры военного времени... Сколько они поднимали, подхватывали и увлекали с собой человеческих судеб. Они дули без конца и без края. Они дули, не зная покоя. Они несли с собой запахи пороха, гари, беды. Они не способны были истребить запахи скорби, печали и отчаяния. Это были ветры суровой, беспощадной, нескончаемой войны.

18

Паровоз, пыхтя и отдуваясь, тащил санитарный состав в тупик. Он, несмотря на передряги, все-таки прибыл в Русьву. Этот населенный пункт, возможно, и не отмечен на больших серьезных картах нашей великой страны. Его многочисленные, главным образом – низкорослые, чаще – деревянные домишки пораскинулись с обеих сторон разветвленной сети железнодорожных путей.

В Русьве есть все для обеспечения паровозов и паровозных бригад самым необходимым для дальнейшего следования. Над рабочим железнодорожным поселком возвышается, притулясь к самому краешку путей, каменное сооружение – водонапорная башня, из которой наполняются водой до отказа баки паровозных тендеров. Подле деревянного одноэтажного вокзальчика протянулось неровное пространство, испещренное колеями телег и машин, – привокзальная площадь, где среди торговых точек притулилась дешевая гостиница, коей нередко пользуются прибывающие и задерживающиеся на некоторое время в Русьве железнодорожники, редкие командированные специалисты и просто гости Русьвы.

Кроме прочего, в отдалении от привокзальных достопримечательностей располагается паровозное депо, где ремонтируются поизносившиеся паровозы. И это все – богатое железнодорожное хозяйство Русьвы, не считая штабелей старых и новых просмоленных шпал, штабелей рельс, различных ящиков с костылями и накладками, тормозными колодками, многочисленных и величественных куч щебня различных фракций.

На путях несколько паровозов, возглавляющих воинские эшелоны, шумными гудками приветствовали подошедший санитарный поезд. Один стоял под разгрузкой, а порожний раздувал пары, чтобы следовать в тыл.

Отчетливо слышны были шумы боевых действий в пяти-шести километрах отсюда. Дыхание войны, ее бедственное прикосновение в Русьве чувствовалось повсюду. Военные эшелоны, груженные танками и орудиями, или проходящие мимо, или разгружаемые непосредственно в Русьве, создавали далеко не мирную картину бытия. В разных концах Русьвы размещены зенитные установки, охраняющие от налетов немецких самолетов. Не смолкающий отдаленный глухой рокот боевых действий сотрясает не только воздух, но понуждает вздрагивать и землю.

Паровоз санитарного поезда, оставив свой состав в тупике, подался, радостно гудя и раздувая во все стороны пары, освободившись, наконец-то, от длинного, тяжелого хвоста, на заправку водой, углем, на осмотр технической и ходовой частей.

Сошел с поезда лишь майор Гаврилов. Остальной медперсонал готовил вагоны к приему раненых, которых скоро начнут доставлять ближайšie медсанбаты, лазареты, и полевые госпитали. Майор нес в руках вещмешок и коленкоровую папку. Он направился в комендатуру доложить о прибытии и, возможно, получить данные о количестве раненых, которых он готовился принять. Где что находится, майор хорошо знал. Он в Русьве бывал не раз. Проходя вдоль состава он не мог не заметить оживления у вагонов-теплушек, в которых ехали штрафники. Они со сдержанной радостью покидали надоевшие вагоны.

Лейтенант Одареев, энергично направился навстречу:

– Здравия желаю, товарищ майор! Мне кажется, вы тут не впервой. Где здесь армейское начальство дислоцируется, случайно не знаете?

– Да, доводилось тут бывать, как же... – ответил майор. И показал рукой: – Нам с вами надо идти к Железке. Это во-о-он то здание полуторазэтажное. Там должна располагаться военная комендатура.

– Ну тогда и мы всей толпой с вами, если не возражаете.

И лейтенант, не дожидаясь согласия майора, закричал в сторону вагонов-теплушек:

– Сержант, строй команду и айда за нами!

Железка, как пояснил майор лейтенанту, передав ему коленкоровую папку, – это здание двух бывших магазинов продовольственных и промышленных товаров. В нем имелось два входа, два невысоких крылечка. Крылечко справа вело в помещение бывшего продовольственного магазина, где ныне размещалась местная военная комендатура.

Лейтенант последовал внутрь, обронив сержанту:

– Пока побудь здесь со взводом. Я выясню, что к чему.

Алексей стоял перед подчиненными со всей военной выправкой и при военном снаряжении: через плечо – скатка, за плечами – вещмешок, за спину закинута винтовка. Пока лейтенант Одареев отсутствовал, Алексей выяснил, где находится дивизионный особый отдел. Оказалось – недалеко. Соседнее крыльцо.

Майор Гаврилов и лейтенант Одареев вышли вместе.

– Так что будем ждать... И вы, и мы, – с улыбкой произнес майор, протягивая руку лейтенанту. – Всего вам самого доброго.

И, пожав руку Алексею, сказал:

– Даст бог, свидимся. Всегда буду рад встрече с вами.

Попрощавшись с майором, Алексей сообщил лейтенанту:

– Ну, а мне, похоже, сюда, – указал он на левое крыльцо.

В кабинете, куда его впустили после проверки всех документов, сидел за столом сухопарый подполковник. Даже по сидящему видно было, что это высокий человек. У него было худое, костистое лицо с хрящеватым, с горбинкой, носом и тусклыми, глубоко посаженными глазами. «На кого он может быть похож? – подумал Алексей. – Да на Кощея Бессмертного!».

– Значитца, сержант Боровых? Алексей Федорович? – проскрипел подполковник, глядя в документы.

– Младший, – уточнил Алексей.

– Прибыли из Нижнеруднинска? – как бы не слыша поправки Алексея, продолжал подполковник.

– Та-а-к! – поднял подполковник глаза на Алексея. – Да вы садитесь, сержант, садитесь. Что ж вы стоите? После ранения, видать? Значитца, раскрутили немца на разговор, выбили, значитца, признание у поганца. Молодца! – продолжал между тем подполковник, пристально рассматривая Алексея тусклыми глазами. – С немецким, значитца, у вас в порядке? Эт-т-то хорошо. Оч-ч-чень хоро-ш-о-о... – протянул подполковник. – Про-сто замеч-а-а-ательно.

Подполковник посмотрел на наручные часы. Удовлетворенно хмыкнув, произнес:

– А знаете, сержант, у нас есть один занятный экземпляр, который я бы вам хотел показать...

Алексей, вскинув брови:

– Очень любопытно...

– Ну, что ж. Вперед, – скомандовал подполковник и встал из-за стола. – Только вот амуницию свою вы оставили бы пока здесь, сержант. Надеюсь, мы сюда еще вернемся.

– Есть оставить вещи здесь, – ответил Алексей.

Он шел за подполковником следом. Они вышли из кабинета, вышли на улицу, обогнули здание и оказались перед задним его фасадом.

Под навесом, крашенным когда-то суриком, вниз уходила лестница с исхоженными деревянными ступенями. Она была и некрутой, и недлинной. Вела, по всей видимости, в полуподвал. Перед решеткой, сваренной из арматурных прутьев и являющейся опорой для навеса, сидел на каменном валуне пожилой мужчина в гражданском. В руке он держал уже потухшую сигарку. Глаза его были прикрыты. Казалось, мужчина дремал или же даже спал. Но, услышав приближающиеся шаги, он открыл глаза, узнал хорошо знакомого ему человека и попытался встать.

Подполковник тут же пресек его попытку:

– Да сидите вы, Емельян Макарыч. Ну что, без изменений?

– Все по-прежнему, Георгий Семеныч, – ответил с огорчением в голосе мужчина, тяжело поднявшись на ноги.

– М-да, – неопределенно протянул подполковник. – Ну что я могу вам сказать, чем вас утешить, Емельян Макарыч? Да ничего утешительного сказать не могу, кроме разве одного, – езжали бы вы, Емельян Макарыч, с богом домой.

– Ну как это? – удивленно возразил мужчина. – А сын? Оставить его вот так, как есть, и укатить домой, не обнявшись, не поговорив... Ну как это, Георгий Семеныч?

Мужчина развел руками, отчего потухшая сигарка выпала и легла ему под ноги:

– Вот уеду, а он седни, а может быть, и к завтраму возьмет да и оклемается. Хватится, а меня нет. Вот дак отец, скажет... Ну как это – уехать?!

Подполковник стоял перед мужчиной и молча, не нарушая его печальных излияний, слушал. Алексею было неловко встревать в чужие дела.

– И другое дело, – вынув из кармана накинутаю на плечи кацавейки серую, помятую тряпицу и утерев ею нос, продолжил мужчина, – а вот вы же, Георгий Семеныч, или другая какая военная инстанция – хватъ, да и признаете его врагом нашего народа. А ведь он не враг! Не враг он! Ну не может нормальный человек запомнить, не помнить ничего о своей жисти. Никак не может! Забыть отца родного, мать, дом...

– Да успокойтесь вы, Емельян Макарович, – мягко произнес подполковник. – Об этом пока вопрос и не стоит...

– Вот именно, пока... – подхватил мужчина. – А завтраго встанет. И заступиться за него, словечко замолвить за сыночку мово и некому будет. А вся-то вина его, как я понимаю, в том... – Емельян Макарович уже не сдерживал и не прятал бежавших по щекам слез, – что немцы, будь оне трижды прокляты, наизмывались над сыном моем, что-то натворили над его головой...

Он уткнул лицо свое в платок и начал медленно оседать на валун.

– Ничего, ничего, Емельян Макарыч, разберемся. Успокойся. Во всем разберемся. Подполковник дружески коснулся плеча мужчины и молча кивнул Алексею: мол, пошли.

Они спустились по лестнице вниз. Подполковник толкнул дверь. Внутри, рядом с дверью, за решетчатой перегородкой, находился дежурный. При появлении подполковника он вытянулся и начал доклад:

– Сержант Го...

Подполковник махнул рукой: мол, достаточно. И обратился к дежурному:

– Нам бы на русского немца поглядеть...

– Есть, товарищ подполковник, – засуетился тот, забрякал ключами у двери напротив.

Подполковник посторонился, пропуская Алексея. Помещение было сумрачным, едва освещалось одним подслеповатым, маленьким, грязным окошком. Глаза Алексея скоро попрыгали к полумраку, и он разглядел под низкими кирпичными сводами у стены справа мужскую фигуру в немецкой полевой форме. Судя по погонам, это был рядовой. Мужчина сидел на чем-то низком и неудобном.

– Вот такой кадр, – представил пленного немца подполковник. – По-нашему, то есть по-русски, ни бе, ни ме. Да и по-немецки, похоже, не лишку. Вот такой странный тип.

Вид пленного был отталкивающе неприятен. Лицо заросло непонятного цвета (так показалось в полумраке) густой и длинной щетиной. И лицо, и руки, и одежда были грязными, давно не знавшими воды и мыла. Кроме того, как сумел заметить Алексей, одно запястье немца было охвачено толстым металлическим кольцом, к которому одним концом крепилась цепь, а другой ее конец уходил в темный угол за немца и, видимо, был надежно прикован. «За что это ему такое средневековое наказание?» – подумалось Алексею.

– Дикарь, – как бы отвечая ему, произнес подполковник. – Кидается на всех, рычит... Готов просто порвать, задушить каждого.

– Я не ослышался? – произнес Алексей. – Вы, кажется, назвали его русским немцем...

– Совершенно верно, – подтвердил подполковник. – Он и есть. Когда его взяли в плен наши разведчики и приволокли в свои траншеи, его разглядел один наш боец и признал в нем своего земляка. «Да это же Ванька Сухоруков! – забожился боец. – Вот вам крест, точно он». Но Ванька земляка чуть не растерзал. Для установления истины мы доставили сюда из деревни его отца – Емельяна Макарыча Сухорукова. Того самого, с которым только что разговор вели.

Подполковник чуть помолчав, продолжил:

– Да, это была картинка! Представляете – отец сына признал, а сын на отца смотрел, как...

Подполковник не смог найти сравнение и повторил:

– Да уж, это была картинка.

– Может, вы с ним покалякаете по-ихнему, – вдруг предложил Алексею подполковник. – Наши как-то пытались – ни хрена, ничего, то есть, не вышло.

Алексей направился было к немцу, но подполковник его осадил:

– А вот приближаться к нему не советую. Дикарь. Натворит еще чего.

– *Wie heissen Sie? Wie ist ihre Name?*³¹ – начал Алексей.

У немца зло сверкнули глаза. Руки начали сжиматься в кулаки.

– *Verstehen Sie mich? Ist Ihnen klar, was ich frage?*³² – продолжал допытываться Алексей.

Немец сидел недвижно на грязном топчане, закинутым какой-то дерюгой, и только зло стрелял глазами.

– *Aufstehen!*³³ – вдруг резко скомандовал Алексей. Немец быстро и образцово исполнил команду Алексея. Он соскочил с топчана и вытянул руки по швам.

– *Li-i-inks!*³⁴ – нащупав нить для общения с немцем, командовал Алексей. Немец без труда выполнил и эту команду.

– *Re-e-echts!*³⁵ – вернул немца в исходное положение Алексей. – *Wie heisst du?*

– *Ivan Dumm*³⁶, – отчеканил немец. Но на другие вопросы отвечать не хотел. Или не знал на них ответов. Только зло вращал глазами и ниже склонял свою голову, отчего Алексею казалось, что немец готовится к прыжку, чтобы забодать его несуществующими рогами.

– *Setze sich!*³⁷ – приказал немцу Алексей. Тот тяжело опустился на топчан.

– Ладно, хватит с него, – заключил подполковник. – Пойдемте-ка наверх.

Алексей вновь следовал за подполковником. Огибая здание, он опять увидел свой взвод с лейтенантом Одареевым. Они, встретившись глазами друг с другом, обменялись улыбками.

– Ну, вот такое кино, – подвел итог подвальному приключению подполковник. – Как оно вам?

– Это было бы крайне удивительно, – начал отвечать Алексей, – если бы я не услышал в свое время признаний Вилли Кауфманна, там, в госпитале, что некто занимается подобными экспериментами. И довольно, оказывается, успешно.

– Вот и я подумал о том же, вспомнив содержание докладной, присланной начальником вашего отдела НКВД. Она, как я понял, составлена с ваших слов, сержант Боровых.

– Так уж получилось.

---

³¹ Как вас зовут? Ваше имя?

³² Вы меня понимаете? Вам ясно, о чем я спрашиваю?

³³ Встать!

³⁴ Налево!

³⁵ Направо!

³⁶ Иван Тупой.

³⁷ Сесть!

– Чего ж тут скажешь – получилось неплохо. Поскольку вы в курсе событий, могу поделиться с вами некоторыми соображениями на этот счет. После всего прочитанного, услышанного и увиденного, сами понимаете, мы не имеем права оставить это дело на самотек. И мы решили с нескольких сторон подойти к решению проблемы по захвату и ликвидации этой странной лаборатории. Но нам требуется не только ее ликвидировать, желательно еще и заполучить имеющуюся там документацию. И что очень важно, нельзя допустить, чтобы хотя бы часть этой документации попала в руки других заинтересованных в ней людей. Хотя я помню, – подполковник положил руку на стол и постучал пальцами по столешнице, – что всю важную информацию этот Вернер, – я, надеюсь, правильно назвал фамилию этого немецкого деятеля? – увозит отсюда в Германию. Наша задача – получить все, что только можно из этого осинового гнезда, в том числе и самого Вернера. Ну, а поскольку вы, как я понимаю, разведчик... Да еще и владеете немецким языком... Стало быть, в этом деле вам отводится особая роль.

– Я готов выполнить любое... – встав по стойке «смирно», начал рапортовать Алексей.

– Да ладно вам. Сядьте, – урезонил сержанта подполковник. – Нужно как следует поговорить о деле. И подготовиться к нему.

– Между прочим, – уже другим тоном продолжил Алексей, – у меня есть поручение от капитана Грачика. Я, к сожалению, точно не знаю его должности, но он руководит одним из отделов НКВД в Нижнеруднинске.

– Поручение? – вопросительно посмотрел на Алексея подполковник. – И какое же?

– А вот... – Алексей подал подполковнику портфель, закрытый на две накладные застежки.

– Что же это может быть? – с легкой иронией в голосе произнес подполковник, осматривая портфель. – Солидная вещь. Интересно, интересно...

Застежки раскрылись легко, и подполковник заглянул в портфель. Затем перевернул его над столом, и из его недр выпали небольшая папка и несколько отдельных листов бумаги. Сначала Георгий Семенович взял в руки листы. Прочел один, затем другой.

– Вот, значитца, что это такое, – произнес он. – Из сопроводительной записки капитана Грачика следует, что содержимое портфеля – это не что иное как документы Вилли Кауфманна. Но документы мало чего содержащие, по его мнению. Ну что ж, посмотрим, посмотрим... – и он, не откладывая дело на потом, развязал тесемки папки.

– Да тут, я смотрю, немалый архив, – сдержанно воскликнул Георгий Семенович.

В папке оказались конверты с письмами, фотографии и какие-то бумаги с печатями и штампами. Взял одну фотографию, подполковник посмотрел на нее внимательно, перевернул, осмотрел обратную сторону, развернул лист бумаги, вынутый из конверта.

– Все не по-нашему писано, – огорчился Смоляков. – Так, так, так... Ну что же, значитца, вывод напрашивается, товарищ младший сержант, один – работать с этими документами необходимо. И эта забота поручается вам. Поначалу, значитца, переводы всех этих текстов. А там...

В этот момент раздался телефонный звонок.

– Подполковник Смоляков у телефона, – доложил хозяин кабинета, взяв в руку трубку. Внимательно выслушал телефонное сообщение. Ответил:

– Есть. Буду к назначенному времени.

И положил трубку на рычаг.

– Вот, – развел он руками, – как всегда. На самом интересном месте... Значитца, придется, товарищ младший сержант, наш разговор продолжить в другое время. Вызывают меня, понимаешь.

Георгий Семенович нажал на кнопку с внутренней стороны столешницы. На пороге кабинета появился дежурный.

– Майора Красина ко мне, – приказал Георгий Семенович.

Через пару минут на пороге появился майор.

– Вот что, Николай Федорович, – обратился к нему Георгий Семенович, – как говорится, не в службу, а в дружбу. Сейчас нас с комендантом вызывают в штаб дивизии, а как надолго – неизвестно. Но я планировал и обещал быть в шестнадцать тридцать, через час, у комполка Лазарева. У него там какой-то лихой лейтенантик на майора Зверева бумагу накатал о превышении тем якобы служебных полномочий. Надо быть вникнуть в это дело. Так вот, Николай Федорович, я прошу тебя через часок быть у Лазарева и разобраться, что там произошло. А я ему об этом сейчас же и позвоню.

– Есть, – ответил майор Красин. Но уходить явно не спешил.

– У вас что-то есть ко мне? – заметив заминку, спросил его Георгий Семенович.

– Звонили из комендатуры, сообщили, что прибыло пополнение из Нижнеруднинска. Штрафники. Более тридцати человек. Я их направил в полк Зарубина. Оттуда должен приехать за ними оперуполномоченный особого отдела старший лейтенант Страськов.

– Хорошо, Николай Федорович. Хорошо. Будем считать, что нашего полку прибыло. У вас все ко мне?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Вы можете быть свободны, Николай Федорович.

– Есть, – ответил майор.

Когда за ним затворилась дверь, подполковник Смоляков заговорил с Алексеем.

– Так что, значитца, младший сержант Боровых, вы в моей команде. Завтра утром встречаемся здесь же для завершения дел с этими вот бумагами, – он указал на вынутые из конверта документы. – И для окончательного решения вашего вопроса с местом службы, постановки на довольствие и выполнения первоочередных поручений. А пока вот...

И подполковник подвинул к себе листочек бумажки, что-то черкнул на нем и подал Алексею со словами:

– Это местечко для вас, чтобы день прожить да ночь скоротать. Там, кстати, вас и покормят. Тут недалеко. На той стороне привокзальной площади. Найдете, не маленький. Вы свободны, сержант.

– Есть, – ответил Алексей встав со стула.

Когда он вышел на свежий воздух, взвод был выстроен недалеко от Железки. Перед шеренгами стояли лейтенант Одареев с незнакомым офицером. Тут же и мотоцикл с коляской, у руля которого устроился старшина, дымящий папиросу.

19

У штрафников шла поверка. Старший лейтенант Страськов стоял перед взводом, расставив ноги и покачиваясь с пяток на носки. Руки он держал за спиной, между пальцами был зажат длинный тонкий прутик. Он то и дело вертел им и похлапывал себя сзади по ногам. Фуражка была низко надвинута на лоб капитана, скрывая глаза. А он из-под округлого козырька видел всех и все.

– Нахимчук... Я! Овсепьян... Я! Румянцев... Я! Ухарский... Я! Шелепов... Я! Яковлев... Я! – заканчивал переключку лейтенант Одареев.

Оперуполномоченный особого отдела Страськов до поры равнодушно оглядывал стоящий перед ним рядовой состав и вполуха слушал фамилии штрафников. Пока вдруг... Пока вдруг глаза его не наткнулись на тяжелый взгляд знакомых глаз. Старшего лейтенанта от неожиданности обожгло. У него аж перехватило дыхание. Но скоро он справился, унял волнение. «Вот ведь черт... – упрекнул он себя. – Надо же как... И чего это я?».

А тяжелый взгляд... А знакомые глаза... Это был Шелепов Вадим. С этим Шелеповым Вадимом у него, Страськова, образовались свои счеты. Придя в себя, Страськов даже внутренне возликовал: «Эге, дружок, так ты, я смотрю, в рядовые подался. Так-то, товарищ полковник. Жизнь, она штука хоть и непредсказуемая, но справедливая. Так что пришло времечко. Повстречаемся. И еще поквитаемся».

И он старался больше не смотреть в сторону Шелепова.

– Товарищ оперуполномоченный, – доложил лейтенант, – поверка личного состава завершена. По списку на построении должно было присутствовать тридцать шесть человек. Присутствует тридцать два. Трое совершили побег. Один погиб. Из оставшихся двадцать один назначены в штрафную роту, и одиннадцать человек назначены в штрафбат. Об отсутствующих вам передается докладная. Рапорт сдал лейтенант Одареев.

– Рапорт принят, – махнул возле козырька фуражки Страськов. – Хорошо, лейтенант, вы свои обязанности по доставке пополнения выполнили полностью. Сопроводительные документы я у вас забираю. А с дезертирами будем разбираться. Можете быть свободны.

Лейтенант передал оперуполномоченному Страськову коленкорovou папку. Офицеры пожали друг другу руки. Приняв пакет с документами, старший лейтенант Страськов обратился к старшине, восседавшему на сидении мотоцикла:

– Старшина Кобзев...

Тот соскочил с мотоцикла и встал перед старшем.

– ...примите под свою команду взвод и приведите его в Травниково, к нашему отделу.

– Эсты приняты и прывесты, – ответил старшина.

А старлей, сев на мотоцикл, подался прочь отсюда, прибавляя газу и поднимая густые клубы пыли.

20

– Ну что, поздравим друг друга с выполнением ответственного поручения, – с веселыми нотками в голосе воскликнул лейтенант.

– Поздравляю вас, товарищ лейтенант. На самом деле, как гора с плеч свалилась, – ответил Алексей. – Вы-то, наверное, в обратный путь настраиваетесь? – поинтересовался Алексей.

– Да. Надо подаваться обратно, – с легкой озабоченностью произнес лейтенант. – Вот думаю пойти наниматься на какую-нибудь должность к нашему майору. Может, и примет по старой памяти. Они же обратно, я уверен, поедут, когда наберут своих пассажиров. А значит – нам по пути.

– Ну, на должность санитара у него вакансия, наверняка, всегда имеется, – отшутился Алексей.

Перед ними открылось пространство с железнодорожными путями, составами, эшелонами...

– О, гляди-ка, сержант, наш поезд загружается! – указал лейтенант рукой вдаль, где перед санитарным составом видны были телеги с запряженными в них лошадьми, машины и множество людей и в белых халатах, и в военной форме.

– Может там и наша помощь нужна, – предположил лейтенант.

– Пойдемте. Поможем. Все равно пока делать нечего, – согласился Алексей. И они направились к санитарному поезду.

– Не мало ли вас, не надо ли нас? – добродушно обратился лейтенант к наблюдавшей за погрузкой раненых Людмиле Александровне. Та приветливо улыбнулась и произнесла:

– А, вы?

И ее улыбка тут же погасла.

– Состав ранеными полностью укомплектован или есть еще свободные места? – все-таки попытался продолжить разговор лейтенант, избрав более серьезную интонацию.

– Сегодня ближе к вечеру есть намерение отъезжать в обратном направлении, – ответила Людмила Александровна.

Приметив старых знакомых, майор оставил свои командирские обязанности и подошел к ним.

– Какие дорогие гости у нас, а, Людмила Санна? – произнес он. И, пожимая по очереди руки мужчинам, спросил:

– Не хотите ли уж напроситься к нам в обратную дорогу? А то – милости просим... Мы к вам привыкли.

– А я бы с удовольствием, если местечко найдется, – тут же вставил лейтенант. – Тем более что я совершенно свободен.

– Так, замечательно! – воскликнул майор. – Найдем мы ему местечко, а, Людмила Санна?

И сам же ответил утвердительно:

– Найдем. О чем речь.

На путях загремели сцепки вагонов, застучали по рельсам колеса, гудели и шумно пыхали паром паровозы. С лязганьем остановился воинский эшелон. К общему шуму присоединились и возгласы прибывших с эшелона людей. Русьвинский железнодорожный узел был до краев и постоянно наполнен этими специфическими звуками. Это была его жизнь, его судьба.

Алексей, успокоенный тем, что лейтенант сумел обустроить себе обратную дорогу, хотел уж было распрощаться со всеми, как вдруг его внимание привлекла группа людей из прибывшего эшелона.

«Так это же... – припомнил Алексей. – Это же капитан Нестеренко! Он! Точно он!». А вслух воскликнул:

– Поглядите-ка кто к нам идет! Тоже старый знакомый. Ну, мир тесен. Вот так встреча!
И он громко крикнул:

– Товарищ капитан! Товарищ капитан, с прибытием вас!

Вместе с Нестеренко шли... И как Алексей не смог их опознать сразу? Шли со связанными руками, склонив головы, трое дезертиров. Обрадованный встречей капитан Нестеренко воскликнул:

– Как хорошо, что мы вас догнали и встретили! А то сколько бы возни с этими вашими было... Мои служаки, которые у танков да у пушек часовыми стояли, мне сообщают: так, мол, и так... На одной из платформ, мол, посторонние люди устроились. Вроде и в военной форме, но все равно, мол, не наши. Не с нашего охранного взвода, то есть. И что, мол, с ними делать?

Капитан, глянув осуждающе на пленников, продолжал:

– Я и спроси – а сколько, мол, посторонних-то прибилося? А мне говорят – так трое. Ну, я тогда и понял, что это за птицы... А вот если бы я, лейтенант, тогда, перед отъездом, не подошел к вам, да не узнал про вашу беду, про их побег, то неведомо, как бы мы их приняли и как бы мы с ними поступили...

– Ну, а поскольку хозяева пропажи, вот они, – капитан Нестеренко с довольной улыбкой кивнул в сторону лейтенанта и Алексея, – то пожалуйста, получите с доставкой.

И капитан кивнул сопровождающим, чтобы те подтолкнули пленных дезертиров вперед.

– Спасибо, конечно, за такую услугу, – протянул лейтенант Одареев.

– Ну, а кроме того, – добавил капитан Нестеренко, – они же были, оказывается, вооружены.

Один из конвоиров показал всем автомат ППШ.

– Вот, тоже примите вместе с беглецами. Хорошо, что у них хватило ума не применить его при задержании. А то бы вести к вам было некого. Мои ребята баловства не признают. Быстро бы их расщелкали.

Алексей принял автомат, повесив спереди на шею.

– Ну и страшен у тебя вид, – улыбнулся лейтенант. – От такого вояки немчура драпать будет без оглядки.

Майор Гаврилов прошептал что-то на ухо Людмиле Санне. Та согласно кивнула и, несмотря на свою упитанность, легко подалась к административному вагону. Было видно, что куда-то бежать, куда-то спешить, что-то быстро и оперативно исполнять – это ее жизненная необходимость, ее призвание. Вернулась она, держа в руках белые узелки.

– Эх, путь – дорожки фронтовые... Как хорошо, что мы живые, – произнес майор Гаврилов повеселевшим голосом. – А не принять ли нам, друзья, за здоровье. Ведь такая встреча!...

Мужчины переглянулись.

– Вот это по-нашему, – воскликнул лейтенант Одареев.

– Вот это прием! – обрадованно произнес капитан Нестеренко.

– А вы, – обратился он к своим бойцам, сходите пока за вагоны, дайте оправиться этим поганцам. Да и сами то же самое сделать не забудьте. Только осторожно, смотрите.

Людмила Александровна, радушно улыбаясь, развязывала узелки.

В это время активно шли погрузка и размещение раненых. Медсестры знали свои обязанности и без лишних понуканий с помощью санитаров, прибывших с ранеными из прифронтовых медицинских подразделений, вели эту работу.

Ирина укладывала очередного раненого в постель.

– Ну, что, голубчик, удобно так-то лежать? Спокойно? – разговаривала она с пожилым военным, раненым в грудь и руку. – Потерпите чуточку. Я вас скоро перевяжу, ранки обеззаражу. Легче будет. Только чуточку потерпите.

– Да ничего, дочка. Теперь уж потерплю. Теперь уж я на месте. Ничего... Беги давай, – отсылал он ее, – других выручай. Ничего... Спасибо.

Она направилась к выходу из вагона за следующим раненым. Нечаянно посмотрела в одно из окон. И обмерла. Она увидела: там, за окном, они! Все трое! Правда, еще с какими-то военными. Ее охватило одно-единственное желание: уничтожить, убить, отомстить... во что бы то ни стало.

И она стремглав выскочила из вагона.

– Ну что? Как будем поступать с этими? – спросил Алексея лейтенант, указав взглядом на дезертиров, когда мужская кампания поредела.

– Признаться, товарищ лейтенант, я бы их тут же кончил, – заявил Алексей, – Но... Я не судья и не палач. И руки пачкать об эту дрянь мне не пристало. А что с ними делать? Можно, конечно, доставить их и в комендатуру... Но, если вы видели, комендант и начальник дивизионного особого отдела только что уехали отсюда. Оставлять без присмотра этих гадов никак нельзя. Выходит, – Алексей улыбнулся, – что этими выродками придется заняться мне.

– Тебе? – удивился лейтенант. – И что ты с ними намерен сделать?

– А поведу-ка я их к старшему лейтенанту Страськову. В Травниково. Время у меня есть.

– Ты это серьезно? Один? Не зная дороги? Ты ж не бывал там ни разу. Не теряй головы, сержант, – воскликнул лейтенант.

– Старшина вон тридцать двух архаровцев один пехом повел, а я что, трех не уведу? Да еще и повязанных по рукам. Да и идти... я не думаю, что это далеко. Короче, не беспокойся, лейтенант. Все нормально будет, – заключил Алексей.

21

Роза Карповна умоляла двух санитаров как можно осторожнее поднимать на носилках раненого молодого бойца с бледным лицом. Он был без сознания.

Один из них положил ручки носилок на верхнюю ступень вагонной лесенки. Другой санитар чуть подвинул носилки вперед, чтобы надежнее зафиксировать их в горизонтальном положении. Первый в это время проворно, ловко, более подтягиваясь руками на поручнях, чем ступая на ступени, чтобы, не дай бог, не задеть лежащего на носилках бойца, забрался на тамбурную площадку. Там он ухватился за ручки носилок и чуть приподнимая, с помощью напарника, подвинул их к раскрытым вагонным дверям.

В это время из вагона в тамбур попыталась выскочить медсестра Ирина.

– О, сестричка, – обрадованно воскликнул один из санитаров. – Как хорошо-то! Иди, показывай, куда нам этого молодца нести. На какое местечко ты его определишь?

И Ирина отступила в вагон. Она прошла вглубь него, подошла к одной свободной, уже застеленной нижней лавке и встала рядом с ней в ожидании санитаров с носилками. Те нескоро, но, наконец-то, подошли и со всеми предосторожностями переложили раненого из носилок на лавку. Ирина торопливо накинула простыню, подтянула ему до подбородка и поспешила вслед за санитарями из вагона. Задержавшись на краю тамбурной площадки, она огляделась. Ближе не было видно никого. А вдали она заметила четыре удаляющиеся фигуры. И что-то внутри нее дрогнуло, и в голове пронеслась мысль: это те... Это они...

Она торопливо спустилась по лесенке на землю. И побежала.

День клонился к вечеру. Но все еще по-летнему ярко сияло солнце. Оно словно и не спешило катиться к горизонту, чтобы покинуть благодатную синеву безоблачного неба. Алексей шел позади повязанной по рукам тройки штрафников-дезертиров. Они брели уже около получаса. Идти по самой дороге оказалось затруднительно и несподручно. На открытом месте доставало солнце, к тому же дорога была разбита. Надо было постоянно обходить калужины, образовавшиеся после недавнего дождя, перескакивать через жидкую грязь... И плевать бы на этих подонков, которые чухались по колдобинам, но самому Алексею очень уж надоело плестись по бездорожью. Да и сомнение закралось – а верная ли дорога? В Травниково ли она ведет? И сколько пути до Травниково?

И вот встречная машина. Грузовая. Спереди, за стеклами, ни водителя, ни пассажира, если он там сидел, было не разобрать. А в кузове, сразу за кабиной, сидело двое.

– Эгей, мужики, мы в Травниково правильно идем? – крикнул им Алексей.

– Туда другого пути нет, – высунулось из бокового окошка женское лицо.

– А далеко еще?

– Да километра два с лишним вам поковылять придется, – ответил солдат сверху, из кузова.

«Пара километров – ерунда», – решил для себя Алексей. И они продолжили двигаться дальше.

Вскоре Алексей приглядел тянущуюся по лесочку слева от дороги тропинку и приказал повязанным свернуть на нее. Тропинка хоть и была не столь утоптанной, как хотелось бы, и не столь прямой – она то и дело петляла между жидкими березками и осинками – но по ней идти, однако, было много лучше, чем по дороге.

– Сержант, ты бы руки развязал, ну хоть на пять минут, – молил Алексея то один конвоируемый, то другой. – Рук не чувствую. Затекли нахер. Идти неудобно. А, сержант?...

– Щас, разбежался. Развяжу, – отвечал Алексей. – Ничего, бог терпел и нам велел. Шкодить ничего не мешало, а тут гляди-ка ты...

Алексей еще навесил на шею Жаблина автомат. Чего ж все самому тащить. Пусть и они разделят с ним эту обязанность.

Тропинку пересек ручей, через который были брошены двухметровые березовые жерди. Они лежали вразброс, как говорится: где густо, где пусто, – и переходить по ним надо было, ловко лавируя между пустотами, чтоб не провалиться в воду.

Жаблин и Гриднев – такой была установлена фамилия второго штрафника – миновали мосток из жердей более-менее благополучно. А вот третий – Шкабара, высокий, рыжий и неуклюжий парень – ногой угодил между двух жердин и завалился через правую сторону мостка так, что голова его свесилась до самого ручья. Он, то ли с испуга, то ли от боли заорал на весь лес:

– А-а-а... Бляха!..

Алексей бросил все свое снаряжение – и скатку, и вещмешок, и винтовку – под ближайший куст и побежал помогать распластавшемуся на мостках Шкабаре выбраться на бережок, на сухое, твердое место.

Жаблин и Гриднев ржали, как лошади, над неудачным кульбитом своего товарища, они заходились в хохоте, кивали головами в сторону мостка, выкрикивали обидные словечки... Потешались как могли, до слез, развалившись на травке под молодой березкой.

Алексей стоило немалых трудов высвободить Шкабару из западни на мостке и вытащить его на бережок ручья. Он изрядно промок. Штрафники были чрезвычайно увлечены обсуждением случившегося.

– А я смотрю, нет Виталика, нет Шкабары! – потешался Гриднев. – Да куда он делся — то, думаю. А он... – Гриднев зашелся смехом, – А он... Гляжу, лежит, развалился на мосточке, как барин. И морда в ручье полощется.

– И как это ему удалось так провалиться? – с издевкой вопрошал Жаблин. – Понятно, – тут же сам себе отвечал он, – башка-то высоко над землей посажена, вот и не видно, что под ногами делается. Вот куда такой вымахал? Тебе и в окопе не спрятаться будет.

Жаблин выплескивал с придыханием залпы смеха, а между ними успевал еще говорить:

– Нет, не жилец ты, Шкабара, не жилец. Прикончат тебя немцы, ежели ты супротив них в окопе лежать будешь. Точняк прикончат. Это тебе, верзиле, какой окоп надо вырыть, чтобы ты весь там угнездился?

Алексей, сидя рядом с развеселившимися штрафниками, снял сапог и вылил из него воду. Потом он начал выжимать мокрую портянку. Штрафники-дезертиры были рады нечаянно случившемуся отдыху. Эх, если бы еще руки были развязаны!..

И тут, когда сержант оказался рядом с ними, занятый собой, а главное, безоружный – винтовка-то у него вместе с другим скарбом на той стороне ручья лежит, под кустиком, – Жаблин сообразил, что лучшего момента освободиться может и не быть. Он продолжил разговор на развеселую тему, чтобы до конца расслабить сержанта, но при этом незаметно подмигнул Гридневу. Тот в ответ прикрыл оба глаза, – мол, все понял и согласен. И тут же, приняв живое участие в разговоре, как бы по необходимости, подвинулся ближе к сержанту. Жаблин уже был готов к нападению. Все дело было только за Гридневым.

– Виталья, тебе бы в цирке по проволоке ходить, а? – ерничал Жаблин над Шкабарой.

– А чо, я цирк шибко уважаю, – откликнулся Шкабара. – Но больше клоунов. Люблю похохотать. Вот я помню, – продолжал Шкабара, – к нам однажды приезжал цирк...

И в это мгновение Гриднев подогнул под себя ноги и резко разогнул их в сторону сержанта. Алексей, не ожидавший такого маневра, завалился на спину. И на него всей своей массой навалился Жаблин.

– Ну, что, сука, – злобно прорычал он, – пришла тебе хана, ефрейтор. Плохо ты нас знаешь...

Алексей пытался вывернуться из-под Жаблина, но тому на помощь пришел Гриднев. Он сумел довольно ловко вскочить и ногой с размаху пнуть Алексея в бок. Отскочил чуть в сторону и снова замахнулся ногой, направляя на этот раз удар в голову. Уже отвел ногу, и...

Вдруг отчетливо раздался щелчок затвора винтовки.

– Е-мое! – удивленно воскликнул Шкабара. Он первым увидел Ирину с поднятой и наведенной на них винтовкой.

Гриднев оглянулся и замер на месте. Кажется, он даже забыл дышать. Через мгновение он закашлялся.

– Сядь, – приказала она ему. Тот мешком свалился назад, и все еще, охваченный удивлением, не сводил с нее округленных глаз. И продолжал надсадно кашлять.

Повернул голову и Жаблин. Он живо скатился с Алексея и в полной растерянности глядел на ту сторону ручья, где стояла знакомая им девушка.

– Ну вот. Сейчас я с вами и посчитаюсь, подонки. Хватит вам ходить по земле и пако-стить...

– Стой, погоди! – воскликнул Алексей, увидев медсестру и поняв ее намерения. – Не пачкай руки об это дерьмо. Прошу тебя...

Ирина отрицательно покачала головой:

– Этих гадов надо бить. Их надо уничтожать... Всех. Поголовно.

– Не надо! Не стреляй, – взмолился Жаблин. – Я тебе все отдам... Все, слышишь. Все, что у меня есть... Вот, – вытащил он из-за пазухи то ли кисет, то ли просто какую-то тряпицу и, развернув ее, дрожащими руками вынул из нее сложенную в несколько раз бумагу. – Возьми. Здесь адрес и место, где запрятаны и деньги, и драгоценности моего отца. Возьми все, только не убивай. Не убивай! – истошно взвыл Жаблин и, привстав на колени, заелозил ими по траве в сторону ручья, к девушке. Автомат, соскользнувший с шеи во время нападения на Алексея, остался лежать позади него. Он просительным образом тянул к ней руки и умолял, умолял.

Жаблин не врал. У него были значены оставшиеся от отца богатства. Отец у него был зажиточный купец, судовладелец. Егор Аристархович Жаблин. До революции они всей семьей жили в Рыбинске, в особняке на Крестовой улице. Отец владел буксирным пароходом, который так и назывался – «Егор Жаблин». Пароход был приписан к судоходной компании «Восточное Общество Товарных Складов» и возил по Волге и Каспийскому морю баржи с мукой, керосином, дровами, углем...

Сам Вячеслав, попросту – Слава, покуда был маленьким, ходил с отцом по Волге на пароходах, насколько ему помнится, «Миссисипи», «Цесаревич Николай», «Нижегородец» и еще на каких-то. Отец брал его иногда с собой в деловые поездки: на этих пароходах подписывались договоры, совершались сделки и шумно отмечались успехи в торговых делах.

Но в 1918 году наступил полный крах всего судоходства. Тут и батюшка его, Егор Аристархович, занемог. На тот момент Славику было годиков семь-восемь, не более. Но он хорошо запомнил, как возле батюшки вдруг закружились, затолкались знакомые и незнакомые людишки. На какое-то время батюшка оклемался. И даже завел себе молодую любовницу из числа тех, кружившихся вокруг него в период его недомогания. Но когда на пороге уже были тридцатые годы, батюшка заметно ослаб. А Славик повзрослел. Правда, хоть он и был Славой, но ни пользы, ни славы он ни семье, ни стране не принес.

И однажды, решившись опередить всех, на сон грядущий надавил ручонкой родителю на горлышко и добился согласия оставить ему, Славику, все накопленные и припрятанные сбережения. Ну, а вскоре папашка, не пережив обиды, отдал богу душу.

Нет, Вячеслав Жаблин не врал. И он сейчас, находясь на пороге небытия, готов был отдать все, все, все, что у него было. Лишь бы остаться в живых.

Но, делая этот шаг, он все-таки прикидывал в уме: если действительно останется в живых, то у него будет немало шансов опередить эту шлюшку, а то и ликвидировать ее...

А сейчас ей надо было что-то дать... Надо дать такое... Соразмерное своей жизни.

– Не убивай! Ради бога! – исходил истошным воплем Жаблин. – Вот... На! Возьми все, все, что у меня есть... А кроме того, чтоб ты знала, и не пожалела потом, что пристрелила невинных людей, – мы и не убивали твоих родственников. Вот хоть на чем могу поклясться, – хватался за любую соломинку Жаблин, чтобы оттянуть роковой момент выстрела.

И Ирина медлила. До этого момента она готова была убить этих жалких подонков не раздумывая. Однако на деле убить живого человека, хоть никчемного и подлого, оказалось не так просто. И она не спешила, не решалась нажать на спусковой крючок.

– Мы же тогда пришли к вам по-хорошему, поговорить, объясниться, – начал увлеченно сочинять Жаблин свою версию давней трагедии. – Даже бутылочку с собой прихватили, верно, Колян? – обратился он к Гридневу за поддержкой.

– Да-а... – протянул тоже на все согласный Гриднев. – Не-е-е... Мы не убивали.

Алексей тяжело дышал после нападения на него этих двух мерзавцев и прислушивался к их разговору. Он тоже думал, как отговорить Ирину от убийства.

А Жаблин плел свою лживую нить:

– Ну, выпили по маленькой. И тут твой батяня как с ума вдруг сбрендил. Что-то ему не приглянулось в нашем разговоре. Он и хват за топор. Топор-то, конечно, наш был, мы со стройки шли, у друга баньку рубили, ну и с собой его захватили. Он в углу лежал. А твой батяня, то есть Геннадий Иваныч, его приглядел, да и схватил. Мы все, конечно, его унимать, уговаривать, а он ни в какую. Тут даже твоя мамочка вместе с нами вступилась его вразумлять... Ну, и вот... Случилось. Геннадий Иваныч махнул топором, нечаянно, конечно, и угодил острием по своей жене. Она и повалилась. Да на постель, где мальчонка спал. А мы сначала и не углядели, что она его придавила. Задохся малец. Это мы уж чуть позже обнаружили. Ну и после всего этого ужаса мы с Коляном, конечно, давай бог ноги... А тут и вы внизу, как на притчу. А что случилось с Геннадием Иванычем, мы, вот тебе крест, знать не знали. Думали, что он жив-здоров и сам ответит за свои дела. Ан, и его как-то угораздило покончить с собой. Ну не виноваты мы!

Гриднев сидел молча и никак не мог прокашляться. В его глазах застыл смертельный испуг. Шкабара бормотал:

– Я тут ни при чем... За что? Я не виноват. Я никогда и никого... Ведь правда? Меня не надо...

– А хочешь, я тебя в жены возьму, – выпалил вдруг Жаблин. – Любить тебя буду, честное слово...

– Ну все, хватит болтовни, – отрезала Ирина. И, наведя ствол винтовки на Жаблина, нажала на курок. До слуха обреченных долетел звук легкого щелчка. Но выстрела не последовало. Ирина тут же взвела затвор еще раз. Щелчок. Выстрела не было.

Над поляной стояла мертвая тишина. Слышно было только слабое, неугомонное журчание ручья.

Алексей вспомнил – и как он забыл зарядить винтовку перед конвоированием опасных преступников? – что боезапасы для винтовки находятся частью в подсумке, вот тут, у него на поясе, а частью в вещмешке. И ничего не было в винтовке. Ни одного патрона.

– А-а-а, шлюха! – обрадованно завопил Жаблин, освобождаясь от страха и унижения. – И ты нас хотела взять на понт?! Ах ты, сучонка задрипанная... Жаль, что тебя не было там со своей семейкой. Мы б и тебя кончили бы. Но сначала бы мы все тебя поимели!

И он орал бы еще, но Алексей успокоил его знатной зуботычиной.

– Ах ты, падла! – взревел в запале Жаблин. Но опомнившись и сообразив, что могут с ним произойти еще более крутые неприятности, живо унялся.

Алексей, в стороне от штрафников, намотал на ногу еще влажную портянку, натянул сапог и поднялся на ноги. Легко перескочил со своего бережка на другой через мосток и подошел к Ирине.

Она держала опущенную винтовку за ствол, по щекам ее катились слезы обиды и бессилия.

– Ничего, ничего, – заговорил он, приобняв ее и приклонив ее голову к своей груди. – Все это им даром не пройдет. Они свое получают в полной мере. Я в этом уверен.

Ирина тихонько всхлипывала. Алексею показалось, что он сделал все, чтобы успокоить девушку. Он осторожно освободил ее руку от винтовки.

– Вот ведь незадача, – промолвил он. – Пошел с такими шакалами и винтовку не зарядил. Надо исправить такое дело.

Расстегнул подсумок, вынул оттуда обойму с патронами и вставил их в магазинную коробку винтовки.

– Вот так-то правильно будет, – заключил Алексей.

Через редкие стволы молодых березок вдруг стала заметна лошадь, запряженная в телегу идвигающаяся в сторону Травниково. Алексей поднял винтовку, крикнул штрафникам:

– Сидеть! Не двигаться!

И выстрелил в воздух. Сказал Ирине:

– Я сейчас. Погоди.

И побежал к дороге.

Он узнал эту рыжую лошадку. Она стояла у санитарного поезда. Значит, она возвращалась после того, как доставила к поезду раненых. Ею управлял пожилой сержант с сединой в волосах и усах.

– Отец, я думаю, нам по пути. Не подбросишь?

– Отчего не подвезти. Садись. Места хватит.

– Так я не один. Со мной еще трое.

Пожилым сержантом поскреб в затылке, сдвинув пилотку на сторону и спросил:

– Ну, так и где ж они?

– Сейчас, отец. Ты подожди. Я их покличу.

И Алексей кинулся обратно к тропе, к ручью.

Вскоре один за другим на дорогу вышли повязанные по рукам штрафники-дезертиры. За ними шли Алексей и Ирина.

– Хороша команда, – произнес седой сержант. – Милости прошу.

Пока штрафники мостились на телегу, Алексей уговаривал Ирину, пока не поздно, возвратиться обратно. Она-де нужна там, на поезде. Ее ждут, на нее рассчитывают. Тем более что поезд отправляется сегодня вечером. И, кажется, он ее уговорил.

Возница тронул поводья:

– Н-н-но, милая!

Телега, покачиваясь, покатила вперед, в Травниково. Фигура Ирины все уменьшалась и уменьшалась. И исчезла за ближайшим поворотом.

Ирина стояла на дороге и мысленно боролась с собой. Ее жгла обида: столько сделала, чтобы догнать этих мерзавцев, и была такая исключительная возможность рассчитаться с ними... Но и с доводами сержанта никак нельзя было не согласиться. Надо возвращаться к поезду. Надо!

Что же, она не отомстит? Они будут и дальше жить и творить свои пакостные, преступные дела? Пролить кровь невинных людей?

Она все более разжигала себя.

Впереди показалась машина, то и дело вилявшая в стороны, объезжая лужи. Урчание мотора едва доносилось до Ириного слуха. Но оно становилось все громче, все отчетливее. Машина подъезжала все ближе.

22

В Травниково, небольшой прифронтовой деревушке, многие дома пострадали от долетавших сюда «подарков» артиллерии с передовой и авиационных атак. Почти полдеревушки лежало в развалинах, некоторые тели и дымились. Но жизнь здесь шла полным ходом.

Сейчас основными жителями по праву следовало бы считать военных разных возрастов, званий и принадлежности, они заполняли дома, улочки и переулки. Здесь, под Травниково, находился штаб и командный пункт полка, а так же и его особый отдел. Здесь же развернут и полевой госпиталь, который заметно опустел за сегодняшний день: почти все раненые были перевезены к санитарному поезду в Русьву.

Рокот передовой был слышен настолько явственно, что с непривычки могло показаться, что к Травниково катится огромная металлическая бочка, набитая железом. И что она вот-вот доберется до околицы, перекатится через поля и огородишки, ворвется в деревушку и сомнет в ней все живое, еще не тронутое войной.

Возница, пожилой сержант, как оказалось, знал здесь все и всех. Он подкатил на своей лошадке к деревянной избе с крытым двором, входом в который служила скособоченная дощатая дверь с фигурной кованой металлической скобой.

Перед палисадником на чурбаках и колотых поленьях сидели знакомые Алексею штрафники, немногим больше десяти. Чуть в стороне смолил сигарку приземистый, могучий старшина.

Все они шумно встретили появление Алексея.

– Здравия желаем, товарищ сержант! – кричали вразнобой штрафники. – О, да вы с уловом! И где вы их зацепили? Как это вам удалось? Да еще и повязали всех!

Вопросы так и сыпались. Перемешалось все: и радость неожиданной встречи, и любопытство, и просто желание поговорить, пообщаться со знакомым. Алексей тоже улыбался и как мог отвечал на интересующие бойцов вопросы.

– Да вот уж, поймали соколиков. Пообломали им крылышки. Да не соколики они, конечно, никакие, – спохватился Алексей, – это я лишку хватил, а гады они ползучие. Привез их сюда, чтоб получили сполна за свои гнусные дела.

Возница, высадив попутчиков, терпеливо ждал, когда о нем вспомнят и заберут вещи с телеги. Не дождавшись, окликнул:

– Эй, сержант! А автомат-то что – мне оставляете?

Алексей, вспомнив, что и не поблагодарил извозчика, подошел к телеге, взял оставленный на ней автомат и с теплотой в голосе сказал:

– Прости, отец. Спасибо тебе. Большое.

Извозчик бросил:

– Да чего там...

Крутанул над лошадкой вицей и покатил прочь по своим делам.

К дому, почти на то место, где стояла лошадка, подкатил легковой автомобиль и резко, со скрипом, шурша колесами о дорожную гальку, встал. Из автомобиля выскочил старший лейтенант, охватил быстрым зорким взглядом находящиеся перед палисадником, и, протяжно скрипнув покосившейся дверью, зашел во двор. Во дворе грозно залаяла собака. Лейтенант выскочил обратно и торопливо притворил дверь. Лицо его, слегка перепуганное, выражало смущение. Старшина сидел снисходительно усмехаясь и курил. Он не желал помочь незадачливому старшему лейтенанту проникнуть внутрь дома, хотя мог это сделать безо всяких затруднений.

Во дворе недовольный голос шикнул на собаку:

– Рекс, на место! Чего ты развякался? Дождешься, я тебя кончу однажды. Надоел...

Заскрипела дверь, и на улицу вышел оперуполномоченный особого отдела старший лейтенант Страськов. В мундире нараспашку, с непокрытой головой, вместо сапог домашние тапочки... Лицо красное, глаза осоловелые. Видно было, что старлей выпивши.

– Тэ-э-к, – обратил он внимание на приехавшего. – Ты за этими? – кивнул он в сторону штрафников. Тот подтвердил:

– Да, за пополнением. Как нам сообщили, что есть пополнение, так сразу меня...

– За-а-абирай! С глаз долой... – распорядился Страськов.

– Есть, – отрапортовал старший лейтенант. – А документы на них...

– Личные дела пока останутся здесь, у меня. А вам списочный состав... Старшина Кобзев! Список этой команды. Сюда! Живо!

Старшина легко сорвался с места и шмыгнул в дверь, которая не успела и скрипнуть за ним. Он был совсем недолго в доме и вскоре вышел, держа листок бумаги.

– Ото... Це спысок, – протянул он лист оперуполномоченному.

– Ему, – указал тот на старшего лейтенанта. Старшина выполнил приказание. И уточнил:

– Повэрку зробыты, чи как?

– А это пусть старлей проводит, если ему надо, – ответил Страськов. – Они у тебя все по списку?

– Усе. Як одын, – ответил старшина.

– Ну, тогда о чем разговор. Свободен, старший лейтенант.

За все время разговора Страськов ни разу не взглянул в сторону штрафников, чтобы нечаянно не встретиться с глазами Вадима Шелепова.

Лейтенант направился к прибывшему боевому пополнению.

Алексей, оценив, что упускать момента нельзя, подскочил к оперуполномоченному и, переложив палку в левую руку, правой козырнул:

– Разрешите обратиться...

Страськов осмотрел сержанта мутными глазами и, артачась, произнес:

– А если не разрешу? Ты кто такой? Откуда? Чего надо?

– Младший сержант Боровых. Мы с лейтенантом Одареевым сопровождали из Нижнеруднинска до Русьвы пополнение для фронта из штрафников, – одним приемом постарался ответить на все заданные капитаном вопросы Алексей. – Я доставил еще трех штрафников, сбежавших от нас по дороге. Дезертиров, стало быть.

– Ах, да-да. Вспомнил. О каких-то дезертирах твой лейтенант мне докладывал. Это они, что ли? Я и смотрю, крылышки у всех веревочками спутаны, – насмешливо заметил Страськов.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Я вел их сюда один, пешим порядком, – пояснил Алексей. – потому и связал. К тому же за ними, кроме дезертирства, есть и другие преступления.

– Преступления? Какие? – заинтересовался старлей.

– Они убили часового и завладели его оружием.

– Убили? И с оружием сбежали? – переспросил Страськов. – Так и чего ты мне их при- тащи? Что мне с этим дерьмом прикажешь делать? Старшина!

– Слухаю, товарищ старший лейтенант, – отозвался старшина Кобзев.

– Тащи сюда мой пистолет. Он там, на ремне, в кобуре. Живо! Сейчас мы наши приго- воры в исполнение приводить будем.

– Эсты – четко произнес старшина и скрылся за скрипучей дверью.

Жаблин и его подельники, хоть и стояли, кажется, поодаль, чутко прислушивались к раз- говору сержанта и старлея.

– Е-мое, – заныл Шкабара. – Меня-то за что? Я не виноват...

Жаблину больше умолять никого не хотелось. Его охватила черная, бездонная пустота. Уже и жить не хотелось так, как он желал, оказавшись недавно перед наведенным стволом той твари. Жаблин почувствовал, что он устал, смертельно устал. Да еще эти руки...

– Уот, товариш старший лейтенант, – протянул Страськову пистолет вернувшийся старшина.

Тот снял его с предохранителя и не целясь выстрелил в березовую чурку. От дома уже подались прочь редким строем штрафбатовцы, ведомые старшим лейтенантом. Автомобиль укатил по разбитой дороге без него. Вадим Шелепов, шедший в последней паре строя, услышал Страськова и смачно сплюнул на дорогу.

– Так, подлецы, убийцы и дезертиры, слухай сюда, – бросил оперуполномоченный трем понуро стоящим штрафникам. – Зачитываю вам приговор. Именем Союза Советских Социалистических Республик... За совершённые злодеяния: первое – нарушение воинского Устава и воинской Присяги, а значит, измену Родине; второе – убийство находящегося при исполнении военнослужащего и завладение его оружием... Приказываю: военнообязанных... Как их?

Алексей подсказал:

– Жаблин, Гриднев и Шкабара...

– ...Жаблина, Гриднева и Шкабару приговорить к высшей мере наказания через расстрел. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Вопросы есть? – спросил Страськов у осужденных. – Вопросов нет. Кру-у-у-гом!

Штрафники с большим трудом повиновались. Ноги не слушались. В головах бродили путаные мысли: а может, это злая шутка, выкинутая капитаном. И сейчас этот спектакль закончится, и все весело посмеются над ней и, конечно, над ними. Эк, мол, как их лихо разыграл ловкий на выдумки старлей.

Сзади снова раздался голос Страськова:

– Приговор привести в исполнение немедленно.

Оперуполномоченный поднял руку с пистолетом вверх и выстрелил... два раза. Один из приговоренных, стоящий в середине, Гриднев, медленно опустился на колени и обеими руками зажал уши. А крайний, рыжий – Шкабара, – неуклюже повалился набок и, наконец, рухнул на землю во весь рост, потеряв сознание. Стоять остался лишь Жаблин. Он уже никого не слушал и ничего не слышал. Ему было все равно.

– Ну вот, сержант, как-то так, – усмехнулся Страськов. – Считай, что сегодня была репетиция. Все равно сегодня их закапывать некому, а до завтрашнего дня, да при такой жаре... Сам понимаешь. А вот завтра – состоится премьера. Жаль, что ты на ней не поприсутствуешь.

Подул в дуло, вытянул руку с пистолетом, прицелился, опустив ее и протрезвевшим голосом сказал, взглянув Алексею в глаза:

– Свободен, сержант.

– Есть! – осталось ответить Алексею. Он развернулся и двинулся по дороге в обратном направлении. Но тут же его остановил голос старлея:

– Эй, сержант! А где документы на этих вояк?

Алексей остановился и, обернувшись назад, громко ответил Страськову:

– А документы на них должны быть в папке, которую вам отдал лейтенант Одареев, товарищ старший лейтенант.

– Ладно, разберемся, – буркнул под нос Страськов. – Иди себе, сержант. Все.

Как только Алексей скрылся из вида, он позвал старшину:

– Этих двух засранцев, – он указал на Гриднева и Шкабару, – доставь немедленно в роту капитана Ушакова. И предупреди, чтобы их не жалели, пускай нужники чистят. А вот этого, – Страськов ткнул пальцем в Жаблина, – пока в наш хлев посади. Да Рекса на ночь выпусти. Все ясно, старшина?

– Так точно, товариш старший лейтенант. Усе ясно.

– Ну, так выполняй. Да ты им руки-то развяжи, – добавил Страськов. – Куда они от тебя денутся?

– Поняв. Усе зрблю, – ответил старшина.

23

Следующий день порадовал мягким солнечным светом измученную войной землю. Зашелестели в листве и запели на все голоса пичуги. За окошками, обклеенными крест-накрест бумажными лентами, начали раздвигаться занавески. И даже на передовой, будто по особой утренней команде, стихли залпы и взрывы снарядов. Утро пришло непривычно мирное, тихое. И, казалось, таким будет и грядущий день... Так было в Травниково. И тем более так было в Русьве. Может, так было и по всей нескончаемо длинной линии фронта. Может быть...

Алексей договорился с женщиной, обслуживавшей крохотную гостиницу без особых удобств, и оставил до поры здесь, под ее присмотром, скатку и автомат. А вещмешок, винтовку и палку взял с собой.

Выйдя на свежий воздух, он глубоко вздохнул, огляделся по сторонам и направился к Железке. Переходя привокзальную площадь, он не мог не обратить внимание на железнодорожные пути. Еще вчера здесь стоял его санитарный поезд. В нем сейчас движутся в обратном направлении и майор Гаврилов, и Людмила Санна, и Роза Карповна, и медсестра Ирина... И, конечно, лейтенант Одареев. В памяти живо возникли лица людей, с которыми свела судьба в эти непростые дни.

Подойдя к Железке, Алексей встал в раздумье перед крыльцом, на которое он вчера поднимался, чтобы зайти к этому странному подполковнику. К этому Кошею Бессмертному. «А, кстати, как его имя?» – задал себе вопрос Алексей. – Он ведь вчера не представился. Ну, а что я за птица для него, чтобы мне, сержантишке, еще и представляться».

Часов у Алексея не было. Не довелось занять. И это обстоятельство порой создавало ему трудности. Правда, выходя из гостиничного дома, он глянул на ходики – было без десяти восемь. Значит сейчас около восьми. Для начала рабочего дня время подходящее. И действительно, дежурный подтвердил, что подполковник у себя.

– А, сержант, заходи, – глянул из-за стола подполковник и обратился – это заметил Алексей – к нему по-свойски на «ты». – Вернемся, значитца, к нашим баранам.

И приказал дежурному вызвать майора Красина.

– Вот что, Николай Федорович, – обратился к нему подполковник, – ты, значица, заведи к себе этого вот хлопца со всеми его бумагами и обеспечь ему рабочее место.

– Есть, – ответил майор. И, поглядев на Алексея, спросил:

– Разрешите идти, Георгий Семенович?

– Да, да, идите.

Алексей поднялся со своего места, взял со стола бумаги Вилли Кауфманна и вышел следом за майором. Менее чем за час Алексей перечитал все письма и от жены Вилли Кауфманна и от Вилли жене. В казенных бумагах значились отметки о пребывании в местах, куда он был командирован. В одной из бумаг он нашел отчет Кауфманна о пребывании его в Стругаже: отчет был начат, но по каким-то причинам, не закончен. И короткие тексты на памятных фотографиях. Вот и все, что было в этом пакете. Плюс адреса на конвертах.

Алексей аккуратно, насколько позволял «разборчивый» почерк, перевел все найденное в портфеле. Доложил майору, что он свою работу закончил. И вскоре был приглашен к подполковнику.

Тот взял исписанные Алексеем листы в руки и молча уткнулся в чтение.

– Ну и почерк у тебя, я доложу, – буркнул он. А дочитав до конца, произнес:

– Здесь главным образом отражены дела семейные, как я понял. Он пишет жене. Жена пишет ему. Фотографии, то да се. Вот он, например, обещает ее познакомить с этим самым Отто Вернером, как только это будет возможно. А вот он столь пространно и многословно распинается перед ней в любви. Ну, прямо поэт-лирик. А вот о том, что он видел во время

поездок в командировки, про то, что ты в своих бумагах написал с его слов – об этом жене ни слова. Ну и правильно. Чего травмировать женскую душу. Но для нас, – подполковник одобрительно взглянул на Алексея, – этого достаточно, чтобы проработать этот материал и принять необходимые меры. За этот перевод... В общем, за всю эту работу тебе по праву полагалась бы медаль, а может, даже и орден... Но с этим подождем. А пока – тебе большое спасибо за проделанную работу.

Подполковник вышел из-за стола и протянул Алексею руку:

– Большущее спасибо тебе, на самом деле. Ценнейший материал. У нас будет над чем поработать в ближайшее время, поискать пути к этому Отто Вернеру. Ну, а теперь, товарищ младший сержант, вернемся к нашим делам, важным, насущным и неотложным. Я вчера прикинул, куда тебя на некоторое время пристроить и чтобы, значитца, польза была, и чтобы вреда никому никакого не было.

Подполковник улыбнулся своему каламбуру.

– С сегодняшнего дня ты зачислен в разведвзвод к старшему лейтенанту Коломийченко. Будешь ходить под его началом, ну, и кое-какие мои и его поручения выполнять. А когда окончательно решим вопрос с переброской подобранной команды в Стругаж, тогда, соответственно, и условия твоей службы изменятся. Я уже попросил, чтобы за тобой какую-нибудь машинешку или мотоколяску прислали. Поезжай с богом... Тебя мигом доставят. Тут до Травниково рукой подать.

– В Травниково? – переспросил Алексей.

– В Травниково. А что, знакомые места? – поинтересовался Георгий Семенович, с любопытством глянув на Алексея.

– Да вчера там побывать довелось, – признался Алексей.

– Вот как? И что за причина была?

– Сопровождал для передачи оперуполномоченному особого отдела полка старшему лейтенанту Страськову трех наших штрафников, отставших по дороге от основной группы.

– Это не те ли, что дезертировали по пути следования сюда, в Русьву, с отягчающими вину последствиями, убив часового и завладев его оружием? – посерьезнел подполковник.

– Так точно, они.

– Я пока не спрашиваю вас, младший сержант, как они вдруг нашлись, – протянул подполковник Смоляков, – но мне интересно, что с ними будет делать старший лейтенант Страськов.

– Он обещал их сегодня расстрелять.

– Вот даже как! Ну, хорошо, младший сержант. Можешь быть свободен. Скоро за тобой приедут, жди. А мы тут разберемся.

24

Ранним утром оперуполномоченный особого отдела полка старший лейтенант Страськов еле разлепил тяжелые веки и облизал пересохшие губы. Его мучила жажда. «Эх, пивка бы сейчас... Кружечку... Холодненького», – мечтательно подумал он. Но пива не было. Не было и огуречного рассола.

Пришлось встать и подойти к молочной алюминиевой фляге, в которой старшина доставлял воду из колодца.

Зачерпнув ковшом, он сделал несколько глотков. Вода была теплой, невкусной.

– Ну что это за жизнь! – воскликнул он в сердцах и с шумом, нервно прицепил ковш на место. Вывалился во двор, потрепал за загривок подскочившего к нему Рекса, побрел в огород (он был здесь, во всяком случае, до войны, а сейчас это просто – задворки), сходил по малой нужде, и, глубоко вдохнув свежего воздуха, восхищенно произнес:

– Эх, красота-то какая! А тихо-то как!

«Сейчас бы... да на утреннюю рыбалочку! Не хреново было бы», – промелькнула у Страськова шальная мыслишка.

И действительно, утро выдалось на редкость мирным и тихим. И солнечным. Не слышалось ни пулеметной трескотни, ни автоматных очередей, ни артиллерийских разрывов. Не было войны в это раннее утро. И это удивляло.

Вернулся обратно в комнаты, которые служили ему: одна – кабинетом и жилищем одновременно, другая – приемной, (а на кухне обитал исполнитель всех его прихотей и приказаний, безотказный и ретивый старшина Кобзев). Вспомнил вдруг одного из тех, кого он вчера «расстреливал». «Как его? Не помню. Ну да ладно. Сейчас pošлю старшину», – подумал оперуполномоченный.

Старшина Кобзев привел к опохмелившемуся и взбодренному Страськову рядового Жаблина.

– Уота, товарищ старший лейтенант, по уашему прыказанью достаулен, – доложил старшина.

– Хорошо, старшина. Свободен.

Когда старшина, развернувшись, направился из комнаты, Страськов напутствовал его:

– Ты бы проверил тормоза у мотоцикла и зажигание. Когда я ехал сюда, мне показалось, что тормозная система у нашей мототачки барахлит.

С мотоциклом у старшины никаких проблем не было и быть не могло. Он доглядывал за ним, как за малым дитем. Просто старлею надо было остаться один на один с этим вот... которого привели.

– Эсты, провэрыть тормоза у мотоцикла, – ответил старшина. Страськов дождался, пока закроется дверь. Потом он минуты две в упор рассматривал Жаблина, застывшего у самого порога.

Старший лейтенант Страськов еще вечером, будучи хоть и под хмельком, искал в папке документы с личным делом этого, стоящего сейчас перед ним... Но так пока и не нашел. Он поминал всех чертей, но никаких бумаг не было. Он отчетливо помнил, что ему напел про этого вот, да и про других двоих младший сержант. Они убили-де какого-то часового, завладели его оружием и сбежали. Он помнил все, что ему нужно было помнить. Профессия обязывала.

Наконец, насмотревшись на своего пленника, Страськов обратился к нему:

– Ну, как ночь прошла? Снилось что-нибудь или, может, не спалось на новом месте?

Страськов не ожидал ответа. Но он последовал, только чрезвычайно краткий.

– Ночь... прошла, – хрипло произнес Жаблин. И все. И молчок.

– Ну что ж, прошла, и хрен с ней, – закончил эту часть разговора старший лейтенант. – Тогда начнем сначала. Твоя фамилия, имя, отчество? Где и когда родился? Ну, и дальше все по порядку.

Переминаясь с ноги на ногу, Жаблин некоторое время раздумывал, как ему сейчас представиться этому старлею: Рябовым или же самим собой, Жаблиным. Вспомнил, что в сопроводительных документах он Рябов.

– Рябов, – начал держать ответ Жаблин, – Григорий Иванович. Год рождения 1912. Родился в Рыбинске...

– погоди, погоди... Рябов. Я вчера при исполнении приговора такой фамилии вообще не слышал. Рябов... Все три фамилии, которые назвал ваш сержант, были какие-то смешные, непростые... Но Рябова не было точно, – рассуждал Страськов.

– Да наш сержант такой. Он вечно все путает. Над ним наш взвод всю дорогу смеялся. Он такое, бывало, наплетет...

– Ладно, хватит о сержанте, – прекратил дискуссию Страськов. – Продолжай дальше. Происхождение какое?

А сам, достав из ящика стола коленкорovou папку и раскрыв ее, начал вновь перебирать находившееся в ней бумаги.

– Происхождение? – оживился Жаблин. – Происхождение пролетарское. Истинно пролетарское. Батяня мой кузнец был. Знатный, известный на весь Рыбинск кузнец. Кузнец своего счастья.

Лицо у Жаблина даже посветлело:

– Деньгу зашибал... То есть ковал, заколачивал... О-оо! Другим и не снилось. Без копеечки не сидели. Все у него срослось – и ум, и сила. Помахал он молотом, помахал.

И добавил огорченно:

– А вот я не в батяню пошел. Ни силы бог не дал, ни умом не наделил. Да и кузню нашу в революцию да в гражданскую всю разворошили: молот в одну сторону, наковальню в другую, горн – налево, металл какой-никакой – направо... А как батянька богу душу отдал, вот тут мне вообще беспризорничать довелось. Вот такое мое, стало быть, происхождение, – закончил ответ Жаблин.

Страськов, отыскал наконец-то бумаги Рябова, пробежал их глазами.

– Так, ладно, – согласился он. – Ты мне расскажи, Рябов, за что в штрафную роту попал? Вот тут, – Страськов ткнул пальцем в листок, – в твоём приговоре красноречиво расписано, но мне хочется, чтобы ты своими словами изложил... И поподробнее.

– А чего излагать... Ну, попал на фронт. Кстати, я добровольцем был записан. А как же – страна в опасности. Кому-то надо ее защищать. Ну, вот и я, стало быть, как все...

Жаблин, конечно, умолчал, что на фронт он подался добровольцем далеко не из патриотических чувств, а по совершенно другой причине – прятался от наказания за злодейское преступление. Для чего, кстати, и раздобыл удостоверение личности – красноармейскую книжку на имя Рябова...

– Давай-ка, доброволец, по сути расскажи. Как ты здесь оказался.

– А что говорить, была атака, был бой... – начал нудно вспоминать свою историю Жаблин. – А у меня нога занемела. Все на бруствер и в атаку, а я не смог. А тут вдруг лейтенантишка наш. Вышла ссора. Вот я и схлопотал себе штрафную...

– Очень кратко и очень скромно. Прямо пожалеть можно, – заметил оперуполномоченный. – А вот тут отмечено, что ты нанес ему огнестрельное ранение. Это как?

– Я и сам удивляюсь, товарищ старший лейтенант, – живо откликнулся Жаблин. – Чему их учат в военных училищах? Как на фронт попадают, так и оказывается, что даже простым оружием и владеть-то толком не могут.

– Это почему же? – спросил старлей.

– Да потому! – завелся Жаблин. – Он сам ко мне привязался. И начал пистолетом передо мной махать. Ну, вот и домахался. Сам в себя пальнул, нечаянно, конечно. По неумению с оружием обращаться. Я же и говорю – чему их там в училищах-то военных учат?

– А бежать из траншеи после ранения лейтенанта у тебя нога не занемела? – усталил на Жаблина свои оловянные глаза старлей. – Где тебя поймали?

– Ну почему сразу «убежал»? Почему сразу «поймали»? – с обидой возразил Жаблин. – Я, как увидел, что лейтенант ранен, преодолевая боль бросился искать кого-нибудь из медиков, медсестру там... или санитаря. Но близко из них никого не оказалось. Я в поисках бог знает куда зашел. Места-то незнакомые кругом... Ну, а потом и припаяли мне за все про все штрафную роту.

– А вот передо мной докладная. Про совершенный побег с убийством часового и завладением его оружием, – приподнял пальцами на столе бумажку Страськов. – Между прочим, подписанная несколькими свидетелями. Это как? Во-первых, за что взяли под стражу? А потом уж и все остальное...

– За что взяли? – наивно переспросил Жаблин. – Да дело-то было пустяковое, товарищ старший лейтенант. Просто нас заподозрили в изнасиловании одной беспутной шлюшки, которая медсестрой в санитарном поезде значилась. А доказательств нашей вины не нашлось. Только ее ложное, так сказать, обвинение. И все. Да мы ее даже пальцем не трогали, честное слово. А она навывдумывала черт-те что. Ну вот, нас и взяли под стражу до выяснения обстоятельств.

– Ну, допустим, – примирительно сказал Страськов. – А убийство, а побег?

Жаблин пустился сочинять историю побега и всего прочего на свой лад.

– Да тоже, товарищ старший лейтенант, ерунда какая-то, честное слово. Испугались мы, вот и рванули. Но вины нашей в убийстве часового – боже упаси, даже в мыслях не было. А вот глупость совершили, что на оружие обзарились – это беру грех на душу – бес попутал. Дурная привычка с беспризорничества брать все, что близко лежит. Но убить человека!... Да вы что!

– Так это что же, выходит, по-вашему, он сам себя порешил?

– Истинно так и вышло, товарищ старший лейтенант. Ночь уж была. Мы, с повязанными руками, улеглись спать. И уснули уже. И вдруг среди ночи выстрел. Мы со сна да с испуга аж повскакивали. Понять ничего не можем – что, кто, в кого? Еле-еле сумели спичку зажечь – руки-то связанные были, но зажгли. Смотрим, а часовой-то наш готов. Видно, тоже уснул, а во сне и нажал неосторожно на курок. Вот мы и перепугались, что нам помимо покушения на изнасилование еще и убийство припаяют. А что бы вы делали на нашем месте, товарищ старший лейтенант? Небось, тоже бы перепугались и наделали таких же глупостей...

Жаблин глядел на Страськова ясными, светлыми, невинными глазами.

– Слушаю тебя, и складывается впечатление, что ты ну просто невинно пострадавший, – заметил с издевкой оперуполномоченный.

– Да так и есть, – подхватил эту мысль Жаблин. – Если ту же попытку изнасилования взять, которой не было и в помине... Так эта дура набитая сама растрезвонила по всем подружкам, что, якобы, мы ее имели. Ну и пошло-поехало. Нас до поры и повязали. Так и с остальными обвинениями...

– Так, Рябов, – сжав кулак и приложив им по папке с документами, сказал старлей. – Наслушался я сегодня твоих баек. У меня уже уши вянуть начали. Теперь послушай меня.

Страськов поднялся из-за стола.

– Если я тебя и твоих друзей не расстрелял вчера, то это я с успехом могу сделать сегодня. И преступных заслуг, твоих в частности, вполне хватает, чтобы всадить тебе пулю в лоб. Тебе это понятно? – вопросительно взглянул старлей на Жаблина.

За окошками затарахтел мотоцикл. Мотор работал ровно, без сбоев. Вскоре он рыкнул, и монотонный гул начал удаляться. «Обкатку устроил, – подумал о старшине Страськов. – Ну и хорошо, что не болтается здесь».

Жаблин молчал. Досадуя, что не прокатило, он обдумывал, как быть дальше. Он решил просто выжидать.

– Я хочу, чтобы ты уяснил навсегда, Рябов, – между тем продолжал Страськов, – что твоя паршивая, поганая жизнь находится вот в этих руках.

И оперуполномоченный продемонстрировал их Жаблину.

– И если только ты, – нагнетал страха Страськов, – чего-то не поймешь, что-то сделаешь не так... Или не сумеешь держать язык за зубами, когда это надо... То я тебя этими вот руками, сам... И мне за тебя отвечать не придется. Запомни.

Жаблин несколько расслабился. Он понял, куда клонит старлей. И внутренне был уже готов ко всему. Он почувствовал, он теперь уже знал наверняка – жизнь его вне опасности. Но ее надо отработать.

25

Мотоцикл круто развернулся у Железки и встал. Мотоциклист, молоденький солдат, весело улыбаясь, спросил у стоявшего возле крыльца Алексея:

– Не по вашу ли душу прислали? Смотрю, вроде сержант. А мне сержанта и приказали привезти.

– Я младший сержант, – уточнил Алексей.

– А мне, – рассмеялся солдат, – без разницы. Лишь бы лычки были. Ну, тогда сидай, товарищ младший сержант, и попылим. Тут недалечко.

– Только мне во-о-н туда еще заскочить нужно, – показал Алексей на зданьице гостиницы на противоположной стороне площади, устраиваясь на заднем сиденье мотоцикла. – Вещи кой-какие захватить.

– Без проблем, – откликнулся солдат. И, добавив газку, рванул с места. – Держись, сержант. Эх, прокачу!

В одно мгновение они были у гостиницы. Алексей, завершив там все дела, вновь оседлал заднее сиденье, и мотоцикл помчал Алексея в полную неизвестность.

Проезжая Травниково, Алексей вспомнил вчерашнее происшествие с оперуполномоченным Страськовым. «Сдал я этих подонков по назначению, – подумал он, – и голова за них не должна больше болеть. Все. Тема закрыта».

Примерно через километр солдат остановил свой мотоцикл.

– Станция Мазай – приехали, слезай, – объявил водитель. – Дальше пешком. Но осторожно-ж-ж-ненько. А то пристрелят невзначай.

– Что, уже вот тут... передовая? – удивленно спросил Алексей.

– Она самая, что ни на есть передовая. Передовой и не сыскать, – шутил веселый солдат.

Он откатил свой мотоцикл в тень, под раскидистую ольху, где стояли еще какие-то машины, и махнув рукой, мол, – за мной, пригибаясь побежал вперед.

Скоро они скатились в траншею и так же пригибаясь побежали по ней, сталкиваясь по пути с бойцами, которые им уступали дорогу.

Солдат остановился у землянки, вход которой был полузакрыт брезентом, и обернувшись к Алексею, сказал:

– Счастливо оставаться, товарищ младший сержант. Ежели понравилось, то как-нибудь еще прокачу.

– Спасибо, – ответил солдату Алексей. И оставшись один перед входом, он, собравшись с мыслями, глубоко вздохнув и спросив: «Можно?» – отодвинул край брезента.

– Заходи, – слышалось из глубины землянки.

Алексей ступил через порог и оказался в едва освещенном керосиновой лампой тесном помещении.

– Здравия желаю! – поприветствовал он находящихся в землянке людей, или может, одного человека – войдя со света в полумрак, он не мог разглядеть, кто тут есть.

– А, нашего полку прибыло! – подал голос офицер, сидящий за сколоченным из досок небольшим столом.

Алексей, чуть по привыкннув, разглядел на его погонах по три маленькие звездочки. «Значит, это и есть старший лейтенант Коломийченко!».

– Младший сержант Боровых, – представился Алексей. – Прибыл для прохождения службы в вашем подразделении.

– Ну, коль прибыл, будем служить, сержант Боровых, – бодрым голосом произнес старший лейтенант.

– Младший сержант, товарищ старший лейтенант, – внес поправку Алексей. Но Коломийченко не обратил на это внимания.

– Кто ты и что ты, мне известно, – сообщил он Алексею. – Подполковник Смоляков уведомил, и этого пока достаточно. Остальное служба покажет.

Старший лейтенант выглядел молодо. И даже очень. Он был чернобров, тщательно выбрит, и лицо его украшали густые, пышные черные усы. Видавшая виды форма на нем сидела щегольски.

– Ну, и самое главное, сержант Боровых, – Коломийченко оценивающе поглядел на Алексея, – ты определяешься в отделение старшего сержанта Ждановского. Кстати, он с минуты на минуту должен быть здесь, так что ты его можешь и подождать.

– Есть, подождать! – ответил Алексей. – А можно, я там, у входа в землянку подожду?

– Только будь осторожен, – предупредил старший лейтенант. – У нас на войне как на войне. Пули летают.

– Так это дело мне знакомо, товарищ старший лейтенант. Я ж воевал. И был ранен... Есть, быть осторожным, – козырнул Алексей, развернулся и вышел из землянки.

Вскоре с немецкой стороны начались обстрелы наших окопов и траншей. Помимо пулеметов и минометов неожиданно подключилась и тяжелая артиллерия. Разрывы снарядов, ложившихся то за пределами траншей, то перед ними, встряхивали землю так, что с брустверов осыпалась земля. Стоял неимоверный визг летящих снарядов и грохот их разрывов.

Под накатом из бревен и толстого слоя грунта было бы много безопаснее переждать этот кошмар. Но делать нечего. Не возвращаться же. Нет, это не дождь, не вдруг обрушившуюся грозу переждать. Здесь такой поступок однозначно будет сразу же расценен как трусость.

Пробегавший мимо боец обратил на него внимание и посетовал:

– Не бережешь себя, браток. Тут без каски может так голову зашибить, что потом и не вспомнишь, как тебя зовут.

И скрылся за поворотом траншеи.

Артобстрел продолжался. Он длился еще минут десять. «Наверно, – подумал Алексей, – эта оказия случилась перед наступлением немцев. Обычное дело на фронте».

Мимо него, пригибаясь, едва скользнув взглядом, в землянку юркнул старший сержант. «Вот он, Ждановский», – догадался Алексей.

Немецкая канонада начинала уже давить Алексею и на уши, и на нервы. Нашел бы он свое место в этой круговерти, и ему не страшны были бы никакие артиллерийские, да хоть бы и танковые, атаки.

Совсем близко разорвался с грохотом снаряд, обильно осыпав Алексея и находящихся поблизости бойцов влажной, глинистой землей.

– Вот черти, – выругался один из них, отряхиваясь, – так и прибить ведь могут. Заварили кашу без масла. Ей и подавиться можно.

Пришлось стряхивать с себя землю и Алексею. Он снял скатку, тщательно вытряс ее, а потом стал ладонью очищать и гимнастерку. За этим занятием его и застал вышедший из землянки старший сержант Ждановский.

– Милости прошу к нашему шалашу, – прокричал он Алексею. Кивнул головой, мол, следуй за мной. И сгорбившись, на полусогнутых ринулся по закоулкам траншей.

Алексей, не успев надеть на себя скатку, с вещмешком и винтовкой за спиной, с автоматом на груди, опираясь на палку, так же пригнувшись, поспевал за Ждановским.

Наконец, похоже, этот марафон закончился. Ждановский сказал:

– Давай сюда, – и прошмыгнул в бревенчатую щель сбоку. Это тоже была землянка, но просторнее той, где «квартировал» старший лейтенант Коломийченко, и много темнее. Света снаружи хватило, чтобы Алексей разглядел спартанское внутреннее убранство. Кроме тесных двухъярусных лавок или полатей, сколоченных из березовых жердей и закиданных

соломой, посреди землянки были расставлены пустые ящики из-под снарядов. Они служили здесь, видимо, и табуретками, и столом.

Артобстрел стал глуше. Наверняка немцы вот-вот пойдут в атаку. Из обитателей землянки никого на месте не было. Значит, все на боевых позициях.

– Вот наши хоромы, – бодро произнес Ждановский. – Здесь обитает наше отделение.

Ждановский был молодым парнем, ладно скроенным, ростом чуть выше среднего, белокурый, с легкими, едва пробившимися усами. Алексей ревниво отнесся к тому, что этот, в общем-то, молодой парень – уже старший сержант. А он, Алексей, постарше будет, а вот – все еще только в младших ходит.

– Обитаем тут, – пояснил командир отделения, присев на край одного из ящиков, – но только все вместе разом мы не собираемся. Не приходится.

Вдруг он хлопнул по колену и воскликнул:

– Вот ведь дубина бестолковая. Балаболу, балаболу... А с человеком и не познакомился.

И протянул руку:

– Ждановский. Андрей.

Представился и Алексей.

– Так я о чем толкую, – продолжил Ждановский, – взвод у нас, я говорю, небольшой. Всего четыре отделения. И отделения небольшие – до двенадцати человек. Эти дни землянку временно занимаем мы. Воюем вместе со всем полком. А другое отделение, что квартировало здесь до нас, нынче на задании. И третье отделение на задании. А четвертое отделение, можно сказать, на тренировочном полигоне. Отрабатывают отдельные приемы рукопашки, метают ножи, стреляют... ну и прочее. Кроме того, у них есть... банька. А это, друг мой, самое главное. Эх, банька... – сладостно протянул Ждановский. – Ничего, подойдет и наш черед. И мы попаримся. – Ну, а пока, – хлопнул он по плечу Алексея, – располагайся здесь, как говорится, – будь как дома. У нас ребята веселые, заводные. Да сам увидишь.

Ждановский встал. Подошел к лежакам, закиданным соломой и показал на один из них:

– Это будет твое местечко. Располагайся. А я побегу. Мне своих орлов поглядеть надо, – с озорной озабоченностью сказал Ждановский и растворился в бревенчатом проеме, как будто его здесь и не было.

Алексей едва успел разложить на указанное ему Ждановским место немудрящий скарб – скатку, вещмешок, винтовку и автомат, – как послышались пулеметные и автоматные очереди, отдельные винтовочные выстрелы. «Значит, – подумал Алексей, – началось. Немцы все-таки пошли». Выбрав из двух видов оружия, имевшегося у него, винтовку, вынув из вещмешка еще пару обойм с патронами и сунув их в карманы, он выбежал из землянки и, далеко не ходя, пристроился тут же, положив на бруствер свою винтовку.

Рядом с ним слева расположился пулеметный расчет. Алексей увидел мелькающие фигурки немецких солдат, приближавшихся к нашим траншеям. Он пригнул голову к винтовке и взял на прицел одного из множества бегущих солдат. Выбрал: вот этот... Молодой... Видно, что молодой... Худой... Но прыткий, ишь как торопится и палит из своего автомата...

Алексей прицелился и выстрелил. Немец споткнулся, взмахнул рукой, как бы прощаясь с кем-то, другая рука безвольно опустилась вместе с автоматом, держась за его заднюю короткую рукоять. Убитый упал вперед, лицом в землю, подчиняясь инерции.

После первого удачного выстрела он перевел прицельную планку на другую фигуру. Прицелился. Сумел разглядеть, что это был грузный мужчина, ступавший хоть и поспешно, однако тяжело. Алексей нажал на курок. Немец как ждал, что в него вот-вот выстрелят и обязательно попадут. Он встал, как бы прислушался сам к себе и, что-то выяснив или поняв, согласно осел мешком, а затем медленно, как бы нехотя, завалился на спину.

Алексей стрелял и стрелял. Вложил в магазинную коробку следующую обойму. Себя он мог с чистой совестью похвалить – не сделал ни одного промаха. Все пули, посланные им во вражеских солдат, достигли своих целей.

Из соседнего окопа слышался разговор бойцов пулеметного расчета. По-видимому, у них образовалась небольшая пауза в связи с перезарядкой ленты.

– Их никак нельзя допускать к траншеям ближе двадцати, пятнадцати метров, – говорил один. – Ежели ближе допустим, нас ведь гранатами закидают, гады, так-перетак.

– А мы и не подпустим, Никола. Патроны-то еще есть? – отозвался другой.

– Есть мал-мал. Да вот гранат штук пяток. Надо бы гдей-то ишо пошукать. Ишь как прут, так-перетак.

– Да ничего, не бойсь. Соседи подсобят. Мы тут не одни, – успокоил один другого.

И пулемет вновь застучал, после непродолжительного перерыва.

Атака была отбита. Немцы откатились назад, в свои окопы. Правда, было совершенно неясно – надолго ли?

Бойцы пулеметного расчета, заметно подуставшие, но довольные выполненной работой, смогли теперь закурить.

– Ну что, браток, передохни покуда, – обратился к Алексею один из них. – Присоединяйся. Покурим на троих. Ты небось из разведчиков? Мы тут ненароком видели, что ты с их сержантом шушукался... Новенький, что ли?

– Да, – подтвердил Алексей догадку пулеметчика. – Недавно зачислен в разведвзвод.

– Боевые хлопчики в вашем взводе, ничего не скажешь, – одобрительно сказал пулеметчик. И показал рукой вдаль, за изгиб траншеи.

– А они во-о-он там все гуртуются. И сержант к ним подался. А ты, видать, поотстал...

– Осваиваюсь.

– Понятно, – глубоко затянувшись, подытожил пулеметчик. Второй номер расчета молча курил и только внимательно из-под каски рассматривал Алексея. Но вот осмелился и он вступить в разговор.

– И вчерась, и седни я наблюдаю вот... – прокашлявшись, хриплым голосом сказал он. – Немец как немец пошел. По всем статьям на людей похож. И несмелей, и робкай, и осторожней, черт... На рожон шибко-то не лезет. А вот третьего дни, помнишь, Иван... Ух, и дикой народ был. Рожи от злобы перекошенные. Под пули лезли... Страха не чуяли, так-перетак. Ну, думал, ежели не остановим, ввалятся в наши траншеи, зубами загрызут. Зверье, натурально, так-перетак...

– Это да, – подтвердил пулеметчик Иван. – От их вида и наглости, с какой они перли на нас тогда, у меня инда коленки задрожали, честное слово. Вот – подумал тогда – истинно сила нечистая. Даже перекрестился пару раз. Ну... а что ты думаешь. Так валились на нас, инда внутри все захолонуло. Ох, до чего ж люты фрицы были! И это еще, считай, на расстоянии. А ежели б допустили... Тьфу, пропастина, – сплюнул себе под ноги пулеметчик. – Не приведи господи с такой нечистью в рукопашной схватиться.

– А ведь неделю назад или чуть поболее, помнишь, Иван, – вновь вступил в разговор второй номер пулеметного расчета Никола, – эти ребята, разведчики, тоисть, приволокли одного такого...

– Да не, – не согласился с Николой Иван, – тоды тоже, конечно, разведчики, но другие ребята были. Со старшиной Ямчуком. Я точно помню.

– Можа быть, Иван. Можа быть. Я ить спорить не стану. Но дело-то в главном. Оне, стало быть, языка приташили из-за линии фронта. А тот, как раз вот таким диконьким и окажись, так-перетак. Коды очнулси, так разошелси... куды там. Вчетвером оне его еле угомонили, скрутили-повязали по рукам и ногам...

– Но само-то главное что вышло... Энтот фашист-от вроде как нашим окажись. Вот ведь что! – подхватил Иван. – Его один из наших бойцов признал. «Дак энтто же не немец никакой», – вскричал он, случайно глянув на лицо немца. «Энтто же, – затвердил он тоды, – парень такой-то из нашей, мол, деревни. Чем хошь поклянусь, мол, – он». И забрали, увезли немца. Видать, разбираться с ним будут, что да как.

Алексей внимательно слушал мужичков-пулеметчиков и внутренне улыбался. Он-то уже догадался, о каком пленном «русском немце» шла речь, но о встрече с ним умолчал, посчитав: ни к чему попусту языком трепать.

Немцы, провалив атаку, огрызались из своих траншей редкими короткими пулеметными и автоматными очередями. Иногда слышались одиночные выстрелы. Но, похоже, что вновь подниматься в атаку желание у них иссякло. Решили себя на сегодня поберечь.

– Дымом от вас как из кочегарки, – послышался вдруг рядом густой низкий голос. Подошел средних лет мужчина с уставшим взглядом и давно не бритыми щеками.

– От вашего табака аж нижняя селезенка верхних дыхательных путей пухнуть начала, – продолжил небритый, окидывая всех немигающим взглядом светлых не улыбочивых глаз. – А кисет, как назло, пустой... Третий день, кажись. Не богаты ли вы табачком?

– Во, подъехал, – улыбнулся Иван. – Не богаты. Но поделимся.

И, вынув из кармана кисет, протянул его подошедшему бойцу со словами:

– Кури, земля, чтоб селезенка пузырем не вздулась.

Подошедший, сворачивая сигарку, заметил:

– Вот, сделали немцам еще одну оттяжку. А далее-то чего, а, мужики?

– А так и будем их оттягивать до поры, – пожал плечами Иван.

– До поры... До какой поры? – чиркнув спичку и раскуривая свернутую сигарку, бросил подошедший.

– Да покудова силов не подкопим, – высказался Никола. – А вот коды подкопим, тоды ужо и ухнем.

– Подкопим силы... – рассудительно повторил за Николаем подошедший. – Пока копим, тут как бы последние не растерять. Вон у нас после этой атаки двое убитых и четверо раненых. Это как?

Алексей молча слушал эти простые, незлобивые, но возникающие не без повода рассуждения о насущных проблемах боевой жизни.

– Ладно, пока немцы на нас с танками не лезут, – сделав глубокую затыжку, проговорил подошедший. – А то бы нам ох как тяжело было.

– Это да. С пехотой еще, слава богу, управляемся. А вот с танками-то пришлось бы попытеть, – согласился Иван. – А, опять же, откуда тут немецким танкам взяться? Там, за их позициями, сплошные непролазные болота. По ним никаким танкам досюда не пробраться. Я даже удивляюсь, как они сюда пушки притащили.

– Но ведь рвутся взять Русьву. И для этого они, вот погоди, сюда и танки, и еще черт знает чего понаташат, – убежденно и твердо заявил подошедший.

– Шут его знат... – протянул Никола. – Ох, не дай бог.

Показалась группа разведчиков во главе со старшим сержантом Ждановским.

– Что, кормежка была, нет? – спросил курильщиков старший сержант. – А то мы после запарки с немцами ух какие злые и голодные, – воскликнул он, смеясь.

– Эх, и зарядил ты, товарищ сержант, – с наигранным огорчением произнес Иван, – у меня в животе от твоих слов аж голод по всему фронту в наступление пошел. И сдержат нечем.

– Что, даже и сухариков нам не подкинули? – удивился Ждановский. – Как до ночи-то кантоваться будем?

– Да как обычно. Водички поьем, да покурим, да поясок потуже затянем...

– Эх, пехота... – воскликнул Ждановский, – сколь поясок не затягивай, а жрать охота. – Ну да ладно, тогда знакомиться будем. И кивнув в сторону своих бойцов, сказал:

– Это вот гвардейцы нашей команды, то есть нашего отделения.

И тут же уточнил:

– Но это только половина. Другая половина вон ту высотку, – махнул он рукой в ту сторону, откуда все они прибыли, – сторожить осталась. Нам ее приказали беречь как зеницу ока.

Алексей еще раньше, когда поглядывал в ту сторону, заметил это возвышенное место, на вершине которого дымились развалины разрушенного немцами дома. Траншея, уходившая отсюда вдаль, как бы упиралась в эту высотку, но на самом деле лишь делала резкий поворот перед ней и огибала ее спереди. Там, как оказалось, и защищало ее отделение Ждановского.

26

На четвертый день пребывания Алексея в отделении Ждановского, в период очередного загибья, в вечерний час в их землянку явился комвзвода старший лейтенант Коломийченко.

– Отделение, смирно! – скомандовал находившийся в это время с частью своих бойцов старший сержант Ждановский. – Товарищ старший лейтенант...

– Вольно. Отставить, – распорядился тот. И продолжил, обращаясь ко всем. – Ну как она, окопная жизнь, не надоела?

– Опостылела до чертиков... Пропади она пропадом... Да чтоб ей тошно было... – оживленно и дружно загалдели бойцы.

Алексей к этой окопной жизни только принюхивался, отзываться о ней во всеуслышание ему казалось не совсем ловко.

– Ну что ж, добре, – произнес Коломийченко. – Тогда готовьтесь к выполнению боевого задания. Завтра полночь – вперед. А на ваше место прибудет отделение сержанта Ефремова. А ты, старший сержант Ждановский, сейчас зайди ко мне. Надо загодя обсудить все детали.

– Есть, – ответил командир отделения.

И они вместе покинули землянку.

Ждановский вернулся минут через сорок.

– Ну что? Ну как? Куда? – посыпались на него нетерпеливые вопросы.

– Да ничего нового, – ответил Ждановский. – Задание обычное, наблюдать в оба глаза за передвижением техники и живой силы противника. Выдвигаемся, как уже сказал командир взвода, завтра полночь. Так что всем к этому времени быть в полной боевой готовности.

– Это что же, за кустиками сидеть и за немцами подглядывать? – разочарованно произнес кто-то. – А более-то ничего серьезного нам предложить не могут? Или не хотят? А мы бы могли... А, верно, мужики?

– С горы оно виднее, – примирительно отозвался рядовой Самоха. – Наше дело что? – исполнять и не рассуждать.

Следующим вечером в траншеях наступило оживление. С полевой кухни бойцы начали подтаскивать термосы с горячим питанием. Но шума не было. Раздавались тихие разговоры да приглушенное звяканье известной универсальной солдатской посуды. Бойцам, утомленным за день да изголодавшимся по горячей пище, было не до баек да прибауток. Самым заветным и единственным желанием у всех было – набить середку да вздремнуть часок-другой. По ночам немцы шибко не шалили, так что более-менее спокойный сон мог быть обеспечен.

Отделение сержанта Ефремова, вернувшееся с выполненного задания, располагалось частью на нарах в землянке, а другой – под открытым небом в траншее под высоткой.

– Выдвигаемся. Пора, – тихо подал команду Ждановский, посветив фонариком на наручные часы. Группа покинула землянку, наскоро попрощавшись с оставшимися там бойцами.

Ночь была тихая и ясная. Над головами разведчиков мирно мерцали звезды. Иногда, споря со звездами, вспыхивали осветительные ракеты, запускаемые с немецких траншей.

Путь в тыл к немцам был знаком разведчикам и хорошо проверен. В его надежности никто не сомневался. Перед немецкими траншеями в низкорослом осиннике, где начинаются зыбучие мхи, а за ними темные воды болот с торчащими травяными и мшистыми кочками, запасливыми разведчиками загодя припасены и припрятаны от посторонних глаз жерди для прощупывания дна при передвижении по этим труднодоступным местам.

Группа Ждановского в потемках подошла к краю заболоченного пространства. Здесь бойцам предстояло сделать окончательную проверку всей своей амуниции, прежде чем шагнуть с твердого берега в топкое болото. На ногах каждого разведчика должны быть ношенные, бэушные сапоги, которые только и годятся по топям шлепать. А нормальная, повседневная

пара сапог с портянками в них, связанная между собой, должна была висеть или на шее, или через плечо.

Убедившись, что с этим ни у кого недоразумений нет, группа, наконец, начала переход по знакомому маршруту через зыбкие топи в глубину немецкого тыла. Впереди шел командир отделения Ждановский. За ним десять разведчиков.

Алексей шел легко. Рана его не доставала. Он даже начал о ней забывать. Сейчас он не уступал в группе, пожалуй, никому. Держался на равных. Это его радовало и успокаивало, вносило смысл и равновесие в фронттовую жизнь. Он шел, и глаза его, уже привыкшие к темноте, чуть разбавленной лунным светом, упирались в смутную тень спины шедшего перед ним бойца Храмцова.

Храмцов был дюжим парнем, в прошлом футболист, всегда улыбочивый, с постоянно добродушным взглядом. Казалось, разозлить, вывести его из себя не сможет никто и ничто, но это было не так. Он столь неистово ненавидел всю немецкую фашистскую сволочь, что становился неузнаваем, если речь заходила о них, о немцах. А что говорить, если он с ними встречался в разведке. Храмцов шел, казалось, не торопясь, но Алексей, пытаясь безошибочно, насколько это было возможно, ступать след в след, едва поспевал за ним.

Следом за Алексеем боролся в темноте с болотной трясиной боец Самоха. В прошлой мирной жизни Самоха тоже имел спортивную биографию. Он был боксер. И вполне приличный, поскольку, как оказалось, не раз успешно выступал на всесоюзных турнирах по боксу. Но роста Самоха, по сравнению с Храмцовым, был незавидного.

Группа шла тихо. Слышно было только, как хлюпала под ногами вода. Из-под ног вздымались и лопались пузыри, изливая наружу зловонные запахи. Пока ноги проваливались в трясины чуть выше колена. Но все, кто ходил по этой болотине раньше, знали, что еще придется идти в этой грязной жиже и по пояс, и даже по грудь.

Слева, через низкорослый соснячок, едва приметно заблестела при робком лунном свете черная гладь Глухого озера. К его берегам подойти никому и никогда не удавалось. Группе следовало на достаточном расстоянии обогнуть это озеро и пройти еще с полкилометра, чтобы ступить на твердую почву.

Не упуская ни на мгновение маячивший перед ним темный силуэт Храмцова, Алексей занимал себя мыслями о прошлом. Ему вспомнились строчки о разведке, записанные в заветную тетрадку еще в госпитале. Он думал тогда о прошлых вылазках с сослуживцами, которые сейчас воюют где-то без него.

След в след.
За отметкой отметка.
Чу! Если что —
выстрел меткий
в цель.
Но лучше тихо, без шума —
Угу?!
Идет разведка,
проникает, как в щель,
в тыл к врагу —
узнать о тайных
коварных замыслах фрицев.
И для того же намять бока,
не щадя кулака,
чтобы взять языка
и возвратиться.

– Ну, твари поганые, – позади Алексея Самоха клял немцев в хвост и в гриву. – Из-за этой проклятой падали приходится по своей земле гнилыми болотами шастать. Ну, суки, погодите у меня.

Говорил ли что впереди идущий Храмцов, Алексей не слышал. Наверняка тоже передавал приветы фашистской нечисти.

Небо уже посерело, когда под ногами у разведчиков оказалась хрустящая мелкими веточками и шелестящая сухими листьями земля, на которой росли разлапистая ель, пара осинок, да две-три тонких березки. Впереди оставались сушие пустыки – метров чуть более ста до лесного массива. А сейчас бойцам предстояло переобуться в сухие сапоги, которые они бережно и заботливо донесли на своих шеях и плечах. А грязные и промокшие «болотники» оставить здесь до возвращения с боевого задания.

И зачвакали, захлюпали снимаемые с ног «болотники». Бойцы помогали друг другу стаскивать вымокшую обувь.

– Сапоги-то мы переобуем, – пошутил один из бойцов, – а вот как быть с подмоченной репутацией?

– На ходу подсушишь, – откликнулся другой. – Посмотрим, как бы нам жарко не стало.

– Разговорчики, – урезонил бойцов Ждановский.

Когда «болотники» были надеты голенищами вниз на «тычки» из прутьев и веток, воткнутых под елью, а жерди – прислонены к березкам, командир отделения отрядил первую тройку бойцов, в их числе и Алексея, зайти в лес и осмотреться – нет ли где случайной или неслучайной неприятельской засады. И если все в порядке, то дать знак – махнуть пилоткой следующему за ними на расстоянии разведчику. Ну, а тот, соответственно, передаст сигнал основной группе.

Алексей с двумя разведчиками, перескакивая с кочки на кочку, обходя промоины по качающемуся мху, скоро достигли плотного лесного массива. Ступив на твердый, покрытый росистой зеленью грунт, разведчики спешно разошлись по сторонам. Алексею выпало двинуться вправо. Все вокруг оказалось спокойным, озарялось утренним светом, разбавленным легким туманом. Получив условный сигнал, в лес передислоцировалась вся группа Ждановского. Шли долго. И вот короткий привал. Все повалились на траву, унимая шумное дыхание. Алексей лежал, привалившись головой к дереву. Он хоть и заметно подустал от ночного марафона, но вместе с тем чувствовал прилив сил и радость. Он снова в разведке.

Небо высветлело окончательно. Ждановский изучал вынутую из планшетки карту, сверяя по ней дальнейший маршрут. Куда идти и что предстоит делать, знал только он. И бойцы сейчас не лезли, не донимали командира ненужными вопросами. Дело каждого в эти минуты – отдыхать, набираться сил для дальнейшего марш-броска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.